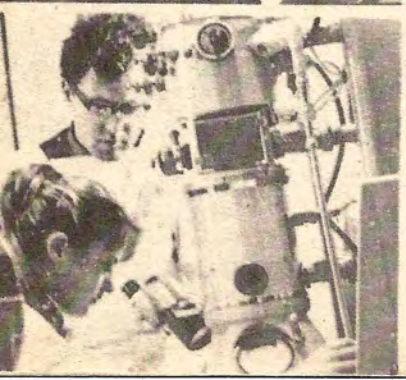

4
1974

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Молодость страны... Наследники боевой и трудовой славы отцов сегодня на всех «горячих точках» — на заводах и стройках, в колхозах и научно-исследовательских лабораториях. И снова, как в тридцатые годы, слышится призывный клич:— Время, вперед!

Апрель — знаменательный месяц в жизни комсомоли страны. Он проходит под знаком XVII съезда ВЛКСМ. И лучший подарок комсомольскому съезду — твой вдохновенный труд!

Фото А. ЛЫСЯКОВА

В НОМЕРЕ:

А. Корабельников. А БЫЛО ЭТО ТАК СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	2 9
А. Домнин. ПОБРАТИМЫ. Поэма	10
Г. Осипов. АЛТАЙСКАЯ МОЗАИКА	13
С. Федоров. МЫ — ЦЕЛИННИКИ!	16
З. Вильнер. КОЛЯСКА	17
А. Анушкин. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ	28
Ю. Яровой. ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ. Повесть. Окончание	30
Н. Марихин. ДЕРЕВЯННАЯ ШВЕЯ	47
В. Тхоржевский. СУМАСШЕДШИЕ КЛЕТКИ	48
С. Гаврилова. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОВЕТ. Рассказ	52
М. Петров. КТО ПОСАДИЛ РОЩУ!	54
Б. Рябинин. ТРОПА ЕГО ЖИЗНИ	55
А. Соларев. НАВЕЧНО В ПАМЯТИ ЖИВЫХ	61
Н. Широкова. БУДЬ МУЖЧИНОЙ	62
Ф. Суркис. ПЕРЕКРЕСТОК, ИЛИ СКАЗКА О ТАВИ. Фантастика	67
З. Лихачева. ПОБЕГ ИЗ БОЧКИ	74
Е. Твердов. РУСАЛКИНА КОСА	76
ПРИЗ — ЮНЫМ ОРНИТОЛОГАМ	77
ПОБЕДИТЕЛИ ФОТОКОНКУРСА	77
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство

4
1974

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы

Александр
КОРАБЕЛЬНИКОВ

Рисунки Н. Мооса.

А БЫЛО ЭТО ТАК

Воткинская гидроэлектростанция уже девять лет вырабатывает миллион киловатт-часов электроэнергии ежегодно. Ток с ее агрегатов течет по жилам высоковольтных проводов на заводы и стройки.

Но не только миллионы киловатт-часов драгоценной энергии дает ГЭС на Каме. Она дала жизнь новому уральскому городу, которому имя — Чайковский.

А начиналась ГЭС так.

1.

10 марта 1954 года на железнодорожной станции Кварса в Удмуртии сошли с поезда девять человек с рюкзаками и чемоданами. Они опустили в шапку девять одинаковых бумажек с табельными номерами работников первого строительного участка будущей стройки.

Первый номер достался начальнику участка Кириллу Борисовичу Немире.

Последний — девятый — вытянул прораб строительных работ Герман Андреевич Кокоулин.

Баржа с экскаватором пришла вечером. Пароход не дотянул ее метров десять до берега и загремел якорной цепью. Капитан в меховой дохе, медведем ворочаясь на тесном мостике, прокричал в жестяной рупор:

— Ближе подойти не могу! Мель!.. Стройте причал. К утру экскаватор не выгрузите — уйду. Обмерзать я здесь не намерен.

...Немира пожевал мундштук папиросы и щелчком швырнул ее в реку. Окурочок красной ракетой прочертил в темноте дугу, но не пшикнул в воде, а, рассыпав искры, покатился по тонкой пленке льда.

— Выручай, Андреич. Скликай бригаду Заводчикова. Чтоб к утру причал был.

Кокоулин смерил глазами расстояние до баржи, сумрачно оглядел чернеющую на палубе громадину экскаватора, поскреб подбородок.

— Больно жесткий срок. Да и народ в бригаде еще непроверенный. С бору по сосенке собрали...

— Вот и проверишь. Считаю этот причал первым объектом на новой стройке. А без экскаватора нам, сам знаешь, — каюк!

Немира повернулся и зашагал в гору.

Первый объект... С тех пор, как полгода назад они высадились в Кварсе, их участок уже проложил тридцатичетырехкилометровую трассу к площадке будущего строительства. А этот причал, который они должны соорудить сейчас за одну ночь, был и впрямь первым объектом. Не ахти, конечно, какой объект, если бы... если бы не одна-единственная ночь впереди и не ледяная вода по пояс.

Через час на берегу против баржи зажгли костры, выхватывая из тьмы черные ветви прибрежных сосен и густую, вязкую, как остывший молочный кисель, воду.

Кокоулин, обжигая в огне пальцы, чертил в блокноте карандашом, объясняя бригадире плотников Василию Заводчикову:

— Причал сделаем двадцать метров в длину, десять — вглубь. Грунт здесь неважный, я проверял, значит, сваи бить как можно глубже и чаще — экскаватор чуть не сто тонн весит. Допустим, полсотни свай хватит...

— Может, и хватит, Герман Андреич, — перебил бригадир, — да полезут ли люди в воду? Шуга ведь идет. Приказом тут не заставишь.

— Я и сам, Васильич, об этом думаю. Придется нам с тобой пример показывать.

Кокоулин испытующе глянул на бригадира. Тот не отводил глаз.

— О нас и речи нет. А ты бы все же сказал ребятам, что экскаватор для стройки значит. Ты как-никак и КамГЭС строил — знаешь.

Плотники — вся бригада — сгрудились

вокруг костра. Огонь высвечивал разношенные кирзовые сапоги, валенки, брезентухи, потертые шапки, лица.

«До чего же разные лица», — думал прораб.

Вот у этого — кажется, его зовут Петром — молодое, усмешливое, с чертами в рыжих глазах, задорный блеск которых виден и сейчас, в свете костра. Этот и без агитации полезет и в огонь, и в ледяную воду. А этот вот — пожилой, глаза запрятаны под густыми бровями, — по слухам охоч до денег. Этот полезет ли?

— Вот что, ребята, — Кокоулин почему-то снял шапку, — агитировать я не мастер, да и времени нету. Мы пришли строить ГЭС. А строек труднее, чем строительство ГЭС, наверное, не бывает. Тяжелое это дело... — Кокоулин перевел дыхание, надел шапку и совсем спокойно сказал: — Сваи придется ставить в воде. В воду пойдут добровольцы. Остальные будут работать на берегу.

Через минуту на берегу зазвенели пилы, застучали вперевод топоры. Плотники, скользя сапогами в береговой глине, слегка подкатывали к воде четырехметровые толстенные, в обхват, сваи, выпиливали из сырого тополя тяжелые чурки для ручных «баб», готовили брусья для настила.

«Эгей!.. Примерзли руки к топорам!..» — услышал Кокоулин озорной голос, доносящийся из темноты, и понял, что это голос Петра. Дело пошло!

Фантастическими тенями мелькали в бликах костров фигуры плотников. То тут, то там, перекрывая визг пил и стук топоров, слышалось дружное: «Раз... два... взяли!..» Штабель свай на берегу рос и рос и скоро уже возвышался горой.

...Ледяная вода показалась сперва даже терпимой. Только на границе воды и воздуха тело казалось будто перевязанным огненной нитью. Зато грудь и плечи на воздухе леденели от стужи, и, чтобы хоть как-то согреться, Кокоулин всей грудью налег на сваю, которую они втроем с Заводчиковым и Петькой удерживали вертикально, пока наверху четверо рабочих ударами тополевой «бабы» вгоняли сваю в речное дно.

— Один... два... три... — считал он удары, чувствуя грудью, как шершавое бревно сантиметр за сантиметром погружается в вязкий ил...

И уже сидя у костра, через который под хохот плотников в чем мать родила с уха-ньем прыгал Петька, Кокоулин с удивлением увидел, как давешний мужичок с затаен-

ным взглядом и, по слухам, жадный до денег вдруг скинул ватник, стянул штаны и, оставшись в одних кальсонах и почему-то в шапке, попробовал ногой ледяную воду. Приговаривая: «Мать честна... ах, мать честна!» — он тоже полез в реку.

К утру причал был готов.

Капитан буксира, вышедший на мостик в своей меховой дохе, долго глядел на него, потом скрылся в рубке и вновь появился на мостике уже в форменной шинели и капитанской фуражке.

Двенадцатью стальными тросами зацепили железную громадину экскаватора. Двенадцать лебедок, собранных со всей округи, враз натянули тросы. Громадина дрогнула и, скрипя широченными гусеницами, вползла на причал, высланный рельсами.

— А ведь по идее-то Герману Андреичу надо сейчас под причалом сидеть, — услышал Кокоулин у себя за спиной Петькин смехок, — как те проектировщики, что мосты строят!

Он улыбнулся. Под причалом сидеть ему было незачем: он был уверен в добротности сооружения. И когда гусеницы экскаватора коснулись земли, и Петька испустил дикий вопль и исполнил дикарский танец, а мужичок с затаенным взглядом хмуро взглянул на него — Кокоулина — и пробормотал: «Вот тебе и экзамент!», Герман Андреевич, как вчера вечером у костра, снял шапку и сказал:

— Спасибо, ребята...

2.

...А потом, когда этот самый экскаватор прорыл канал будущего шлюза и в нем начались бетонные работы, строительную площадку по ночам освещали уже не кострами. Электрики установили на берегу канала гигантские стальные мачты с восемьюдесятью мощными прожекторами на каждой.

Среди монтажников, устанавливающих эти мачты, был комсомолец Алеша Панков.

Алексей боялся высоты. Каждый раз, работая на вершине стальной опоры, откуда бульдозеры и самосвалы казались детскими игрушками, а люди — муравьями, он чувствовал, как мелко подрагивают у него пальцы, к горлу подкатывает тошнота, и даже крепкий верховой ветер не успевает

высушивать липкую испарину, выступающую на лбу.

Но больше всего он страшился, что кто-нибудь заметит его боязнь, и радовался, что, слава богу, никто, даже бригадир, не видит тайного страха, терзающего его каждый раз перед работой.

И все же один человек заметил.

Однажды зимой, когда они подключали прожекторы на верхней площадке пятидесятишестиметровой мачты, его напарник — бывалый и лихой верхолаз — молодой парень с диковатыми разбойничьими глазами Ванька Окулов пристально посмотрел на его озябшие руки и равнодушным голосом предложил:

— Давай на спор, что я по перилам обойду площадку кругом!

Алеша испуганно взглянул на узкую металлическую полоску перил, покосился вниз и тоже как можно равнодушной сказал:

— Зачем? Начальство увидит — отстранят от работы или...

— А я и без спора пройду, — перебил его Ванька и ловко вскарабкался на барьер.

Алексей весь сжался, а Иван распрямился, чуть покачнулся, балансируя, раскинул руки и, дурашливо пробормотав: «Она по проволоке ходила...» — мелко семеня валенками, быстренько обежал по перилам площадку. Спрыгнув на нее рядом с Алешкой, он хлопнул его по плечу:

— Вот так... Это тебе не на подмостках ходить — героев изображать.

Это Ванька намекнул на участие Алеши в самодеятельности, где благодаря голосу «почти левитановскому» и вообще «фактуре», как говорил режиссер, ему почти во всех спектаклях, которые ставили в клубе гидростроителей, доставались героические роли.

Алексей почувствовал, как внутри у него все дрогнуло.

— Держи, — сказал он и отдал Ивану свои брезентовые рукавицы. Потом прошел в угол площадки и, стараясь не смотреть вниз, измерил взглядом длину перил: «Метр... Значит, надо пройти четыре метра... и три раза повернуться на девяносто градусов»...

«Только четыре метра и три поворота», — заставлял он себя думать, взбираясь на железное ограждение площадки и с ужасом чувствуя, как предательски дрожат ноги. Утвердившись подошвами валенок на перилах, Алексей медленно выпрямился и, стараясь не отводить взгляда от узкой полосы стилой стали у себя под ногами, не

отрывая от нее валенка, скользнул им вперед. Замер, покачиваясь подтянул другую ногу, и, как сквозь вату, услышал насмешливый Ванькин голос:

— Три... четыре... пять, вышел зайчик погулять...

Алексей шагнул раз, другой, третий. Вдруг полоса перил перед его глазами повернула вбок, взгляд сорвался вниз, в пятидесятиметровую пропасть. Далекая, развороченная экскаваторами и бульдозерами земля в лоскутах снега слегка покачнулась... В тот же миг он почувствовал, как его рванули за рукав брезентухи, и затем он крепко стукнулся валенками о стальной пол площадки.

— Ну... ты даешь! — услышал он прерывистый Ванькин голос и впервые за все их знакомство увидел в глазах у того испуг.

Когда они спустились на землю, Алексея подозвал бригадир и хмуро сказал:

— Вот что, друг! Циркачи мне не требуются. Стройка — не балаган. Побудь пока на земле.

Алексей вспыхнул: его «цирковой номер» не прошел незамеченным.

Два дня бригадир не допускал Алексея к работе на высоте. И в глубине души Алексей был даже рад этому. До сих пор, лишь стоило зажмурить глаза, перед ним возникала гипнотически притягивающая к себе качающаяся пустота. Но каждый раз, когда, небрежно перекинув через плечо цепь монтажного пояса, Ванька готовился карабкаться на опору, он шутовски салютовал Алексею брезентовой рукавицей:

— Привет циркачам!.. Не забудь свою лихость на подмостках отобразить!

На третий день их бригада ставила очередную мачту. Сперва все шло нормально. Две ноги лежащей опоры завели на бетонное основание. Вершину застропили стальными тросами и бульдозерами потянули через систему блоков. Мачта оторвалась от земли, гигантской минутной стрелкой описала дугу и вдруг дрогнула. Раздался скрежет железа, и мачта, вместо того, чтобы вертикально встать на бетонном фундаменте, застряла, покачиваясь, в том положении, в каком находилась бы минутная стрелка часов, показывающая без пяти одиннадцать. Произошло непредвиденное: одна из «ног» башни не выдержала нагрузки и надломилась.

Тридцатидвухтонная стальная конструкция нависла над шлюзом, ежесекундно грозя оборвать удерживающие ее тросы и рухнуть на строительную площадку.

Монтажники замерли. В следующую секунду бригадир бросился в бытовку и бегом вернулся оттуда с двумя монтажными поясами и мотком пеньковой веревки. Бросил свою ношу на снег и отер со лба пот.

— Вот что, парни, — задыхаясь, проговорил бригадир. — Надо кому-то лезть, застропить дополнительными растяжками. Тогда мы ее, гадину, — он кивнул на накренившуюся опору, — хоть на три ноги поставим, иначе... — он безнадежно махнул рукой, — худо будет иначе!.. Есть добровольцы?

— Ну как не быть, — услышал Алексей ленивый Иванов голос и увидел, как тот не спеша поднимает с земли страховочный пояс.

Бригадир обвел взглядом других монтажников.

— Тросы тяжелые. Один не подымет. Кто еще?..

Иван неторопливо застегивал пояс и все так же насмешливо исподлобья глядел в глаза ему — Алексею.

У Алексея перехватило дыхание. Ему показалось, что кто-то другой, а не он, сказал за него:

— Я пойду.

— Ты?! — бригадир оценивающе посмотрел на Алешу. — Циркач?..

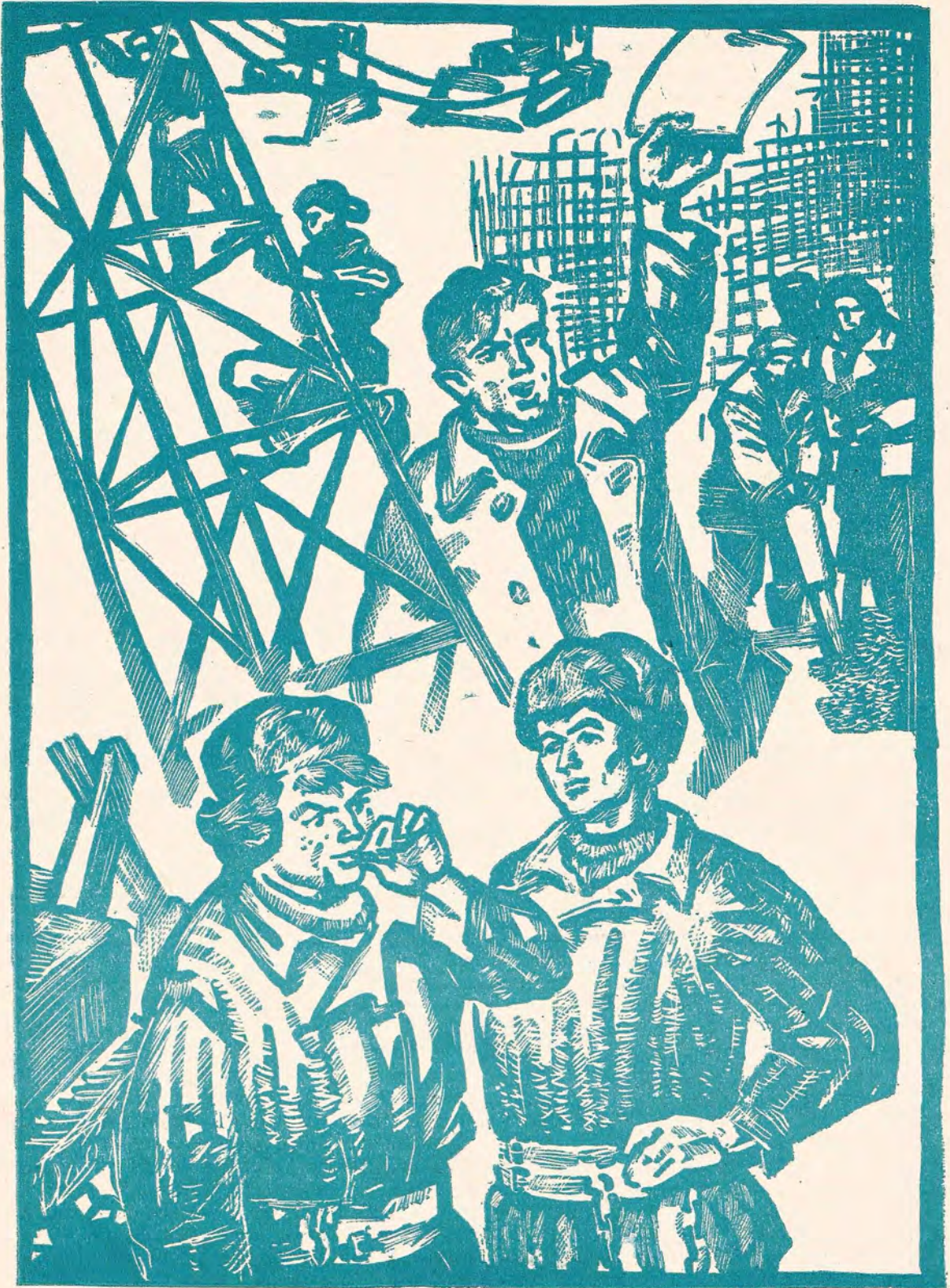
— Брось, бригадир, это ведь я его тогда на спор подбил, — добродушно усмехнулся Иван.

— ...Ты вниз не смотри, на землю! Лезь и все, ни о чем не думай! — кричал он Алеше, когда обмотанные веревками, под вой ветра в переплетениях железа, они карабкались вверх по раскачивающейся мачте.

«Черта-с-два!.. Нарочно буду смотреть!» — зло думал Алеша, цепляясь брезентовыми рукавицами за жгучие от мороза скобы.

Добравшись до площадки на сороковой отметке, они закрепились монтажными поясами, и, передохнув секунду-другую, сбросили на землю концы веревок. И только когда внизу к этим веревкам привязали стальной трос-растяжку и они с Иваном потянули его наверх, Алексей понял, на что он вызвался. Чем выше от земли подтягивали двухсантиметровой толщины стальной трос, тем тяжелее он становился, и скоро, несмотря на пронизывающий ледяной ветер, они с Иваном взмокли от пота.

Из-за крена мачты нормально стоять на площадке было нельзя. Земля внизу раска-

чивалась, натянутая веревка выскользнула из рукавиц, и их в конце концов пришлось снять.

И еще два часа работы на раскачивающейся наклонной мачте потребовалось им, чтобы поднять и закрепить все три троса.

Когда они спустились на землю и бригадир до боли нахлопал их по плечам своей заскорузлой лапой, когда бульдозеры установили аварийную мачту на три «здоровых» ноги и электросварщики заменили сломавшуюся, Алексей сказал разомлевшему от бытовочного тепла Ивану:

— А ведь я там все время глядел на землю... и хоть бы что.

Иван улыбнулся. Не насмешливо, как он улыбался всегда, а добродушно, почти подетски. Потом вдруг вздохнул и сказал серьезно:

— Завидую я тебе, Леха. Здорово у тебя на сцене получается. Везет же людям... И девчата за тобой табуном бегают. А меня и талантом бог обидел, и рожа кирпичика просит... Ну, бывай! — и, до хруста сжав протянутую руку Алеши, шагнул из бытовки.

3.

А 12 апреля 1961 года Алексея разыскал комсорг стройки Иван Старцев и прокричал:

— Беги срочно на радиоузел. Надо объявить всем по трансляции: в космосе первый человек — Юрий Гагарин!..

Накануне Иван ездил в Ижевск. Наместили провести ситцевый бал и надо было закупить ситцу на платья. На обратном пути машина застряла на раскисшей дороге. Вытаскивая ее, они с шофером провозились до ночи. А утром надо было вставать как можно раньше, чтобы успеть с членами комсомольского штаба стройки написать и вывесить в самых видных местах плакаты «Тревоги» — тревожные сигналы о положении на отстающих участках. Плакаты эти, как правило, писали на огромных щитах размером в несколько метров, а сегодня о бригаде Николая Садилова, допустившей брак на сооружении пилона, ухитрились написать метровыми буквами на самом теле пилона так, чтобы вся стройка видела фамилии бракоделов. А потом пришлось выдержать бой с Никитиным — начальником

третьего опалубочного участка. На участке хламу — черт ногу сломит, а убрать — пальцем никто не пошевелит. Члены штаба привязали к метле траурную черную ленту, сочинили «диплом за самое худшее содержание рабочей площадки» и, выждав, когда Никитин соберет планерку, вручили ему все это на глазах у собравшихся бригадиров и мастеров. В общем, заставили и покраснеть и дать слово, что территория будет убрана.

Короче говоря, отдохнуть было некогда, и сейчас, сидя в тесной комнатке штаба, Иван чувствовал, что усталость дает себя знать. Несмотря на кучу нерешенных вопросов и неотложных дел, его неодолимо клонило ко сну. Но спать было нельзя. Сегодня во что бы то ни стало надо было решить вопрос, который мучил Ивана уже не первый день и не первый месяц: как мобилизовать комсомольцев на очистку бетонных блоков?

Дело в том, что перед укладкой огромных тысячекубометровых блоков в тело плотины их необходимо очистить от пыли, грязи, щепок и другого строительного мусора. А вся «техника», которая применялась при этом, — метлы, тряпки да ведра. Работа грязная, муторная, непроизводительная и уж, конечно, не денежная. Бригады подготавливающих и бетонщиков не успевали.

Чтобы прогнать сон, Иван включил радио, послушал немного музыку и вдруг, вздрогнув, насторожился. Сна как не бывало. Из репродуктора настойчиво лились позывные, предшествовавшие обычно самым важным сообщениям ТАСС.

Так и есть.

— Работают все радиостанции Советского Союза!.. — услышал он торжественный голос Левитана и включил радио на полную громкость.

— ...Сегодня, 12 апреля 1961 года, в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту...

Иван трясущимися от волнения пальцами схватил карандаш и лихорадочно зачеркал в блокноте, записывая текст сообщения. Потом выскочил за порог, взглянул на небо, как будто в его апрельской голубизне можно было разглядеть спутник, и бегом бросился на участок, где работал Алеша Панков.

Уже вместе они ввалились в двери комсомольского радиоузла. Пока Алексей читал про себя записанный Иваном текст сообщения, сам Иван, щелкая тумблерами

аппаратуры, подключил все точки трансляционной сети.

Когда все по нескольку раз прослушали официальное сообщение, Иван протянул Панкову текст короткого обращения комсомольского штаба к молодым строителям станции. В нем говорилось:

«Мы с вами трудимся на земле, но с теми, кто сделал первый шаг в космосе, у нас общая забота. Поработаем сегодня так, чтобы нам не было стыдно перед первым покорителем космоса Юрием Гагариным!..».

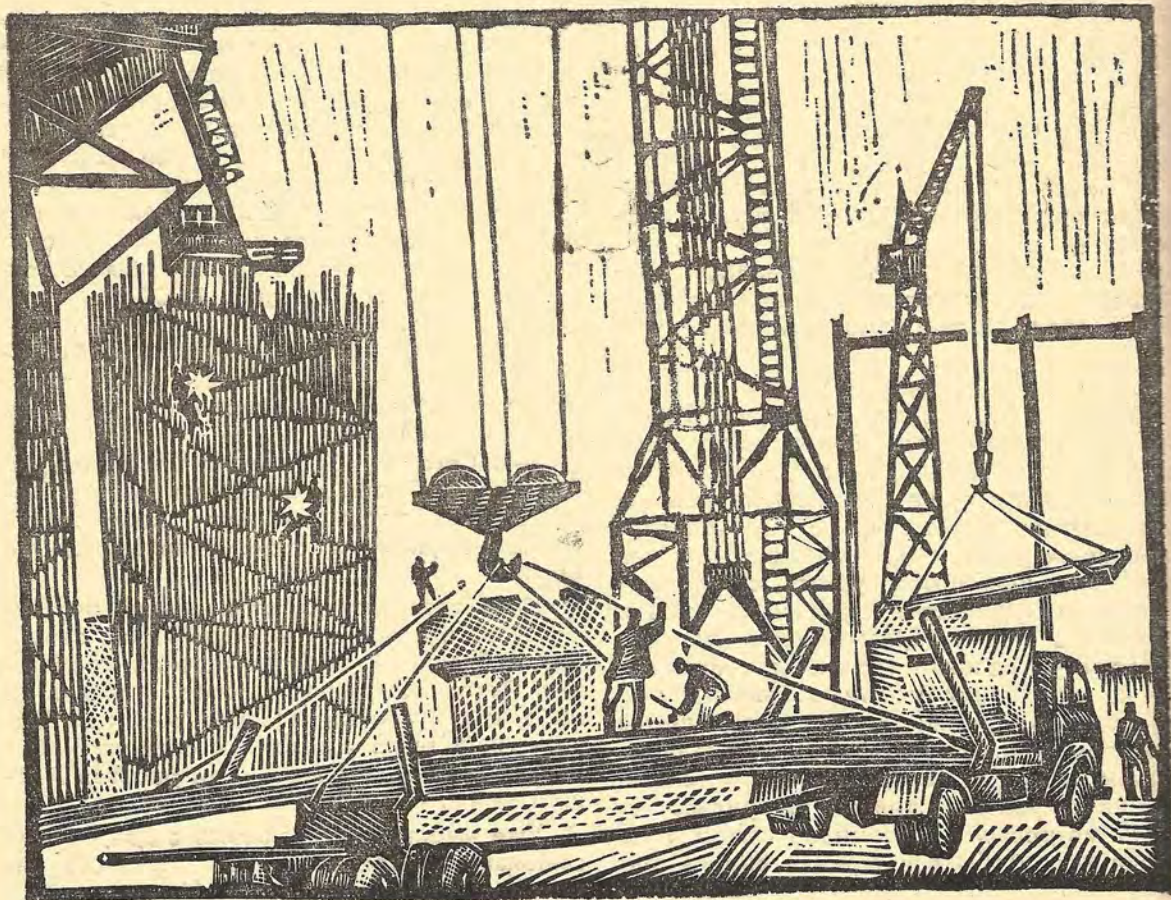
...Лучшая комсомольско-молодежная бригада опалубщиков Марьяна Ложкина, отработав смену на основной работе, в полном составе перешла на очистку блоков и проработала там восемь часов.

Иван Старцев до конца строительства станции оставался одним из комсомольских вожakov стройки, был запевалой самых боевых, самых интересных дел молодых гидростроителей.

Алеша Панков вырос на стройке до мастера. Сыграл на сцене роли Егора Бульчева, Ивана Коломийцева из «Последних». Был делегатом XIV съезда комсомола.

Герману Андреевичу Кокорулину, начавшему строить ГЭС, пришлось и завершать стройку: он возглавлял участок по окончательной отделке гидроэлектростанции. В год пуска правительство наградило его орденом «Знак Почета».

Все трое после пуска Воткинской ГЭС перешли на строительство нового промышленного предприятия в своем молодом городе — завода синтетического каучука, вместе поступили на заочное отделение строительного факультета политехнического института и недавно защитили дипломы инженеров-строителей, решив всю свою жизнь посвятить профессии, которую однажды избрали.

НА СТРОЙКЕ (гравюра)

О. БУРНАТОВ (г. Сухой Лог)

Главная тема поиска следопытов зябровской средней школы № 1 Гомельской области — «Социалистическое преобразование района за годы Советской власти». Ребята беседуют со старожилыми сел, знакомятся с историей совхозов и колхозов района.

Интересная встреча произошла у ребят в селе Грабовка, где они познакомились со старым каменщиком Никитой Кузьмичом Фоменковым. Много зданий построено его руками. Но знаменит Никита Кузьмич тем, что строил мавзолей Владимира Ильича Ленина.

Он рассказал следопытам, что строить мавзолей из Грабовки в Москву ездило девятнадцать потомственных мастеров-каменщиков. Среди них отец и брат Никиты Кузьмича. На первом кирпиче кладки каждый каменщик свою фамилию оставил.

Н. К. Фоменков подарил ребятам свою кельму. Она хранится теперь в школьном краеведческом музее.

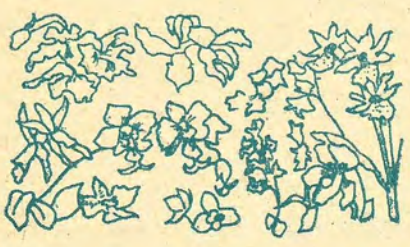
Следопыты школы № 11 города Черкассы уже несколько лет изучают малые реки Черкасской области. Последняя экспедиция была по реке Ольшанке. Пять дней ребята шли от города Городище к истоку реки. Гидрологи определяли расход воды по створам, этнографы — по каким районам протекает река, биологи изучали растительность побережья и речного дна, топографы составляли план местности и нанесли на карту обнаруженные ими два оврага и родники, которые надо очистить.

Все материалы экспедиции сданы в общество охраны природы.

По заданию местных краеведов и Дома пионеров следопыты школы № 3 города Асино Томской области собирали материалы по истории лесозавода. Ребята разыскали людей, которые строили предприятие, и первых рабочих завода. Они записали их воспоминания, сделали копии редких снимков и документов, рассказывающих об истории предприятия.

Восковской школе № 23 почти в каждом классе есть следопытский отряд. Ребята выполняют задание Московского областного архива по темам: «Новое на карте Подмосковья», «Имена В. И. Ленина и его соратников на карте Подмосковья», «Наш район Ленинский». Следопыты часто бывают на предприятиях района, встречаются с передовиками производства, депутатами райсовета, ветеранами революции, записывают воспоминания, рассказы о трудовой славе рабочих предприятий, делают снимки. Все материалы оформлены в музее школы.

Кодры — в переводе с молдавского означает лес. Такое название дали своему следопытскому отряду ребята из села Гуре-Галбенэ.

Из леса они принесли саженцы деревьев и высадили в селе сто каштанов. Склоны оврагов ребята украсили цепким кустарником. В Гуре-Галбенэ прежде никто не сажал цветов, а сейчас село утопает в цветочных клумбах и грядках. И все это благодаря следопытам.

Алексей ДОМНИН

Рисунки В. Меринова

ПОБРАТИМЫ

Солнце плавилось воском,
Травы сонные жгло,
Савроматское войско
В степь Великую шло.
Пыли рыжие космы,
Воздух потом пропах...
Пыль на лицах раскосых,
Соль на черных губах.
Вождь лихих савроматов
Сед, как филин лесной,
Сто батыров лохматых
У него за спиной.
Взгляд кагана — что жало,
Плечи в тонких шелках,
Отсвет войн и пожаров
На бескровных щеках.
Там, у дальней границы,
У приморской гряды
Золотые гробницы
Гордых скифских владык.
Вскрикнул медные трубы,
Вздогнут пики знамен,
И взойдет он по трупам
На сверкающий трон.

Был зловещим и низким
Свет вечерней звезды,
А в селении скифском
Не гадали беды.

Два босых и бедовых,
Два безусых юнца
В ковчехах молодого
Стерегут жеребца.
Опрокинутой чашей
Над землей небеса.
Ходит конь одичавший —
Пламя в черных глазах.
Конь не знает повозки
И с уздой не знаком,
Но подкрались подростки,
Миг — и оба верхом!
Небо прянуло в сторону,
Ветер впился в лицо,
Мчит в седые просторы
Конь отважных юнцов.
Вот уж пена, как просесть,
Проступает с боков,
Но не может он сбросить
Удалых седоков.
Власть они покружили
По оглохшей степи,
А натешась, решили
Дружбу клятвой скрепить.
Под звездой молодою
На кургане степном,
Чуть разрезав ладони,
Кровь смешали с вином.
И омыли оружие
В медной чаше сперва
Ради братства и дружбы,
Той, что крепче родства,
И зарок положили,
Выпив чашу до дна:
Пусть течет по их жилам

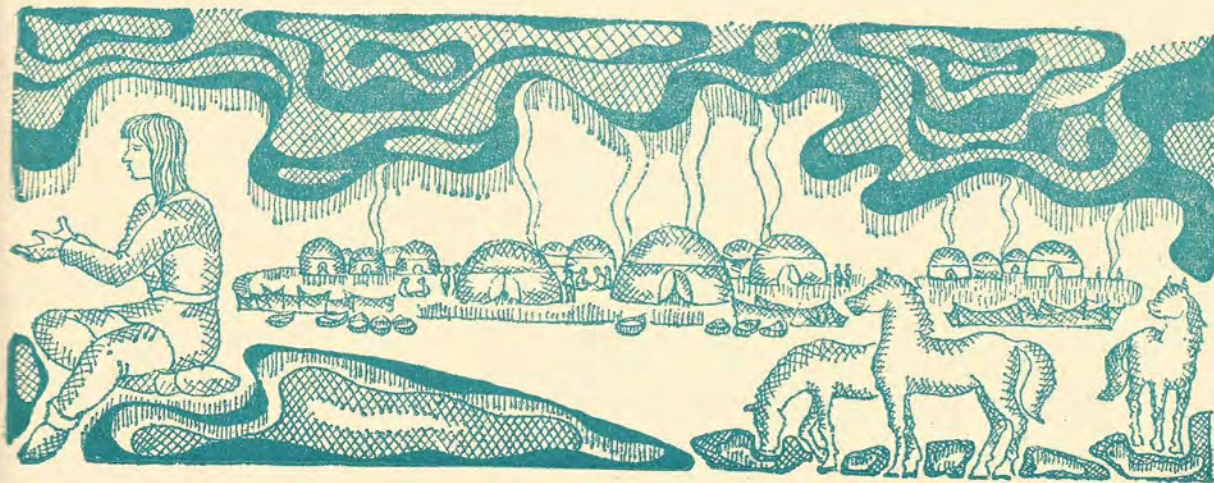
Кровь одна, жизнь одна.
Дандамис сероглазый —
Тих и ростом высок,
Любит смех и проказы
Удалой Амизок.
Перед ними на склоне
От кибиток пестро,
Бродят сытые кони
Возле сонных костров,
Сохнут сети рыбацьи
У ленивой воды,
Но тревожен и мрачен
Свет вечерней звезды...

Или скифскую стражу
Смертный сон ослепил! —
Мчатся конники вражды,
Как лавина, в степи!
Стали красными волны,
Бой жесток был и скор.
Савроматские воины
Гонят пленных и скот.
— Эй, лихие джигиты,
Загоняй табуны,
Загребай из кибиток
По четыре жены!..
Смотрят скифы набычась,
Хмуря гневные лбы,
Нынче просто добыча,
Послезавтра — рабы.
А в бою том неравном
Скифы славно дрались,
Но что друг его ранен,
Не видал Дандамис.
Сквозь засады и стрелы,
Не поддавшись врагу,
С горсткой отроков смелых
Он ушел за реку.
Но тоска его гложет,

Лучше б — камнем ко дну! —
Он оставить не может
Амизока в плену.
Позабывший о брате
Будет ввергнут во тьму,
Черный ворон проклятья
Будет спутник ему!..
Нет, названного брата
Не предаст Дандамис!
И плывет он обратно
За реку Танаис¹.

Слово «Выкуп!» открыло
Путь ему на курган,
Где в шатре синекрылом
Веселился каган.
Был каган благодушен,
Подозвав толмачей,
Приподнялся с подушек:
— С чем пришел ты и чей?
— За товарища выкуп —
Жизнь свою я принес.
Старец — очи навывкат:
— Небогатый принос.
Или в Скифии боле
Жизнь уже не в цене,
Коль в колодки, в неволю
Насылаешься мне!
Слушай, пенчик мой желтый,
И завет восприми:
Страх, оружие, золото
Правят всюду людьми.
— Нет, каган седовласый,
Хоть казни, хоть убей,
Все равно ты не властен

¹ Танаис — Дон

Над свободой моей,
И пришел я как воин,
Верность дружбе храня,
Побратима на волю
Отпусти за меня!
Стало серым до жути
У кагана лицо,
Он жестоко подшутит
Над упрямым юнцом.
— Я ценю вашу дружбу,—
Он с усмешкой сказал,—
Жизнь твою мне не нужно,
Но отдай мне... глаза!
Ждал, что скиф сероглазый,
Как щенок, завизжит.
— Что ж, бери. Но пусть сразу
Суд свершат палачи!
Два кровавых кинжала
Покатились к ногам,
Но ни стопа, ни жалоб
Не услышал каган.
Потрясенный, не ждал он
Такого конца,
Чтоб улыбка блуждала
На губах у слепца...
В степь, в вечернюю дымку
Одинокой тропой
С побратимом в обнимку
Шел счастливый слепой.
А железный владыка
От тоски занемог,
Среди орд своих диких
Он, как барс, одинок.
Знают жалость и звери.
Он про все позабыл,
Никому он не верил,
Никого не любил.
И проживший на свете
Жизнь почти до конца,
Он завидовал этим
Непокорным юнцам.
И внезапная робость
Поселилась в груди,
Словно черная пропасть
У него впереди.
Если в Скифии гордой
Каждый воин таков,
Что ей быстрые орды
Савроматских волков!..
Лишь заря заалела,
На решения скор,
Отступить повелел он,
Бросив пленных и скот.
...Солнце плавилось воском,
Зной был густ и жесток,
Савроматское войско
Шло назад, на восток.

АЛТАЙСКАЯ МОЗАИКА

Юг и север — рядом

Такую тишину принято называть мертвой. Ни один звук не нарушает ледяного безмолвия. Попрыгало куда-то все живое. Былинки, одетые в мохнатый бисер инея, тоже не шелухнутся. Будто и ветер на пути в эту высокогорную пустыню превратился в сосульку и обогрывается где-нибудь в теплой долинке...

Но — чу! Сначала еле слышно, а потом все отчетливее доносится мелодичное позванивание бубенцов. Идет караван. Вот-вот он будет рядом. Непонятно только, почему его еще не видно на этой гладкой, как стол, равнине? А потому, что он... в целом дне пути отсюда.

В высокогорной Чуйской степи, вознесшейся над уровнем моря более чем на полтора километра, воздух разрежен, а морозы иной раз доходят до 60 градусов. В такой атмосфере звуки могут разноситься на 25—30 километров.

...Трещит мороз. Ни птицы, ни звери — никто не выдерживает такого лютого холода. Только что это? В окрестных горах, на высоте в три тысячи метров, где вроде бы должно быть еще холоднее, преспокойно пасутся отары овец, косяки лошадей. Они, как здесь называется, — на тебеневке. Копытами рыхлят искристую снежную корочку и добывают из-под нее бурую, жухлую,

однако вполне пригодную для пищи траву.

Домашний скот зимует при минус шестидесяти? Нет такой «зимостойкой» породы. Верно, нет. А минус 10—15 градусов овцы и лошади переносят спокойно. Именно такова обычная температура в горах над ледяной Чуйской степью.

Своеобразен климат горного Алтая, расположенного почти в центре Азии. С одной стороны он резко континентален, а с другой — в общем более умеренный, чем в продуваемых всеми злыми метелями степях остального Алтайского края, Западной Сибири и Казахстана, полупустынях Монголии. Климат низкогорной части в целом близкий к климату Украины возле Киева. Конечно, зима тут куда суровее, зато лето бывает «бархатнее», мягче.

Здесь в горах есть уголки со своими микроклиматами. Например, на востоке Горно-Алтайской автономной области, возле знаменитого меньшего брата Байкала — Телецкого озера и в верховьях близкой к нему горной реки с ласковым именем Лебедь, осадков выпадает до 900 миллиметров в год, а на юге — по прямой в каких-то 150 километрах — в Кош-Агаче, осадки не превышают 110 миллиметров. В том же Кош-Агаче среднегодовая температура составляет минус 6,4 градуса, а через 225 километров на северо-запад, на извест-

ном курорте Чемал — плюс 3,5. В Кош-Агаче едва вызревает не слишком-то прихотливая картошка, а в том же Чемале или тем более на Телецком озере лакомятся местными крупными, как алма-атинские, яблоками, абрикосами, в открытом грунте выращивается даже южный неженка виноград.

Дело доходит до курьезов. На Чуйском тракте есть два небольших поселка — Ядро и Белый Бом. По прямой между ними пять километров, они находятся в долине, на берегах одной реки — Чуи и почти на одной высоте. Однако в одном поселке за лето едва успевает созреть картофель, а в другом — растут арбузы.

Каскады водопадов

Алтай — край водопадов. Правда, изучены они далеко не все, не каждый даже имеет имя, однако и сейчас можно предположить, что по их количеству и мощности Алтай, видимо, занимает одно из первых мест в стране.

Туристов — «плановых» и «диких» с каждым годом все больше и больше привлекают сюда именно водопады. Без троп, через осыпи, пропасти, расщелины, не боясь злобной хозяйки здешних мест змеи огневки — родственницы опасной гремучей змеи, — туристы добираются до водопа-

дов, часами любуются невиданным зрелищем.

Хорош, что и говорить, водопад Корбу близ Телецкого озера. Вырываясь как будто прямо из тайги, он серебристым потоком падает с 12-метровой высоты. В солнечную погоду в нем резвятся многочисленные радуги. Внизу все кипит и пенится. Вокруг — густая зелень.

Но все-таки, как ни суди, Корбу «обычен». Зато другие... Одни, как и Корбу, падают с ровных гранитных скал. Хорошо видны. А их сосед, будто в пику, вырывается из теснейшего ложа и тут же черной лентой проваливается в узкое, как прорубленное ударом меча легендарного алтайского богатыря Сартакпая, ущелье, чьи стены не знают, что такое солнце. Одни по осени словно в живом багете золотых берез, другие окружены дикими, «лунными» нагромождениями голых, без единой травинки, скал, хоть снимай тут научно-фантастический фильм о полете на какую-нибудь Альфу Центавра. Большинство пронизало гранит, а есть и такие, что вечно воюют и не могут справиться со своим ложем из векового льда. Так и низвергаются — серебро в серебре. А вокруг — зима. А рядом — весна. Чуть подальше — лето в буйном альпийском разнотравье и разноцветье...

Интереснейший водопад есть в Эликманарском районе. Он — как увеличенный во много раз один из петергофских фонтанов. Неведомая сила вознесла на огромную высоту струю ледяной воды, которая разбивается на несколько каскадов и рушится с берега прямо в белопенную Катунь. Это ж надо видеть!

А по-соседству два водопада низвергаются... под землю и пропадают там, чтобы через несколько километров показаться солнцу уже в обличье смиренных родников с вкуснейшей водой.

Но, безусловно, самые оригинальные водопады в окрестностях Золотого, как его называют местные жители, Телецкого озера.

С высоты в 60 метров низвергается Текелю, Кор-Куре, Аю-Кечпес и другие не такие высокие, но их каскады тянутся до километра.

Сарлык — горный вездеход

Встретишь в первый раз это косматое страшилище и невольно удивишься: зачем человек приблизил к себе такого неказистого зверя с грубой шерстью и явно нелюдимым характером. Но познакомишься с ним поближе и скажешь, что мало у человека таких верных друзей, как як.

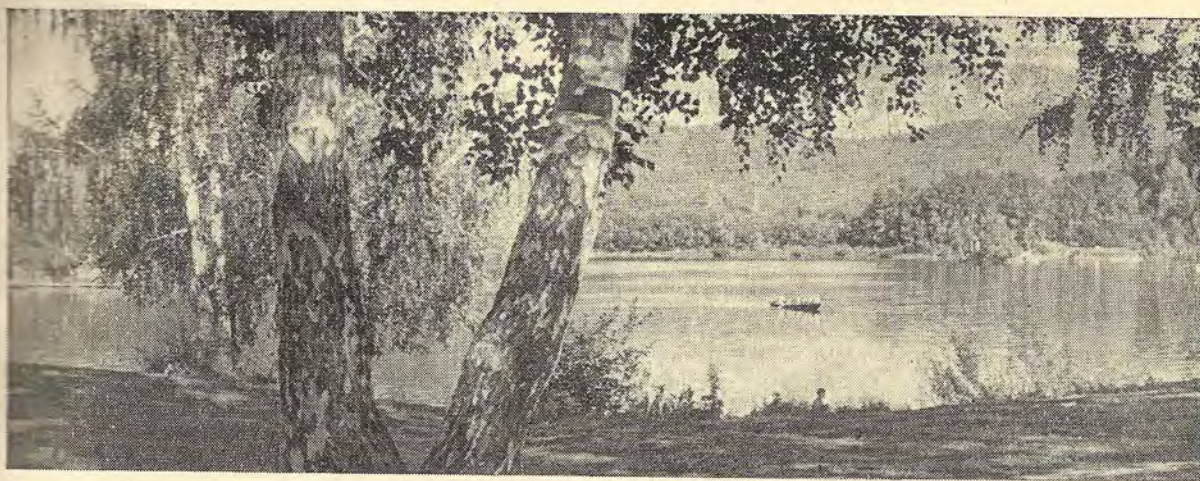
Хрюкающие яки, которых в горном Алтае зовут сарлыками, пришли сюда с Тибета. Это весьма своеобразные и изумительно полезные животные. Они лучше всего чувствуют себя на высоте в две-три тысячи метров над уровнем моря, где плохие помощники и лошадь, и верблюд, и бык. Тут холодно, но грубая теплая шерсть яка спасает его от любых морозов. Кстати, шерсть яка настолько плотна, что делает его неуязвимым. Яка, например, можно что есть силы бить кнутом, а он совершенно искренне будет принимать это за нежную ласку и отвечать на удары дружелюбным сопением.

Сарлыка не надо кормить. Он сам круглый год умеет добывать себе пищу. Зимой выкапывает траву из-под снега. Причем, при этом может забираться на такие крутые скалы, куда иной раз не может залезть даже горная коза. Так что это — самый настоящий вездеход гор, который даже с грузом пройдет почти везде. А груза он несет до 120 килограммов.

Никаких забот о себе не требуют яки. Им не нужны скотные дворы и корм. А дают они многое.

Голубая сказка

800 ледников, таинственные пещеры, водопады с каскадом длиною в километр, мировой рекорд

урожая груш — 272 центнера с гектара, виноград, растения и животные, нигде более в мире не встречающиеся, — много удивительного и совершенно неожиданного на Алтае.

...Машина, перескочив мост в центре промышленного Бийска, вырвалась на прямую асфальтированную ленту Чуйского тракта. Остался позади веселый бор, пробежали за стеклами широкие пшеничные поля, а на горизонте уже заголубели горы. Стремительная горная река Катунь то подступает к самому тракту, то убегает далеко-далеко в сторону.

Сто километров с небольшим до Аи. Совсем немного. А мне вспомнились строки из книги известного исследователя Алтая профессора Сапожникова, где он говорил, что эти самые сто верст его экспедиция с трудом прошла за несколько дней.

Паром-самоход живо перетащил наш вездеход за Катунь, и машина нырнула в березовый лесок.

Узкая проселочная дорога шла мимо берез и ярко рдеющих ягодой боярышников в гору. Но чем круче становился подъем, тем больше и больше мрачнел лес. От него повеяло сыростью, сплошной шатер веток совсем скрыл солнце.

И вдруг мы вынырнули из мрачных джунглей на свет. Вершина! Но не голые камни или тайга встретили нас здесь. Чудесным бриллиантом в изумрудной оправе леса сверкнуло прямо в глаза небольшое озерко, почти круглое, как блюдце.

Озеро на самой вершине горы! По аккуратной дорожке мимо белых коттеджей дома отдыха, мимо сада мы подошли к береговому скалам, на которых громоздились невесть как сюда забравшиеся и на чем державшиеся березки, сосенки, рябины. Глянули вниз, и закружилась голова. Там, в прозрачной до удивления воде, круто обрывались вглубь порос-

шие зеленой глыбы. Их было видно на десятки метров.

— Идемте, идемте, — торопил нас проводник. Мы сели в шлюпку. Провожатый достал моток тонкого троса с гайкой на конце и опустил ее в воду. Наконец в руках осталась только шпилька.

— 50 метров, — с сожалением сказал проводник. — Но все равно дно мы не достали. Для озерка в километр площадью глубина солидная. А ведь природа на этом не успокоилась. Посреди такой глубины вон еще и остров создала. Хорош?

А он и в самом деле был очень хорош, этот крохотный скалистый островок, весь поросший сосняком и березками, а по воде окаймленный белоснежными чашечками лилий. Так и кажется, что он — творение рук человеческих. Но человек сделал тут только одно — заселил прежде необитаемое озеро золотистыми лилиями.

Фото В. Селегея и Н. Калинина

МЫ — ЦЕЛИННИКИ!

На перроне вокзала — радостная толчея. Парни и девушки в рабочих комбинезонах и ватниках заполняют вагоны. На вагонах огромные плакаты «Даешь целину!» И идут поезда в Сибирь, Поволжье, Северный Казахстан.

Двадцать лет назад по призыву партии началось освоение целинных и залежных земель. Тысячи добровольцев с комсомольскими путевками отправились в трудную дорогу. Тогда и родилась песня, ставшая гимном целинников:

Едем мы, друзья, в дальние края,
Станем новоселами и ты, и я.

Целина — это черноземные поля, которые тянутся до самого горизонта, это край не тронутой плугом земли, зарево заката и утренняя свежесть зари.

Но целина это и школа воспитания характера, становления личности. Характер, говорят, закаляется в борьбе с трудностями. А трудностей у молодых целинников было хоть отбавляй. Шутка ли — в чистом поле, где нет ни кола, ни двора, строить свой быт, налаживать жизнь. Первое пристанище — тракторный вагончик, по которому свободно гуляет ветер. Грелись у костра. Но — звенела песня, стучали топоры, и каждое утро будил тишину упрямый рокот мотора.

Челябинский художник Михаил Иванович Ткачев, монотипии и рисунки которого публикуются в этом номере журнала, вправе назвать себя целинником. Он уехал вместе с первыми отрядами. Карандаш и кисть стали его оружием в битве за большой хлеб. Карандашные наброски сделаны торопливой рукой. Это и понятно. Художнику хотелось запечатлеть «бег времени», схватить характерные приметы тех дней.

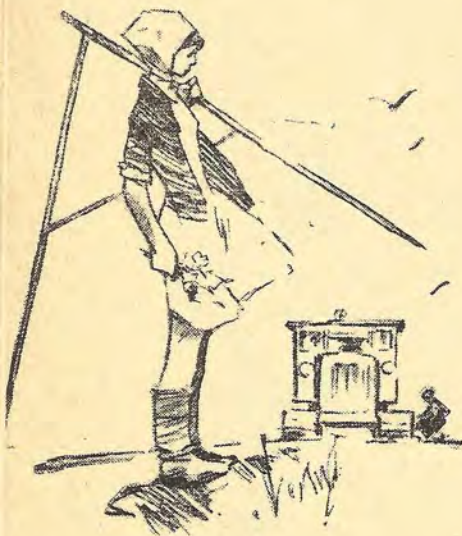
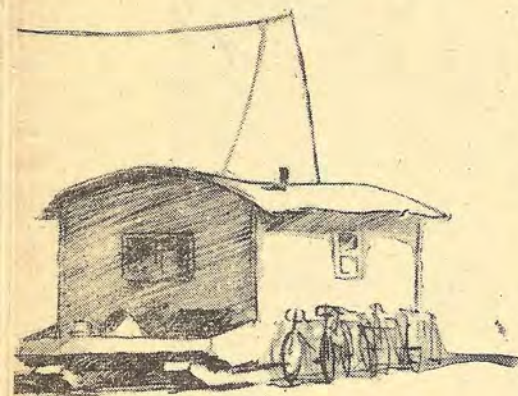
Целине были нужны не просто рабочие руки. Миллионы гектаров не вспашешь, как прежде, лошадкой, впряженной в соху. 200 тысяч тракторов отправила страна в первые годы Сибири и Казахстану. За руль могучих землелашцев сели молодые ребята. На севе и уборке их рабочие сутки исчислялись не часами, а световым днем, от зари до зари. Падали, как подкошенные, на постель, а утром, наскоро перекусив, снова на рабочее место. Сеяли, когда ярко грело солнце, сеяли, когда шел по-осеннему холодный дождь. Именно такую «злую» погоду и изобразил художник на одном из листов. Вздрыбленное плугом поле, черная громада трактора и над ним лохматые тучи. Тяжел, но сладостен труд землелашца. Осенью сторицей платит земля за заботу о ней. Льется золотым потоком зерно, и девушка в платьице легком гребет полной лопатой щедрый дар полей.

Более чем на тридцать миллионов гектаров приросла хлебная нива страны после освоения целины. Но не только об урожае заботы новоселов. Они приехали сюда не гостями, а хозяевами. Надолго, если не на всю жизнь. Первый дом и первый телефонный столб, первая тракторная мастерская и первая свадьба — все было впервые на этой земле. Прошли годы, и в некогда безлюдной степи выросли поселки со стройными рядами новеньких домов, появились школы, больницы, Дворцы культуры и парки. И тех, кто приехал сюда двадцать лет назад, зовут уже уважительно старожилками. И хранят память о них таблички улиц — новоселов, первых целинников.

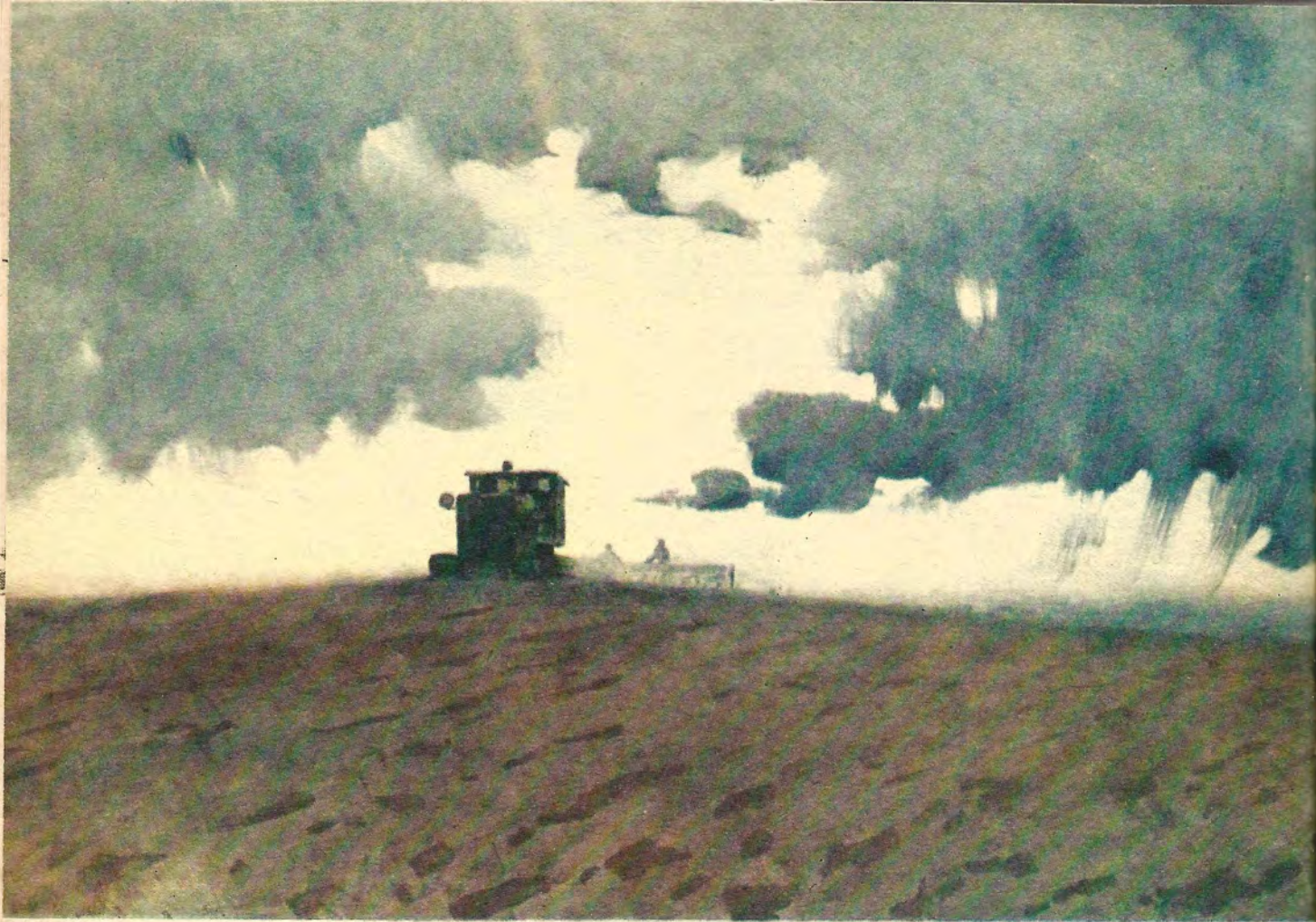
Но, как и прежде, зовут целинные дороги молодежь. Там они проходят свои университеты жизни. Осенью забота о целинном хлебе становится общенародной. Едут механизаторы с Украины и Поволжья, шоферы с Урала. Целина стала вторым домом для студентов. Более миллиона юношей и девушек проходили прошлым летом свой трудовой семестр на стройках, в колхозах и совхозах страны, и значительная часть отрядов имела целинную прописку. И зимой в институтских коридорах нередко слышалось гордое «Мы — целинники!»

Трудно уложить все это в рамки картины. Но художник и не стремился эпохально отобразить виденное. Кисти и карандашу его более свойственна, пожалуй, конкретность. Но эта конкретность глубоко символична. За случайно, кажется, выхваченными из жизни эпизодами и деталями видится главное — пробуждающееся к жизни поле, радость человека, преобразующего землю — планету по имени Целина.

С. ФЕДОРОВ

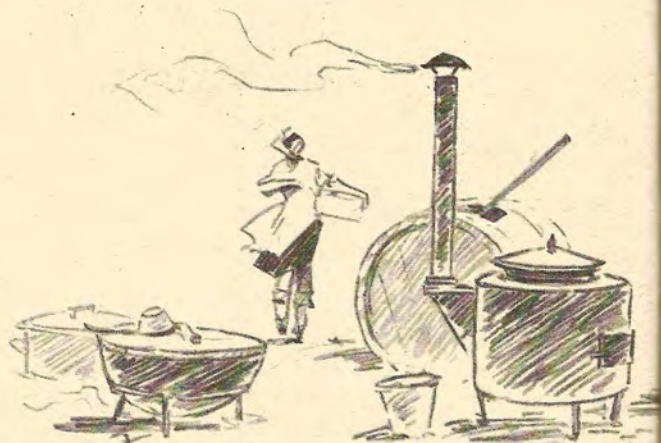

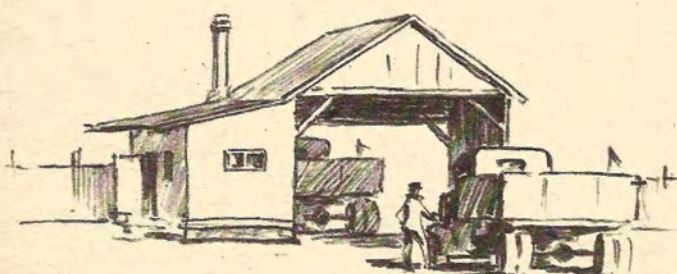

ПЕРВЫЙ СЕВ

НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ

М. Бикан

М. Бикан, 63

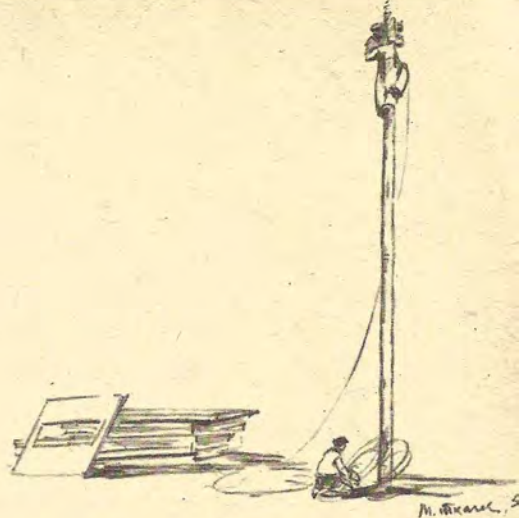
ЗОЛОТЫЕ ЦЕНТНЕРЫ

ТАК НАЧИНАЛСЯ ЦЕЛИНОГРАД

Рисунки и монографии М. Ткачева

ХЛЕБ

АЗИМУТ

Правило «беги не быстрее, чем думает голова» весьма точно передает специфику этого вида спорта. Ориентировщику надо хорошо разбираться в карте, уметь за считанные секунды обдумать свой маршрут до очередного контрольного пункта.

За десять лет существования как отдельного вида спорта спортивное ориентирование приобрело в нашей стране немало поклонников. Только свердловская секция объединяет более 10.000 человек.

На снимках: компас и карта — главное «оружие» ориентировщика. На дистанции. Найден еще один «КП». Ориентировщики — народ веселый.

Фото А. НАГИБИНА

КОЛЫСКА

Страницы фронтовой жизни

Зинаида ВИЛЬНЕР

Рисунки В. Бубеницкова

Обстановка на нашем фронте внезапно изменилась. Долгие месяцы просидели мы в обороне, обжились в пограничных лесах, как в своем доме. Проводили весну, встретили лето. В окрестностях нарыли новые братские кладбища. Немцы штурмовали занятый нами плацдарм и с неба, и с земли. А теперь идут мимо нас безоружными толпами и орут здоровыми глотками: «Гитлер капут!» Как будто мы и без них этого не знаем. Мы стремительно наступаем. Пялим глаза на красивую румынскую землю: все нам ново — и земля, и люди — за граница! Ах, как красиво небо, когда с него не падают бомбы! Теперь в нем хозяйничают наши ястребки. Весело смотреть, как лихо носятся они в нем, похожие на купающихся в синем море дельфинов. Летчики, от избытка радости, снижаются низко к земле и машут нам из открытой кабины, а заметив где-то в кукурузе немцев, обстреливают их из пулеметов и зрелов.

Говорят, мы опять устроили немцам «котел», как под Корсунем. «Вот здорово!» — радуются солдаты.

Только не все окруженные под Яссами немцы сдаются в плен. Они еще сопротивляются, еще думают вырваться из окружения. Осатанелые, злые, большими вооруженными отрядами и группами бродят они

в необъятных кукурузных полях и появляются в самых неожиданных местах. Густая, как лес, кукуруза оцетинилась дулами автоматов. Теперь уж никакой сплошной линии фронта нет.

Наш батальон всю ночь простоял в боевой готовности на участке поля, где могли появиться немцы. Кто бы знал, какая это пытка: заснешь на мгновение стоя и вдруг вздрагиваешь от легкого шороха сухого кукурузного листа, как от выстрела.

На рассвете получили приказ двигаться в другом направлении. Вышли на дорогу. Километров через пять увидели спящее, укрытое облаками садов село. Обрадовались близкому отдыху и вольным шагом вошли на широкую улицу.

В рассветной тишине усталым глазам нашим открылась печальная картина. На пыльной, истоптанной множеством ног дороге валялась, припав на ось сбитого колеса, сорокапятимиллиметровая пушка. Неподалеку от нее, на траве возле забора, будто неожиданно споткнувшись, застыли убитые бойцы. Судя по бледным лицам и тонким телам, ребята все молодые. Значит, вот где прошли ночью немцы...

Я слышу, как в безлюдном, тихом селе удивительно громко поют птицы. Почему-то нежные птичьи голоса раздражают, а синий утренний свет больно режет глаза.

Неужели совсем ничего нельзя сделать для этих безусых мальчишек, пока они еще здесь, на земле, среди живых? Что же, зароят их в землю, и не останется никакого следа? А где-то есть матери, родные. Для них сейчас эти мальчишки еще живут и долго еще будут жить — ведь «похоронка» придет не сразу... Страшно подумать, что я последней вижу чьих-то сыновей. Так что же я могу для них, мертвых, сделать? Единственное — запомнить! Навсегда запомнить молодые лица, которых на земле больше никто и никогда не увидит...

Птицы поют по-утреннему громко, и хочется крикнуть им, чтоб они замолчали.

В молчаливой беспомощности стоит над убитыми батальон. Кто-то сзади осторожно трогает меня за рукав гимнастерки. Две черноволосые маленькие женщины из местных, выразительно вращая блестящими глазами, что-то взволнованно пытаются мне объяснить. Я недоумеваю. По-румынски не понимаю ни слова. Одна из женщин смуглым пальцем тычет в красный крест на моей санитарной сумке и показывает рукой вверх по улице. Все ясно: кому-то нужна медицинская помощь. Вопросительно гляжу на командира. Он кивает:

— Только недолго...

С любопытством поглядывая на своих босоногих спутниц в длинных темных юбках и белых кофточках с рукавами до локтей, иду с ними быстро по улице.

Под раскидистыми, высокими деревьями крестьянские дома кажутся совсем маленькими, как хижины в джунглях. Входим в зеленый, заросший двор, и я вижу неожиданное: на высоком крыльце сидит, понуря голову, наш советский сержант. На его приподнятых плечах топорщатся суконные погоны с тремя красными полосочками и эмблемами артиллериста. Так вот к кому вели меня эти женщины!

На сержанте новая, еще не успевшая выгореть, расстегнутая гимнастерка без подворотничка. Освещенный утренним солнышком, он весь как-то съежился, нахохлился. Широко расставив на лесенке ноги в пыльных кирзовых сапогах, он бережно держит за локоть левую распухшую руку, замотанную серыми деревенскими полотенцами, обильно пропитавшимися кровью. Из-под полотенца торчат концы тонких березовых полешек.

Лицо сержанта мне совершенно незнакомо — желтое, застышее, как у покойника.

Зеленые, упрямо сузившиеся глаза воткнулись в меня черными зрачками, как остриями штыков.

— Как же это тебя? — спрашиваю я раненого, не зная, как подступиться к его исходящей болью, дурно пахнущей руке. Чуть оттянув мокрые тряпки, вижу страшную рану: острым клином из синих, распухших кусков мяса торчит перебитая кость. Прелый гнилой запах теплой волной ударяет в нос. Почувяв его, откуда-то прилетели жирные зеленые мухи и, переливаясь радужной на солнце, выжидательно прилепились к косяку открытой в дом двери.

Всю руку от плеча до локтя я обмотала поверх старой повязки белым широким бинтом — от солнца и хищных мух. Раненый болезненно морщился, даже мои осторожные движения причиняли ему боль.

Устало, сквозь зубы он рассказал:

— Я командир расчета Бойко, из батареи капитана Пошивалова. Немного отстали от своих. У лошади что-то с ногой. Остановились в селе не ночевку. Я хлопцев у пушки оставил, а сам пошел разведать, где поужинать можно и переночевать. Фрицы как раз тут и налетели. Тихо, гады, вошли. Меня вот только в руку...

Сержант зло и тихо стонет. Наверное, считает себя виноватым в гибели расчета. Ему кажется: будь он у пушки, остались бы хлопцы живы. Так всегда человеку кажется задним числом. А между тем он лишь по счастливой случайности избежал печальной участи своего расчета. Раненый, он инстинктивно метнулся в ближайший двор, и вот эти две смуглые маленькие женщины — румынские крестьянки спрятали советского сержанта в подвале. Они же соорудили ему и самодельную повязку с березовыми шишками.

Артиллерист не понимает, насколько опасна его рана. Выстрадав ночь в подвале, он, видимо, считает, что худшее позади, и теперь терпеливо ждет помощи от всеильной медицины. Он безусловно верит, что и рука, которую он баюкает, точно больного ребенка, останется цела. «Зашьют, срассется, как же человеку без руки?»

По-моему, Бойко один из тех упрямых солдат, которые, покуда живы, ни о чем другом, кроме войны, думать не могут. Они верят, что с войной можно покончить раз и навсегда. В госпитале такие солдаты томятся, как в тюрьме, и пристают к врачам с преждевременной выпиской, и только в свою родную часть. Счастливые они возвращаются на фронт и нередко гибнут в первом

же бою. Но ни при каких условиях они иначе поступить не могут.

В болезненном лице Бойко я не вижу взывающего к сочувствию выражения жалости к себе, к своим мукам. Он переживает о другом.

— Расчета нет, а командир еще ничего не знает. Ждать будет. Кто знал, что фрицы этой дорогой пойдут. Надо бы доложить комбату...

— Доложим, доложим, — успокаиваю я его. — Ты только потерпи немного. Я сейчас сбегая поищу какой-нибудь транспорт и отвезу тебя в санроту. Ладно?

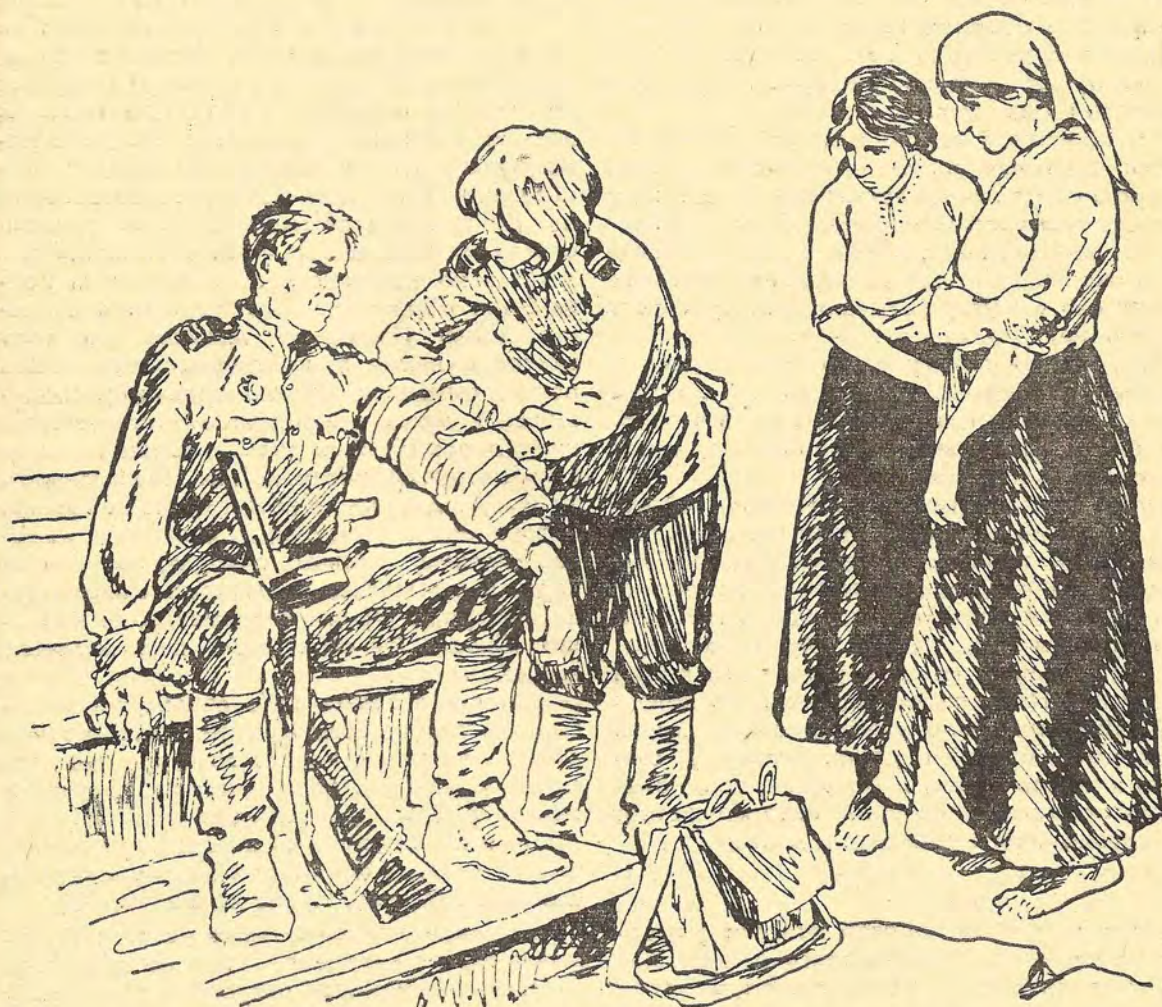
Может быть, Бойко уловил в моем голосе неуверенность. Но я действительно пока что не представляю себе, на чем повезу его в санроту. Такого со мной не было. Обычно я перевязывала раненых в бою, помогала

им добраться до санвзвода, а там уж санитары на повозках везли их дальше. Кажется, выдержка на мгновение изменяет сержанту, такую безнадежность читаю я в его воспаленных болью глазах. Он отворачивается. Ох, будь тут одни мужчины, ругнулся бы сержант покрепче и полегчало бы на душе.

Тоскливый взгляд Бойко подхлестывает меня.

— Я сейчас, я быстро! — кричу я ему на бегу, готовая в единый миг остановить танк, машину, телегу...

Мчусь по улице села и мельком отмечаю, что батальона уже нет. Может, получили новый приказ и заняли оборону где-то поблизости? Жарко. А по моей спине пробегают холодные мурашки: до сих пор мне только приходилось слышать о газовой гангрене от прибывших из госпиталей.

«Скорее, скорее Бойко в санроту! Может, еще не поздно! Может, спасут!»

Оказывается, одной решимости мало на пустынной проселочной дороге. Надо еще, чтобы по ней что-то двигалось. Но, к моему огорчению, только ветер гоняет по ней красную пыль. Тихо. Лишь недалеко в пшеничном поле рвутся мины. Некоторое время я бездумно наблюдаю, как низко над колосками появляются после каждого разрыва черные пороховые облачка и медленно тают, относимые ветром к оврагу.

...Комендантский взвод расположился в тени мирно журчавших, облитых солнцем тополей, плотной стенкой выстроившихся возле дороги. В холодочке дымят трубами полевые кухни, стоят тяжелые повозки и возле них пощипывают траву распряженные кони. Вот он — мой транспорт! Старые солдаты-ездовые, которых я в душе немного побаиваюсь, как боялась в детстве своего молчаливого деда, сосредоточенно копаются в своем обозном хозяйстве, совершенно далекие от волнующих меня мыслей.

«Нет, этих мне не уговорить. Они без приказа ни на шаг».

В отчаянной надежде шарю глазами по сторонам и вдруг... какая удача! В густых, веером разросшихся кустах акаций сверкнула мне лакированным боком бывшая помещицья коляска на рессорах, с мягким кожаным сиденьем. «Личным выездом» комбата Каратаева в шутку называли этот трофей в батальоне.

Румынский помещик в спешке забыл в сарае свой изящный экипаж вместе с парой сытых коней. А где же еще, как не в пехоте, знают цену лишней паре колес, пусть даже и помещицких?

Наш комбат в тихие дни ездил в этой коляске в штаб полка или дивизии. В остальное время коляска на привилегированном положении «жила» в хоззвезде батальона, и только старшина, с разрешения комбата, пользовался ею, нанося визиты в тылы полка: отвозил грязное белье, привозил продукты. На маршах сверхштатную коляску, дабы она своим «гражданским» видом не портила боевой порядок батальона, ставили в хвосте обоза, и тут уж на ней, пользуясь отсутствием комбата, ехал кто хотел: отставшие солдаты, писаря и медики.

«Вот на ней-то, на этой коляске я и отвезу раненого, — обрадовалась я. — Комбат ругаться не станет, когда узнает, с какой целью я ее взяла. Где я его теперь буду

искать, чтобы спрашивать разрешения? А может, он и совсем ничего не узнает. Санрота недалеко, я вернусь мигом...»

Ко всему прочему, наш молодой голубоглазый командир батальона капитан Каратаев был моим земляком. А как я понимаю, земляк на фронте ближе родного брата.

Родился капитан в маленьком городке Бирске, а потом жил и учился в Уфе, где жила и я. Только я перед началом войны была школьницей, а комбат уже студентом. Замполит батальона старший лейтенант Соловьев, раздумчиво поглядывая на нас, говорил: «Странно. Жили в одном городе два человека, ходили по одной улице, ездили в одном трамвае, а знакомиться приехали в Румынию». Действительно странно...

Не знаю, по этой или по другой причине комбат относился ко мне снисходительно и прощал многие выходки, которых я потом сама стыдилась. Вот недавно шли мы целый день по жаре, пыль глотали, запивали ее теплой водой из фляжек, устали страшно, а комбат едет впереди батальона верхом на лошади и командует: «Шире шаг!» Я возьми и выкрикни из строя: «Хорошо командовать, сидя на лошадке!» Солдаты засмеялись, а капитан обернулся, посмотрел на меня прищуренными глазами и лишь сказал негромко: «Прикусите язычок!»

Именно комбату я обязана своим волшебным обращением из поваров в санинструкторы. Несколько месяцев до того тянула я лямку в комендантском взводе полка, выполняя боевые задачи, расходящиеся с моим романтическим представлением о них. Целыми днями чистила картошку и кастрюли, которые, как мне казалось, не имеют дна, мыла котлы полевых кухонь, таскала воду. На вьюжных, слякотных дорогах Украины, в ночных походах, засыпая на ходу, я натыкалась на мокрые спины идущих впереди угрюмых бойцов. Они ворчали: «Сидела бы себе дома под маминой юбкой...»

Я тогда казалась себе самым неудачливым бойцом на всем фронте. Разве о такой жизни мечтала я, комсомолка, слушая рассказы раненых в подшефном госпитале в Уфе о храбрых девушках-санитарках?

Немного освоившись в новой для меня школьницы фронтовой жизни, я попросилась в батальон, ближе к передовой.

Отговаривать меня никто не стал. В комендантском взводе я как-то не пришлась ко двору. Видно, мой постоянно замкнутый, угрюмый вид не располагал к симпатиям.

Однажды мой командир взвода — крепкий, среднего роста старшина Бугаев сказал мне как-то в сердцах: «Ну, что ты вечно дуешься, как мышь на крупу! Слова от тебя ласкового не услышишь. Посмотри на Верку — девка как девка...» Веселая, легкомысленная Верка, года на три постарше меня, выполняла те же обязанности, что и я, однако мыть котлы на речку повара охотнее ездили с ней, чем со мной. Ну что я могла сказать старшине?

Вскоре старшину Бугаева отправили на офицерские курсы. Прощаясь со мной на крыльце украинской хаты, он как-то странно посмотрел на меня и, неожиданно крепко поцеловав в губы, растроганно сказал: «Ну ладно, ладно, держись...» Я долго потом ломала голову, пытаюсь разгадать изумившие меня слова и поступок старшины.

В батальонном хозяйстве меня настороженно встретил повар Максютя.

Во мне он увидел сначала конкурента на его не столь уж теплое, но все же сравнительно безопасное место. Однако скоро он убедился, что мои кулинарные познания не соответствуют требованиям фронтовой жизни. Хотя я и окончила Уфимские окружные военные курсы поваров на «отлично», но все, чему меня там учили, начисто вылетело из головы, как только воинский эшелон отошел от станции Уфа. По дороге на фронт бойцам из встречных эшелонов я называла себя парашютисткой.

...С наступлением темноты мы вдвоем с Максютей отправлялись на передовую, несли ужин в командирский блиндаж, освещенный коптилкой из сплюсненной снарядной гильзы. Наблюдая за комбатом, я удивлялась, почему командовать батальоном доверили этому веселому двадцатитрехлетнему парню, а скажем, не пожилому капитану Леонидову — его начальнику штаба. Честно признаться, я сначала даже была как-то разочарована, настолько молодость комбата Каратаева не соответствовала моему представлению о личности командира батальона.

Капитан Каратаев частенько навещался в хозяйвод, и еще издали был слышен его высокий голос, распекающий нерадивых хозяйственников, любивших в вечернее время полежать под повозкой на душистом сене и поговорить о мирной довоенной жизни. Косо поглядывая в мою сторону, они бурчали: «Принесла тебя нелегкая, теперь от начальства покоя не будет...»

Выполнив службу, комбат присаживался за столиком, врытым в землю под деревом, и мы вели беседы, в которых одно слово цеплялось за другое, и это могло продолжаться бесконечно.

В одну из таких бесед я решила открыть капитану свою тайну, зародившуюся еще в тыловом госпитале.

— Хочу стать медсестрой, — сказала я. — Хочу перевязывать раненых на поле боя.

Капитан не стал отговаривать меня и пугать всякими трудностями. Он только спросил, почему я окончила поварские, а не санитарные курсы. Пришлось признаться, что меня вообще не брали ни на какие курсы — по возрасту.

На следующий день капитан сам отвел меня в санитарный взвод и приказал чернобровому лейтенанту с птичьим профилем и падающим на лоб густым чубом, из-за чего он постоянно взмахивал головой, как лошадь, выдать мне санитарную сумку с полным комплектом медикаментов. Для порядка лейтенант осведомился:

— А перевязывать-то хоть умеешь?

— Конечно, — небрежно отозвалась я, боясь, что при ином ответе меня снова отправят в повара. «Уж этой-то премудрости как-нибудь я обучусь», — с уверенностью думала я, вспоминая, с каким проворством перевязывают раненых медсестры в санроте.

И вот у меня на боку санитарная сумка. Правда, довольно уже послужившая кому-то до меня. К ее задней стенке, для сохранения формы, приложен фанерный лист. Но на ней ясно виден красный крест, и она туго набита бинтами, пакетами. В ней есть резиновые жгуты и блестящие острые ножницы. Ими я должна безжалостно разрезать брюки, гимнастерки, сапоги при обработке раны. Все это очень волнует меня. Я — санитарный инструктор батальона. Это официально, а проще — сестра, фронтовая сестра. И когда меня так окликают знакомые и незнакомые, старые и молодые бойцы, — мое сердце поет. Со щемящим душу нетерпением жду я случая, чтобы доказать, что я для них — настоящая сестра, так же как они для меня — братья.

Наступление в Румынии, начавшееся 20 августа, — мое первое настоящее участие в бою. Поглядывая на идущих рядом со мной в цепи бойцов, в касках, с винтовками и автоматами, я заражаюсь их бесстрашием и спокойствием — ведь впереди нет ничьей спины, за которую можно было бы спря-

таться. Там враг, который хочет тебя убить. Мы идем его победить.

...Однако кого же мне взять с собой? Ведь с лошадьми-то мне не справиться. Кого бы мне уговорить? Ага, кажется, ефрейтор Кривошеев здесь. Молчаливый, стеснительный, тонкий, как стебелек, мальчишка лет шестнадцати с пухлым, милостивым лицом пристал к полку где-то под Уманью, и теперь он тоже санинструктор. Мы с Кривошеевым давно знакомы. Вместе на маршах ходим. Идем и молчим. Мне кажется, что Кривошеев тянется ко мне потому, что боится, как и я же, насмешек старших бойцов над своей молодостью. Только однажды рассказал он мне, как фашистский офицер у него на глазах бил его мать, учительницу истории, перчаткой по лицу. Бил за то, что она осмелилась просить разрешения открыть школу. Когда ефрейтор рассказывал мне об этом, щеки его пылали, а сухие глаза смотрели далеко за горизонт, через весь большой фронт, в котором шел и он, ефрейтор Кривошеев.

Сейчас, нырнув головой в крытую брезентом повозку, он что-то там колдует.

— Кривошеев! — кричу я нетерпеливо, — давай отвезем раненого в санроту!

— Какого раненого? — недоуменно вытягивается Кривошеев.

Я торопливо рассказываю ему о раненом сержанте, румынках, гангрене. Сонные глаза ефрейтора загораются огоньками. По-моему, до сих пор ефрейтор дальше комендантского взвода нигде не бывал.

— А в чем мы его повезем? — таинственно спрашивает он, недоверчиво поглядывая в сторону ездовых с повозками.

— Да вот на этой коляске, — показываю я на кусты, где под солнцем лоснятся широкие спины сытых коней.

— А комбат разрешил?

— Разрешил, давай запрягай, — ободренная удачей, командую я. Ефрейтор готов действовать, мое волнение передалось и ему. Он слишком молод и доверчив, чтобы сомневаться и размышлять. Он снова лезет под брезент повозки и извлекает оттуда новенький трофейный автомат. Неумело надевает его через голову, прилаживает на спине.

— Господи! Ну зачем тебе автомат, не на передовую же едем!

Кривошеев конфузится, как мальчишка, которому хочется поносить настоящее ружье. Пока он запрягает лошадей, я зорко поглядываю по сторонам. Не явился бы комбат. Я же понимаю, что нарушаю дис-

циплину: сама без разрешения отлучаюсь из батальона, да еще и Кривошеева увожу. Но в эти минуты для меня нет ничего важнее спасения жизни сержанта Бойко.

Под подозрительные взгляды старичков-ездовых сытые кони, как пушинку, выносят комбатовскую коляску на солнечный простор. Женщины-румынки помогают нам усадить раненого сержанта в коляску, выносят из дому две большие белые подушки и подкладывают Бойко под бока.

Коляска легко катится по дороге, только пыль вихрится позади.

Мы ориентируемся на темнеющий вдали лесок, где, по нашим предположениям, находится санитарная рота. В своем воображении я уже вижу знакомые лица врача майора Петрова, молоденьких сестер... Сосновый лес встречает нас унылой тишиной покинутого дома. Между деревьями с кое-где стертой корой чернеют утопанные квадраты земли, где стояли санитарные палатки. Вспоминаются знакомые медсестры, которые между боями занимались непостижимым для войны делом — вязали тонкие белые кружева. Где они теперь, эти девчата? И куда нам ехать? Отыщем ли мы теперь санроту в потоке движущихся по всем дорогам войск?

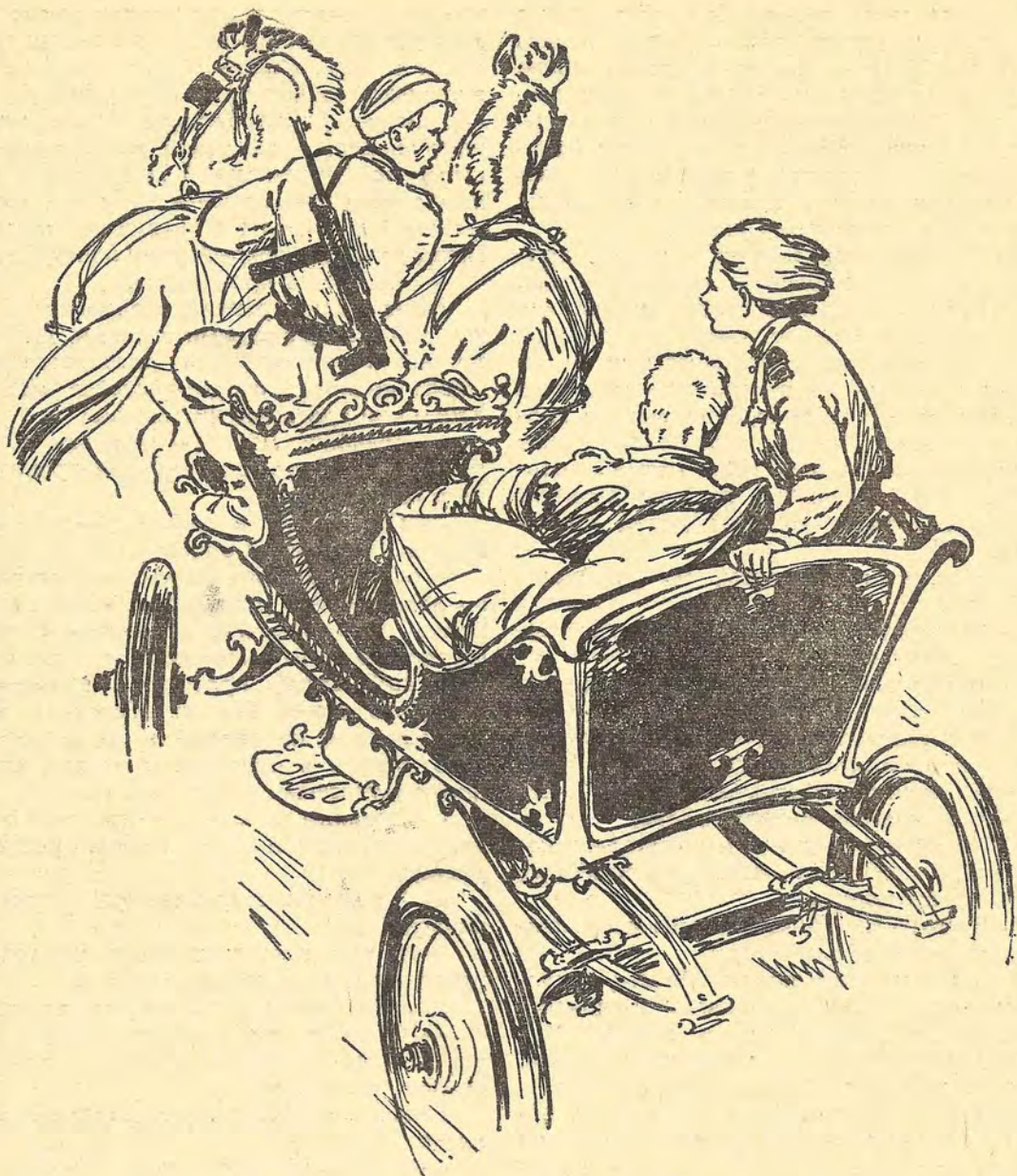
— Едем в медсанбат!

Ефрейтор послушно дергает вожжи. С беспокойством поглядываю на устало придремавшего возле меня сержанта. Дорогу в медсанбат мы еще знаем.

Увы, опять неудача: и медсанбат сорвался с насиженного места. Сквозняк выдувал последние его запахи, пропитавшие стены просторного особняка. Иного выхода не было, как ехать дальше в тыл.

Наверное, наша черная коляска, кружащаяся в серой паутине полевых дорог, сверху кажется мечущимся пауком. Мне кажется, что мы давно уже возим по жаре ослабевшего от потери крови раненого сержанта. Когда выезжали, солнце светило прямо в глаза, а теперь оно сильно бьет с высоты нам в затылки, и я боюсь, как бы с Бойко не случился солнечный удар. Ни на нем, ни на мне пилоток нет, только ефрейтор одет по форме.

Раненый наш совсем не открывает глаз, а при малейшем толчке болезненно морщится. Я испуганно смотрю на его короткие тусклые волосы, которые, как мне кажется, встали дыбом на голове от невыносимого физического страдания. «Хорошо хоть мне

эта коляска на глаза попалась. Как бы тяжело было ему в санитарной двуколке». От нетерпения я привстала в коляске и, как суслик, вылезший из норки, вглядываюсь в серый знойный пейзаж. Вдали темнеет зеленую село, вызывая новые надежды в сердце. Впереди на дороге что-то колышется — темное, длинное. Ползет колонна пленных немцев. Мы догоняем их, Рослые, сильные, распарившиеся от жары, они сторонятся, пропуская наш необычный экипаж.

В последние дни я очень часто и много

вижу пленных немцев. Очень близко. Вид здоровых, живых и невредимых врагов приводит меня в величайшее недоумение. Впереди колонны, обливаясь потом, в железной каске стоит рыженький конвоир. Ствол черного автомата направлен на немцев. У него строгое лицо человека, находящегося при исполнении служебных обязанностей. Представляю, как ему жарко в накалившейся на солнце каске. «Хоть бы каску-то снял, дурак! — думаю я. — Как же, боится он твоей каски».

Кажется, нам повезло. На крайнем доме села висит, как флаг спасения, серая тряпка с еле заметным красным крестом. Возле дома никого не видно, ворота широко распахнуты. Мы въезжаем на чистый просторный двор, где приткнулась к забору большая санитарная палатка, а рядом с ней давно забытая нами роскошь — пузатенький умывальник. Во дворе — ни души.

— Ждите! — приказываю я своим спутникам и бегу к высокому крыльцу дома. В узком, полутемном со света коридорчике налетаю на роскошную фигуру в темном шерстяном платье, перетянута в талии широким ремнем со звездой. Ниже платья сверкающие и, наверное, очень мягкие хромовые сапожки, из голенищ которых, как парное тесто из квашни, лезут голые молочные икры. «Ого, далеко же мы заехали! Давненько я таких холеных девиц не видала».

Прижав руки к бедрам, по уставному выпаливаю:

— Товарищ лейтенант, я привезла раненого с передовой!

Нетерпеливый жест белой руки останавливает меня.

— Мы свертываемся, — слышу я сухой, не терпящий возражений голос.

«Что значит — свертываемся?» — бессознательно мелькает в моей голове.

— Но у него гангрена, и мы столько искали вас, — слабеет от нахлынувшей обиды, пытаюсь возразить я.

— Я уже вам объяснила: мы свертываемся, раненых не принимаем.

Я ничего не могу понять. Почему в госпитале отказываются принять раненого? Они же врачи, милосердные сестры! Это же их долг. Сколько книг я когда-то читала о людях этой профессии — медиках, о молодых женщинах с кроткими глазами, в белых накидках с красными крестиками на лбу. Недаром же их звали сестрами милосердия. Слово-то какое обнадеживающее, ласковое: милое сердце... А эта? Кто она такая? «Белуга, жирная белуга, не ты же здесь главная». Я примериваюсь к просвету между пышным телом девицы и стенкой, в который намереваюсь проскользнуть.

Насмешливый взгляд «белуги» колет меня. Да, да, конечно, с моей стороны — явное нарушение формы одежды: вместо хлопчатобумажной юбки, которую мне выдали на складе, я ношу зеленые трофейные немецкие брюки, заправленные в голенища парусиновых сапог. В юбке я бы все колени ободрала, лазая по окопам. Да и нелов-

ко как-то чувствовать на своих голых ногах взгляды солдат. Да еще и на танках придется ездить. Попробуй, заберись на танк в узенькой юбочке. На передовой на такое нарушение формы одежды никто и внимания не обращал. А тыловики даже завидовать стали этой нашей новой моде и при удобном случае выпрашивали пару лишних трофейных штанов. Но вещевые немецкие склады нам не каждый день попадались.

— Что здесь происходит?

Немолодой, хрупкий, молодцевато подтянутый майор с седыми висками, чисто выбритый и наутюженный появляется из-за спины неохотно отодвинувшейся «белуги». Какие они здесь все чистенькие!

— Товарищ майор! — подаюсь я к нему. — Я раненого с передовой привезла, у него гангрена...

— Пройдете в кабинет, — спокойным жестом приглашает он меня.

«Господи, какой еще кабинет, когда там, во дворе, Бойко дожидается!» Однако пришлось подчиниться. В кабинете — большой, светлой комнате — майор, усевшись на стол, накрытый белой простыней, внимательно выслушал меня. Его интересовало все — и как дела на передовой, и что было в том селе, откуда я привезла раненого, спасенного румынскими крестьянками.

— Примите раненого, — приказал майор присутствовавшей при нашем разговоре девице.

— Но мы же свертываемся! — заикается она.

— Я вам сказал: примите раненого, — угрожающе прошелестел майор.

Девица вышла. Я облегченно вздохнула.

— Спасибо вам, товарищ майор! Хорошо, что мы вас нашли, а то все как сквозь землю провалились.

Раненый сержант терпеливо ждал в коляске.

— Бойко, вставай, приехали! — кричу я ему и помогаю выбраться из коляски.

Став на землю, сержант как-то вдруг замешкался, взглянул на меня исподлобья и первый раз за всю дорогу разжал синие губы:

— Спасибо, сестра!

— Что ты, Бойко, за что? — искренне изумилась я.

Но в тихом голосе сержанта, в светлом взгляде его запавших глаз было что-то такое, что заставило острой болью сжаться мое сердце. «Хоть бы спасли его, хоть бы спасли, пусть даже руку отнимут, все равно ведь она перебитая...»

Повеселевший ефрейтор Кривошеев с красным, как спелое яблоко, лицом, тронул вожжи.

Гулко топали сильными копытами, разбрызгивая на дороге пыль, неутомимые кони. Впереди, извиваясь, терялась в полях дорога. Развалилась на мягком сиденье среди подушек, я чувствовала себя необыкновенно легко. Недаром говорят: «гора с плеч свалилась». Раненый сержант — в госпитале, а мы едем домой в батальон. Все закончилось благополучно. Только теперь я ощутила прелесть езды в мягкой коляске: мягко, удобно, будто по воздуху летишь. Встречный ветерок нежно обмахивал лицо.

Внезапно какое-то внутреннее беспокойство, какое-то неуловимое изменение в воздухе заставило меня отвлечься от приятного хода мыслей. Кругом как-то незаметно посерело. Стало прохладней. Небо углубилось, стало синим, и неясные золотые искорки замелькали на нем. Удивительно. Неужели уже вечер?

— Кривошеев, почему мы так долго едем?

Ефрейтор обернулся ко мне невинным лицом младенца:

— Не знаю...

— Как не знаешь? Ты что, дорогу потерял?

Господи, он потерял дорогу! Только этого еще не доставало!

Это простительно мне, девчонке, но он же парень! В детстве, когда мы ходили в лес за грибами, всегда надеялись на мальчишек. И они нас никогда не подводили. С тех пор у меня сложилось мнение, что все мальчишки такие, что разбираться в дорогах — врожденное мужское качество.

Между тем быстро надвинулась ночь. Тень накрыла поля. Окрестности превратились в серую, вязкую муть. Только дорога чуть белела впереди. В небе прямо над нами повисла яркая луна. Она как будто посмеивалась над нами со своей безопасной высоты. От лунного света все стало каким-то белым, увеличенным, чернела только тень на дороге от нашей коляски и лошадей. Не шелохнувшись, прямые, как свечи, непроницаемой стеной стояли по сторонам кукурузные стебли. Они как будто стали выше и сжали дорогу, по которой мы ехали. Сухие длинные кукурузные листья, отбрасывая узкую тень, длинными шевелящимися пальцами тянулись к нам. Было так тихо, что конский топот и звон сбруи гремели набатом.

Тишина пугала. Ефрейтор Кривошеев

беспомощно ссутулился на козлах с автоматом за спиной. С ужасом глядела я на густую стену кукурузы. Мне чудилось, что вот сейчас притаившиеся в ней немцы выскочат, повиснут на коляске и выволокут нас из нее. Что будет дальше, мое воображение отказывалось представлять.

«Не смотри!» — приказала я себе. Я уже забыла, что еду в роскошной коляске, не чувствовала под собой ни мягкого сиденья, ни подушек. Я сидела, как ворона на суку, готовая при малейшем подозрительном звуке вспорхнуть и полететь неизвестно куда.

В батальоне нас уже наверняка хватились. Конечно, отвечать перед комбатом придется, но разве в оправдание моей вины не зачтется дело, которое мы сделали?

Луна неожиданно исчезла, а серая мгла впереди начала раздвигаться. Видимо, поля кончались. Там, впереди, в просвете угадывалось какое-то неясное движение. Наши или немцы? Лошади бесстрашно бежали вперед. Мы оказались на перекрестке дорог, прямо перед строящейся колонной. По неуловимым признакам узнали своих. Солдатских лиц не было видно, только слышался приглушенный говорок. Серые гимнастерки сливались в одну. Кто-то в черном — значит, офицер — стоял посреди дороги. Ефрейтор, придерживая коней, неспешно ехал обочиной.

Я робко спросила у офицера, какой это полк.

— А вам какой надо?

— Девятьсот тридцать третий.

— Дальше, — добродушно ответил он мне.

Я уже узнаю в полутьме и знакомую дорогу, и тополя. Значит, лошади сами привезли нас к месту. Вот ведь какие умные животные, хоть и бельгийские, хоть русского языка и не понимают! Неожиданный крик останавливает нас:

— Стой!

Кривошеев притормозил.

— Вам кто позволил брать коляску?

Голос комбата. В темноте я не вижу его лица, только различаю очертания стройной фигуры.

— Вам кто позволил брать коляску? — снова громко спросил он.

— Я раненого в госпиталь отвозила, у него была гангрена.

— В ваши обязанности не входит возить раненых, на это есть санзвод.

Не стала я ничего капитану объяснять. — Марш в строй! Взыскание получите потом.

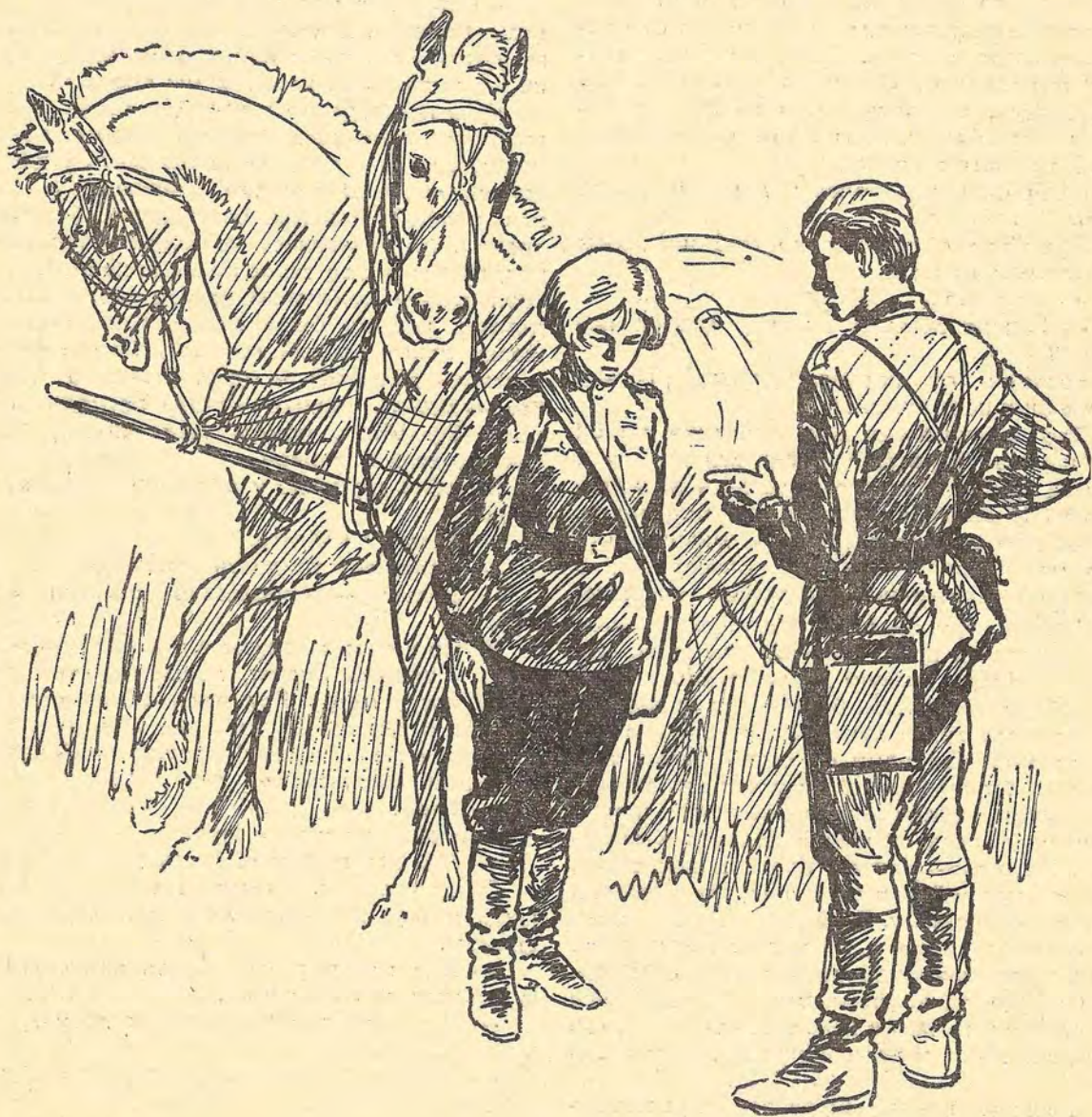
«Зачем он так кричит на меня, унижает перед солдатами? — с горечью думала я. — Вот он каков, мой комбат...» Кажется мне, что это не я, а какой-то другой человек устало плетется в хвосте солдатской колонны, а я со стороны наблюдаю за ним, удивляясь, откуда у него берутся силы, чтобы переставлять ноги.

Не хочу я больше служить в батальоне, где меня ни в грош не ставят. Уйду к танкистам.

Славные ребята — эти танкисты из тан-

ковой роты, с которой мы ходим в десанты. Недавно в ночном бою мы с ними брали станцию Красная. Вот была картина! Станция горит, немцы орут. Один их танк подбили. Потом они наш подожгли. Я тогда обгорелого командира танка вела к санитарной машине. Комбинезон его распадался у меня под руками клочьями, и тело под ним было очень горячим. Шли мы долго, часто останавливались. Ему было трудно дышать. Помню, что-то я ему рассказывала. А он — молчал: у него горло было прострелено...

Когда нас придают танкистам, командир роты всегда приглашает меня к себе на го-

ловной танк. Говорит: «Здесь пыли меньше». Поднимается на крыло и вежливо подает руку. Она у него горячая и крепкая. У меня сердце заходится от восторга, когда наш головной танк первым летит в бой, грозно покачивая пушкой.

Недавно механик-водитель, белокурый скуластый парень из Сибири Костя Моисеев, вел со мной интересный разговор: «Переходила бы ты к нам, танкистам. Охота тебе в пехоте маяться, все иди да иди. То ли дело мы — танкисты. Да и приодели бы мы тебя. Одна девушка в батальоне, а в немецких штанах ходишь. У нас во втором эшелоне специальная мастерская есть. Капитан только команду даст, как все будет в ажуре.

Танкисты для меня были люди особенные. У пехотинца вон сколько простору. Спрятался за кочку, и вот тебе укрытие. А танкист из горячей брони редко спасается. Он горит да еще «Интернационал» поет. Мы один раз слышали по радиации: хриплые голоса погибающих танкистов выговаривали слова гимна. Плакали все украдкой. В общем, я обещала Косте подумать. Но потом посмотрела на своих пыльных, угрюмых пехотинцев, и жаль мне их стало. «Кто же их перевязывать будет, стертые в походах ноги лечить?»

«Нет, теперь все: уйду. Вот дождусь только утра».

Привал. Я лежу на траве, подложив под голову санитарную сумку. Вдруг зашуршали знакомые шаги. Я узнала бы их из тысячи. Я ошетибилась, как загнанный зверек.

— А, вот мы где! — как никогда ласково прозвучал знакомый голос.

Я молчала. Только слышала, как медленными ударами бьется сердце.

— Мы все еще сердимся?

«Он что, за дуру меня принимает?»

Капитан садится рядом со мной на траву. Молчит. Где-то недалеко тихонько переговариваются отдыхающие солдаты. Говорят о звездах. Я усиленно прислушиваюсь к их голосам. Вдруг необычно тихо и грустно капитан говорит мне:

— Ты знаешь, что с тобой сделали бы немцы, попадись ты им в лапы?

Необычный тон капитана, неясный пугающий смысл его слов настораживают меня. «А что они могут сделать после того, что я уже видела? Ну, убили бы...» И вдруг что-то стыдливо отталкивающее ледяным страхом пробежало по телу. «Нет, нет, со мной этого не могло случиться... Нет!» Обычная самоуверенность в своей неуязвимости ра-

зогнала внезапно налетевший страх. Для меня важным было другое: «Значит, капитан обо мне беспокоился? Думал о том страшном?.. Как же я могла плохо думать о своем командире?»

Ну, ладно, лишь бы Бойко выжил, а все остальное ерунда. Я незаметно уснула.

На этом история с трофейной коляской не закончилась. На войне возможно самое неожиданное. Так, однажды, в счастливый день своего возвращения из госпиталя в родную дивизию, увидела я знакомую коляску у подъезда штабного здания. Какой маленькой показалась она мне рядом с мрачными громадами кирпичных зданий немецкого города. Я сначала не поверила своим глазам. Но не сомневалась, что это именно та коляска. Другой такой в дивизии не было. «Надо же, до Германии добралась!» Я обрадовалась ей, как живому человеку. Вспомнились события в Румынии. Интересно, выжил ли Бойко, и где теперь ефрейтор Кривошеев? Кому теперь принадлежит эта коляска? Ведь капитан Каратаев теперь в другой части. У кого бы спросить? По улице шли войска. У подъезда сновали, входя и выходя из здания, офицеры и солдаты. Вот, увлеченные разговором, к коляске подошли два не знакомых мне офицера в кожаных куртках. Один из них оглянулся, увидел меня. Оказывается, он меня знал. Я же не могла его припомнить. Он рассказал, что капитан Каратаев вернулся в свою дивизию и командует батальоном в другом полку.

— Только он уже майор.

Я едва справилась с искушением прокатиться на знакомой колясочке по мощеным улицам немецкого города. На той самой коляске, которая когда-то носила меня по румынским полям. Нежданно явиться перед комбатом...

Нет, сначала я должна дойти до Берлина. Это была единственная и главная цель моей жизни. У начальника политотдела дивизии подполковника Дидковского я попросилась в штурмовой батальон.

Не знала я, что мимолетный разговор у трофейной коляски с двумя незнакомыми офицерами останется последней памятью о моем комбате, земляке из Башкирии Викторе Георгиевиче Каратаеве, с которым встретиться нам было уже не суждено...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ

Разбирая фонды Ялтинской городской библиотеки, я встретила на старых книгах два вида экслибрисов: один — с латинской надписью «Пауль Григ. Демидов. Суксун», а другой — с русской «Замок Вишневец. П. А. Демидова».

Значит, это книги из библиотек Демидовых — известной в старое время династии уральских горнопромышленников. Но как они очутились в Ялте?

Первый экслибрис указывал на Суксун. Это — поселок в Пермской области, возникший в начале XVIII века вокруг медеплавильного завода П. Г. Демидова. Здесь находилась одна из резиденций хозяина, а при ней и его личная библиотека. Но Демидов имел еще значительные библиотеки в столицах, где он большею частью жил.

Книжное собрание П. Г. Демидова было необычайно богатым и разнообразным.

Уместно напомнить некоторые штрихи биографии его владельца: он слушал курс естественных наук и металлургии в Геттингенском университете и Фрейбергской академии (Германия), курс химии в Упсала (Швеция) у Карла Линнея, выдающегося естествоиспытателя, дружил и переписывался с ним. Свой кабинет естественной истории, большое собрание книг и рукописей, а также коллекцию монет и медалей всех времен и государств П. Г. Демидов подарил

Московскому университету. Коллекция занимала три «демидовских зала» в университете. Но многое из этого дара погибло в 1812 году при пожаре Москвы.

Демидовское книжное собрание явилось предметом внимания ученых-книгovedов. Известный русский библиограф В. М. Ундольский составил описание библиотеки, указав на необычайную ценность ее: «У Демидова, — писал Ундольский, — были такие книги, которых напрасно станете искать, даже известия о них, пожалуй, не сыщите ни у библиографов, ни в историях литературы». Одна из этих ценнейших рукописных книг демидовского собрания, спасенная от пожара 1812 года, — латинская Библия XIII века, с красочными заставками — хранится ныне в фонде редких книг библиотеки Московского университета.

После смерти П. Г. Демидова книжное собрание продолжало пополняться его наследниками. Они ставили на книгах тот же суксунский экслибрис. Наиболее редкими изданиями с суксунским экслибрисом в ялтинской коллекции являются две книги XVIII века: «Англинские письма Грандиссона», части I и II, напечатанные в Москве в 1793 г., и «Новый Робинзон», ч. II, напечатанный в Москве в 1792 г. Этими книгами, кстати сказать, не располагает библиотека Московского университета, одна из пяти крупнейших библиотек страны, а книги «Новый Робинзон» нет и в Публичной исторической библиотеке.

И еще любопытная деталь: на экземпляре «Нового Робинзона» 1792 г. мы увидели автограф Елизаветы Строгановой — жены П. Г. Демидова. Видимо, эта книга ранее находилась в книжном собрании Строгановых, другой династии уральских и сибирских заводчиков, помещиков и аристократов. Небезынтересно отметить, что в свое время в богатейшей библиотеке Строгановых находился первый русский учебник — Букварь, выпущенный нашим первопечатником Иваном Федоровым во Львове в 1574 году. Единственный экземпляр этой федоровской книги был обнаружен в середине XX века в библиотеке Гарвардского университета в США. Автограф Строгановой на одной из книг, найденных

в Ялте, невольно наводит на мысль — а не побывал ли уникальный экземпляр федоровского учебника в библиотеке Демидова прежде, чем оказаться за океаном?

Однако вернемся к ялтинской коллекции книг из демидовского собрания. Второй экслибрис, наклеенный на любопытном издании 1822 г. «Лондонский пустынный, или описание нравов и обычаев англичан...», отсылает нас к замку Вишневец, что на Воляни. Сейчас Вишневец — центр одноименного района Тернопольской области Украины. А в XVI—XVII веках здесь стоял замок феодалов Вишневецких. Именно в этом замке нашел приют Дмитрий Самозванец, провозглашенный панско-польскими интервентами сыном Ивана IV. Может быть, такой штрих в биографии замка и послужил для П. А. Демидова, экстравагантного богатея, не знавшего, куда девать деньги, полученные от эксплуатации уральских рабочих, побудительной причиной для покупки замка. В Вишневецкий замок перевез П. А. Демидов из Суксуна библиотеку своего деда П. Г. Демидова. Так библиотека совершила путешествие с востока на запад, с Урала на Волянь.

К суксунской библиотеке Вишневеца присоединилась личная библиотека П. А. Демидова — свыше 4000 томов, на которых стоял уже вишневецкий экслибрис.

Через какое-то время демидовское книжное собрание снова двинулось в путь. На сей раз из Вишневеца в Крым, в южнобережное имение Демидовых Кастрополь. Здесь оно и оставалось до революции и гражданской войны. После освобождения Крыма от франгелевцев дача Демидова, как и другие дворцы и особняки аристократов, по Ленинскому декрету была превращена в здравницу для трудящихся, а библиотека вошла в состав местной государственной библиотеки. Во время оккупации Крыма гитлеровцами

многие культурные ценности были разграблены, от демидовского собрания сохранились лишь отдельные издания, нашедшие свой приют в Ялтинской библиотеке им. А. П. Чехова.

Интересна судьба других демидовских библиотек. Одна из них находилась в Нижнем Тагиле, на Урале. Видимо, на основе ее фон-

П. А. ДЕМИДОВА

дов был составлен «Систематический каталог библиотеки наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато», напечатанный в Екатеринбурге в 1898 г. Согласно этому каталогу, в уральском книжном собрании Демидовых насчитывалось свыше 2600 редких русских изданий, в том числе книг XVIII века — 462. Среди них прижизненные издания сочинений М. В. Ломоносова, редкие издания А. Н. Радищева, К. Ф. Рылеeva, Вольтера, Руссо. Широко была представлена литература по естествознанию, технике, особенно по горнозаводской промышленности. Часть книг из этого собрания с экслибрисами Демидовых теперь находится в библиотеке Нижнетагильского краеведческого музея и представляет, конечно, большой интерес для книголюбов.

Большую славу в прошлом снискала библиотека Демидовых во Флоренции (Италия). Как она возникла?

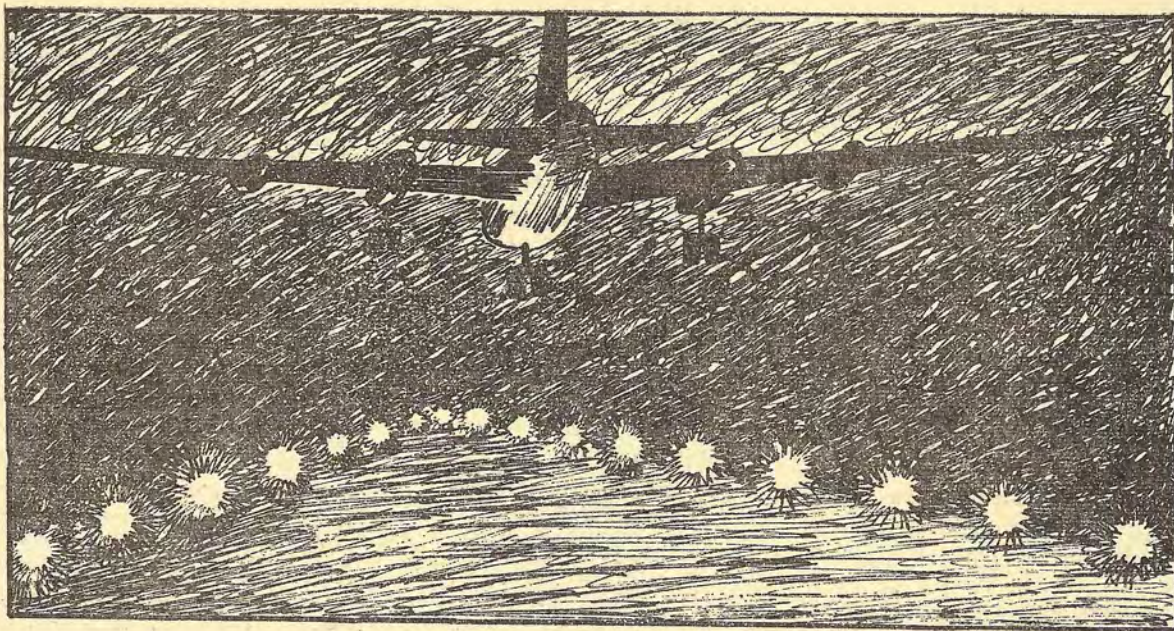
Один из Демидовых, Николай Никитич, был русским посланником во Флоренции. Он увлекался собиранием произведений искусст-

ва, книжных и всяческих других редкостей. Его сын Анатолий, в связи с женитьбой на племяннице Наполеона Бонапарта, купил одно из итальянских княжеств — Сан-Донато вместе с княжеским титулом. По примеру отца он также собирал произведения искусства и книги. А секретарем при нем с 1851 года состоял В. В. Стасов, знаменитый впоследствии художественный критик, историк искусства.

В. В. Стасов выполнял главным образом обязанности библиотекаря. «Больше трех лет проработал и прохлопотал» он во флорентийской библиотеке Демидова. «Я должен был рассматривать книги, которые присылали ему (А. Н. Демидову) разные авторы, и подавать ему рапорт о их содержании и моем заключении... Потом, когда я сказал Демидову, что у него слишком много недостает в библиотеке, он стал присылать мне просматривать каталоги разных библиотек... и все, что я назначал, было куплено», — писал В. В. Стасов в 1852 году. Но и после того как уехал из Флоренции и поступил на службу в Публичную библиотеку в Петербурге, Стасов продолжал консультировать Демидова по вопросам искусства и комплектования библиотеки. Поэтому итальянская библиотека Демидовых по праву могла считаться детищем В. В. Стасова. В ней, когда она уже стала собственностью П. П. Демидова, числилось 6902 книги. Но судьба флорентийской библиотеки оказалась печальной — в 1880 г. она была распродана с аукциона...

Вот, пожалуй, пока и все, что нам удалось узнать о судьбе и приключениях фамильных демидовских библиотек. Два экслибриса на книгах, оказавшихся в ялтинской библиотеке, во многом подсказали пути этих поисков.

Александр АНУШКИН

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ

Повесть

Юрий ЯРОВОЙ

Рисунки Н. Мооса

23 часа 25 мин.

Кухня самолета № 75410

Узнав от Невьянцева, что они идут на двух двигателях, Людмила оцепенела. Она догадывалась: летчики от нее что-то скрывают, сказали полуправду, на самом деле положение гораздо хуже. Но что они могли от нее скрывать?

Самое страшное в воздухе — пожар. В службе проводников нередко говорят о всяких ЧП — по долгу службы, а еще больше пересказывают где-то и от кого-то услышанное.

Людмила понимала: надо выйти в салон и незаметно, как это сделал Невьянцев, выглянуть в иллюминатор. И все станет ясно: если Невьянцева интересовали моторы, то они и горят. «Но...— Людмила достала из кармашка жакета зеркальце — не выходить же с такой перепуганной рожей в салон».

Начало см. в № 3.

Она гордилась своей стойкостью к «морской болезни», она и в самом деле, на удивление даже летчикам, сносно переносила самые жестокие болтанки. А теперь, вцепившись в край буфета, чувствовала, как к горлу с каждым толчком пола, неудержимо уходящего из-под ног, подкатывает противная, удушливая тошнота.

— Татьяна! — крикнула она, не в силах оторваться от буфета: уходит, уходит из-под ног дюралевый пол...

Она не успела вытащить из ящика гигиенический пакет, и Татьяна, изумленно взглянув на своего бригадира, бросилась к аптечке, схватила флакончик с нашатырным спиртом, вату...

— Уйди! — крикнула на нее Людмила. — Иди в первый салон — вызывают!

Таня все с тем же изумлением во взгляде и нашатырным тампоном в руке вышла в первый салон. Зеленая кнопка горела над первым рядом.

— Я слушаю, — подошла Таня. — Вы вызывали?

— Да, да! — быстро повернулся к ней тот самый «заяц». «И костюм-то у него заячьего цвета, — усмехнулась Таня, — серый». — Это я вызывал. Пони-маешь, миленькая, — поднялся он, — горло пересохло, а в Аэрофлоте, я слышал, даже «зайцам» воду дают. Верно?

— Верно,— рассмеялась Таня.

— А это что? — увидел Петр Панфилович в руках у бортпроводницы вату.— Фу! — вдруг услышал он резкий запах аммиака.— Так ты, милая, решила, что мне дурно? Ха, это мне дурно, вы обратили внимание? — повернулся он к своим соседям.— Нет, я подозреваю, что эту ватку она несла тебе, Ничка...

— Инна, боже мой! — с нотками раздражения поправила его девушка.— Вы меня так переименуете, что придется менять метрику...

— Ну,— с сомнением сказал Петр Панфилович.— Тебя переименуешь, пожалуй. Таких, как ты, в нашей системе снабжения к орденам представляют.

— За что? — спросила Инна.

— За умение огрызаться, разумеется,— не очень вежливо объяснил Петр Панфилович.

— Хам,— сказала она и отвернулась.

— Вот,— разозлился вдруг Петр Панфилович.— Не успел слова сказать, а тебе уже ярлык. Хам! Да если я — «заяц», то по несчастному случаю. И вообще,— выбрался он в проход,— я обращаюсь в официальном порядке,— он взял Таню под руку,— предоставить мне в самолете другое место. Убежище прошу. От этой особы...

— Если хотите,— сказала Таня, сдерживая улыбку, я провожу вас на диван. Там, в хвосте, у нас...

— В хвосте? — переспросил Петр Панфилович.— Покорнейше благодарю. Я никогда не был в хвосте, поэтому и живу всегда с премиями. И вообще — я сам себе найду место,— решительно отодвинул он бортпроводницу с дороги.

Но тут на его пути встал майор. Он уже успел разобраться в своей ошибке, выглянув в иллюминатор еще раз: горел не четвертый, а третий двигатель, от него и шел тогда дым, но сейчас пожар летчики потушили, а двигатель, естественно, зафлюгировали. Значит, и на левой плоскости та же картина — зачем все это видеть пассажирам? Сидеть надо на местах и ждать посадки.

— Постой, товарищ. Я кое-что в авиации понимаю и знаю, что ходить по самолету в полете запрещено.

— Как так? — удивился Петр Панфилович.— А если я, к примеру, в туалет?

— Пожалуйста,— указал майор на дверь за его спиной.— Вы у него и стоите.

— А я хочу посидеть на диване! — повысил голос Петр Панфилович.— Мне, может, здесь душно.

— Вот ваш диван,— подтолкнул майор Петра Панфиловича к его же креслу.

— Но зачем так,— мягко остановила майора Таня.— Если товарищ хочет на диван, я его провожу. Майор посмотрел на бортпроводницу... «Глупая ты девчонка!» И сказал с плохо скрываемым недовольством:

— Я бы не советовал устраивать по самолету хождения.

И сел на свое место. А Петр Панфилович в сопровождении Тани пошел в первый салон.

Проходя через кухню, Таня заметила, что Людмила Николаевна стоит все в той же напряженной позе у телефона.

— А! — воскликнул Петр Панфилович, просясь, но Людмила огляла его таким злым взглядом, что он нырнул сквозь шторы в первый салон, забыв попросить — положенный даже «зайцам» — стаканчик нарзана.

Людмила вынула из гнезда телефонную трубку и сказала:

— Командир! Есть будете? Курица остыла...

Выслушала ответ и заткнула трубку на место.

— Готовить им обеды? — спросила Таня.

— Не хотят.

— Но ведь они так давно...

— Если не хотят — что я поделаю? Займись-ка лучше пассажирами. Много неспящих?

— В первом салоне человек пять-шесть.

— А во втором?

— Сейчас посмотрю.

Таня отбросила штору, сделала шаг и отступила: перед ней стояли Петр Панфилович и солдат.

— Я с товарищем солдатом сменялся местом,— сказал Петр Панфилович.— У него тоже первый ряд, только место у окна. Но, я думаю, не продует? — рассмеялся он.

А когда солдат скрылся за шторой в первом салоне, уточнил:

— Солдат — человек дисциплинированный. Говорю ему: «Товарищ рядовой, вас требует на первое «в» товарищ майор!»

Таня рассмеялась:

— А вы, оказывается, находчивый!

— О! — обрадовался Петр Панфилович, усаживаясь на контейнер с подносами.— Находчивость — мой стиль. Меня, если говорить от сердца, надо бы еще в колыбели назвать находчивым. А нарекли — Веселым. Петр Панфилович Веселый, будем, девочки, знакомы. А выпить у вас по такому поводу не найдется?

23 часа 40 мин.

Свердловск, командно-диспетчерский пункт Кольцово

«Уже час... Целый час висят на волоске. Неужели ЦДС не может найти полосу в Сибири? Что они там думают, чиновники от авиации? Целый час! Отец после каждого трудного рейса возвращается все больше и больше седой... Как они идут — на двух двигателях? На нервах. Отец сойдет на землю совсем белым... Если только сойдет...»

Отец был для него самым дорогим человеком на свете. «Есть, а не был,— поправил себя Виталий.— Сядут, конечно, сядут!» — и щелкнул тумблером:

— Роза? Витковский. Какая высота теплого фронта на траверсе Тюмени? Ну, облачности... Шесть километров? Не обойти... Нет, это я не тебе.

«На какой они сейчас высоте? Крылов, наверное, знает, но как его спросить? И так все время косится и кружится вокруг — того и гляди уберет с пульты. Тем более сейчас, когда у него «на шее» сам начальник управления Ивановский. И еще куча начальства — все приехали. А что толку? Лучше бы давили на ЦДС, чем на него...»

Щелчок тумблером...

— Тюмень? Привет, коллега! Там к тебе приближается «75410». На двух идут. Знаешь?

— Знаю, приказано принять по особой. А что?

— Связи пока нет?

— Что ты! Он еще за Тобольском.

— А тобольский РД докладывал?

— Не взял еще, васюганский пока ведет. Все? Виталий понял: уже перебрал время.

— Все. Как войдет в твою зону — сообщи...

Вернул тумблер на место и повернул голову. Рядом стоял Крылов.

— Сейчас Ивановский разговаривал с Москвой, — сказал Крылов. — ЦДС решило в случае чего дать команду на запуск выключенных моторов.

— Они же сгорели!

— Да нет, кажется. Если бы сгорели... Что они там, в ЦДС, сумасшедшие, запускать сгоревшие?... Слушай, не подменить тебя?

— Зачем? Я — в порядке, — Виталий схватил с пульта пачку сигарет, вырвал зубами одну, щелкнул зажигалкой и протянул пачку Крылову — все в одно мгновение: — Берите!

— Ты как фокусник, — сказал Крылов, вытаскивая сигарету. Размял, прикурил от зажигалки Виталия и указал на селектор:

— С Тюменью выяснил? Где они?

— Пока в зоне Васюгана.

— Понятно... Я ведь летал с твоим отцом. Давно еще, во времена войны. На «пешке»¹ летали, он был у меня радистом. А потом, после демобилизации, летали с ним на «Ли-2». А потом нас с ним списали на землю.

— Это я знаю, — ответил Виталий. — Вы неудачно сели.

— Ага, — качнул головой Крылов. — Сажал-то машину я, а время тогда было другое — не чета нынешнему. Сейчас, глядишь, выкатится при посадке за полосу — ну, прокол в свидетельстве, выговор, талон вырежут, премии лишат. Это сейчас самолетов больше, чем летчиков. А тогда — каждая машина на учете. Выставили нас с Геннадием Осиповичем с работы — куда податься? Меня, как командира, взяли в диспетчеры, а ему куда? Вот и удивил всех: в тридцать три года — курсантом в училище! На штурмана...

— Мы тогда чуть не перебрались в Ульяновск.

— Ага... А потом еще раз удивил, уже в шестидесятом: снова в курсанты! Переучиваться на реактивные...

— А потом еще раз удивил, — рассмеялся Виталий нервным, каким-то всхлипывающим смехом и уткнулся в экран локатора. — Вдруг видим — засел за учебники. Мать говорит: «Тебе уже сорок три, опять в курсанты?» — «Опять», — отвечает. «Да над тобой все мальчишки смеются — сколько можно в учениках?» — говорит мать. «А на меня, — отвечает он ей по-одедски, — лишь бы авиация не смеялась...»

— Это когда он на первый класс готовился? — спросил Крылов.

— На первый...

— Да-а... И нас он, признаться, удивил. А сдал! Утер нос молодым — первый в отряде штурман первого класса! И вот надо же — последний полет, — сказал Крылов.

— Как последний?! — резко повернулся Виталий к Крылову. — Он же летит! Они долетят, я разговаривал с Тюменью! — сорвался он на крик.

— Ты чего? — повысил голос Крылов. — А ну, иди проветри! — приказал он, встал за его стулом, рассматривая и запоминая «картинку» на экране локатора: — Принял!

— Сдал, — мгновенно сникнув, ответил Виталий и поднялся со стула.

— Стой! — приказал Крылов. — Ты меня не понял. Конечно, они долетят, я же тебе русским языком объяснил, что Москва распорядилась запустить остановленные моторы. А ты не знаешь разве, что у отца это последний полет? Не знаешь о его рапорте?

— Какой рапорт? — нахмурился Виталий.

— Чудеса в решете! Хотя на Геннадия это похоже — молчун.

— Какой рапорт? — повторил Виталий.

— Только что сам узнал от начальника отряда, — оторвался Крылов от экрана локатора. — Перед полетом, оказывается, он написал рапорт об отставке. Отлетелся, на пенсию.

Виталий стоял окаменевший: отец на пенсию? Не может быть, мама бы знала... Ночей не спит, когда он в воздухе!

— Правда? — обрадовался он. — Вы меня не разыгрываете?

— Здравствуйте, я ваша бабушка, — усмехнулся Крылов. — Вон начальник отряда — сам спроси.

23 часа 41 мин.

Пилотская самолета № 75410

Уже час они летели на двух двигателях. Ныли от напряжения руки и ноги. Но командир чувствовал, видел: все, включая даже Димку Киселева («Вот бог наградил механиком! Зеленеет на высоте, как стюардесса-практикантка...»), пришли в норму и ведут себя так, как будто ничего не случилось.

«Конечно, когда движки загорелись — это тебе не тренажер, — рассуждал Селезнев. — Железных людей нет. А тем более, когда за твоей спиной — люди! Но важно, что даже Димка не спасовал. Молодцы! Теперь только не давать им времени на всякие там мысли. Работать! Когда человек работает — все в норме!»

И он без устали тормозил их: «Димка, какой расход керосина?.. Невьяныч, дай-ка еще раз глянуть на «метео»... Сударь! Что у тебя там с обледенением? Не началось?..»

— Осипыч, — нажал он на кнопку переговорного устройства — обернуться не мог, взгляд сосредоточен на приборах. — Осипыч, тут ведь где-то у нефтяников есть зимние полосы — грузовые «кантоны» сюда, к геологам, летают. Может, еще не растаяли полосы?

Штурман ответил тоже по переговорному устройству:

— А кто тебя там ждет? И ты ведь не буровые станки везешь, а людей.

— Это ты верно заметил, Осипыч. Так что же, неужели так и будем на двух пилить аж до самой Тюмени? Что у них, совести нет, в ЦДС: не могут найти аэродром поближе?

— А что с них толку, с ближних? — ответил, помолчав, штурман. — Угробиться ведь можно и во Внуково — были бы подходящие условия. А на ближних сейчас эти условия как раз и есть.

— Тоже верно, Осипыч. Только вот держусь я за штурвал и чувю, как у Никиты поджилки трясутся — не долетим ведь до Тюмени!

— Устал, командир, — признался Никита. — Однажды, мальчишкой еще, бегал я по крыше дома, дом у отца свой, высокий. Вот и сорвался. Загрел вниз. Успел только ухватиться за водосточный желоб. Завис, одним словом, между небом и землей. Надо орать во все горло, на весь мир орать, чтоб сняли! А я гляжу вниз — язык деревенеет.

— А ты за борт не смотри, — посоветовал Селезнев. — Ничего там хорошего — облако до самой земли.

— Да я при чем? — сказал Никита. — Потянуло...

¹ Пикирующий бомбардировщик Пе-2.

— Ну и что? Загрелел?
— Все, думаю, конец. Язык уж отнялся, и руки откинулись. Но тут вижу — бочка. На углах домов под желобами бочки для дождевой воды ставят. А я как раз на этом самом желобе и завис — метрах в трех от угла. Ну, думаю, шалишь, не все еще потеряно. Руками я еще шевелю. И давай: раз-раз пальцами, а желоб-то наклонный, к бочке! Шевелю к это пальцами — жжет невыносимо, режет железо, а все же чувствую, что к бочке-то меня сносит!

— Глиссанул¹, значит...
— Вот-вот! Совершил мягкую посадку...
— В бочку?
— В бочку.
— А руки?
— А что руки? Видел когда-нибудь разутого «чуполева»? Занесет его, беднягу, на концевую² — от резины одни клочья. Вот так и у меня с руками. Ничего! Зажило, даже шрамов не осталось.
— Вот за это — молодец! — сказал Селезнев. — За бочку...
— Командир, в дверь стучат, — сказал Витковский.

— В дверь? Неужто пассажиры? Этого нам только не хватало! Где там Кирьяниха? — Он двинул переключатель абонентского щитка на связь с проводниками, дождался «Да!» и крикнул: — Мать! Кто к нам ломится?

Телефонную трубку взяла Таня.
— Это Людмила Николаевна к вам пошла — воду понесла.

— А-а... — сказал командир. — А как там в салонах, тихо?

— Как тихо? — не поняла Таня.
— Ну, не шумят?
— А зачем им шуметь? — удивилась Таня. — Спят, отдыхают...

— Так... — Селезнев понял, что Татьяна об аварии не догадывается. — Ну и не буди, пусть спят.

И крикнул:
— Откройте Кирьянихе!

Пока штурман возился с задвижками, командир переключился на радиста и сказал:

— Невьяныч, ты что — третьего номера в дела не посвятил?

— А зачем? Нужно будет — скажет Людмила.
— Что ж, может, и верно.

Людмила в самом деле принесла им бутылку воды и стопку пластмассовых стаканчиков.

— Ох, ну и люди же вы! — сказала она, захлопывая за собой дверь. — Сидите как сурки, хоть бы слово сказали!

— О чем, мать? — откликнулся Селезнев, не оборачиваясь. — Мы тебя и без слов любим.

— Ты же обещал объяснить, что случилось!
— А чего объяснять? Летим и летим... Все нормально.

— А пожар?
— Какой, мать, пожар? Приснился что ли?

Движки зафлюгировали — так это наше дело: хотим — летим на четырех, хотим — на двух.

— Знаешь, Селезнев! — разозлилась Людмила.
— Давай иди, иди, не мешай. Как там читинский «заяц»? Не шумит?

— Притащился на кухню.

— Ты за ним присматривай, мать, это такой тип... Где он сидит?

— Сидел на первом «в», а теперь перешел во второй салон.

— На какое место?
— На шестое «д», кажется.

— У иллюминатора? Вот что, мать: ты его из кухни не отпускай. Там из этого иллюминатора винт третьего как на ладони. Увидит, что не крутится, может хай поднять. Держи этого «зайца», мать, на кухне.

— Как я его удержу?
— А как хочешь. Хоть в любви ему, сукиному сыну, объяснись...

23 часа 50 мин.

Центральная диспетчерская Аэрофлота

Едва Козырев успел взять метеосведения по трассе и портам, как тут же получил новый приказ:

— Найдите в Москве самолет «ИЛ-18» на предстартовой подготовке. Задержите вылет и подключите командира корабля ко мне.

Приказ был странный. Но приказы руководителя полетов, а тем более особой срочности, обсуждению не подлежат. Их надо выполнять безоговорочно и в предельно короткий срок.

Нужного самолета Александр Иванович не нашел — ни одного «ИЛа» на предстартовой подготовке. «Впрочем, — проговорился РП аэропорта Домодедово, — сейчас должен взлететь «ИЛ-18».

— Задержите старт!
И тут же, переключившись на начальника смены:

— Есть только один, в Домодедово, стартует.
— Вернуть!

Начальник смены порта Домодедово в ответ на приказ вернуть самолет со старта вскипел (это был первый случай открытого неповиновения за весь вечер, как только Козырев перешел на пароль «самолет»):

— Вы отдаете себе отчет...
Козырев не стал спорить: увидев через стекло, что Павлов не занят (тоже первый случай с тех пор, как из Толмачево поступило сообщение об аварии на траверсе Колпашево), он канал связи с Домодедово переключил на внутренний селектор и тотчас увидел, как Павлов выбросил руку к микрофону:

— Кто говорит?
— ...люди привязались ремнями, ждут взлета!

Павлов: ЦДС, первый! Старт отменить!
Начальник смены: Но люди...

Павлов: Вы нуждаетесь в повторении приказа? Александр Иванович от селектора отключился — он опять вызывал РП аэропорта Домодедово.

— Вы можете меня подключить к связи с самолетом на старте?

— Попробуем, — сказал диспетчер не очень уверенно, но через пять-шесть секунд Александр Иванович услышал голос диспетчера по старту:

— Домодедово, стартовый! Вам командира экипажа?

И еще — через томительную паузу:

— «79610», командир...

Александр Иванович сделал переключение на селектор, и Павлов опять выбросил руку к микрофону.

Павлов: Я не могу вам приказать — могу

¹ От слова «глиссада» — кривая, по которой самолет идет на посадку.

² Бетонная взлетно-посадочная полоса обычно заканчивается щебеночным полотном, которое и называют концевой полосой.

только просить. Над Сибирью терпит бедствие «ИЛ-18»: два двигателя зафлюгированы и залиты противопожарной жидкостью. Вы должны ответить на вопрос: можно ли и при каких условиях произвести запуск залитого и остановленного двигателя. В воздухе вас будут консультировать главный конструктор двигателей и шеф-пилот самолета. Справитесь?

Командир: Если надо...

Павлов: Надо.

Командир: Но у меня пассажиры.

Павлов: Высадим.

Командир: Возвращаться к аэровокзалу?

Павлов: Глушите! Мы подгоним к вам сейчас трапы и автобусы, подготовьте пока пассажиров к эвакуации из самолета. Десять минут хватит?

Командир: Сомневаюсь...

Павлов: Тогда — восемь. Через десять минут вы должны взлететь.

Командир: Но я занял взлетную полосу...

Павлов: Вот и хорошо. Сразу после отъезда автобусов получите старт на исполнение. — Переключившись на Козырева: — Позаботьтесь, чтобы самолет через десять минут ушел в воздух. Я пока подключу шеф-пилота и главного конструктора.

После разговора с Павловым начальник смены порта Домодедово принимал все распоряжения безоговорочно, однако, когда услышал, что пассажиров надо высаживать прямо на взлетной полосе, снова взбунтовался:

— Вы отдаете себе отчет?..

— Отдаю, — отрезал Козырев. — Если через десять минут самолет не уйдет в воздух, я о вашем несоответствии должности доложу министру.

Самолет был готов через шестнадцать минут, но не по вине начальника смены — долго выходили из самолета недовольные пассажиры.

— «79610», пассажиров и бортпроводников высадил, к запуску двигателей готов.

Стартовый диспетчер ответил:

— Вас понял. Ждите указаний от ЦДС.

— Запускайте, — приказал Козырев и переключил командира корабля на Павлова.

После уточнения задачи Павлов спросил Козырева, какие аэродромы готовы к приему аварийного самолета. Александр Иванович стал перечислять порты, которые он «поднял на ноги».

— Отбой, — перебил его Павлов. — Самолет мы сможем принять только на открытом аэродроме: у них нет автомата захода на полосу. Готовьте Тюмень.

Это уже было выше его выдержки — столько трудов! Столько проклятий на его голову...

— Дайте отбой всем портам, кроме Тюмени, — приказал он помощнику, вставая из-за стола. — А я пойду покурить.

дира — развлекала читинского «зайца». Разговор с Селезневым, каким бы он ни был дурачком, помог ей преодолеть тошнотворное чувство страха и непроходящее ощущение, что пол у тебя уходит, уходит из-под ног... Наверное, дело даже не в Селезневе, а в остальных: сидят на своих местах, работают, Димочка даже улыбнулся... Вот только Геннадий Осипович хмурый. Да он весь рейс, и в Хабаровск летели, — хмурый... И все же, что у них, сапожников, случилось? Скрывают... Но летим ведь!

И она, поддерживая болтовню читинского «зайца», даже смеялась над его пошловатыми анекдотами. А сама все кружила, кружила по маленькой кухне, не находя себе места.

И вдруг — Людмила в это время была в проходе к гардеробу, отделявшему кухню от первого салона, — крик: «Падаем!»

Быстро, чуть не бегом, прошла она через салон к первому ряду, и следующий вопль «Падаем!» буквально зажала рукой.

Очевидно, ее внезапное появление несколько отрезвило девушку, но только на несколько секунд. А потом девушка изо всех сил оттолкнула ее к стенке.

— Помогите! — крикнула Людмила моряку, который, видно спросонья, непонимающе таращил глаза на них обеих. — С вашей соседкой припадок! — она опять зажала рот девушке, которая от страха уже не только ничего не видела вокруг, но и не соображала, что делает.

Людмила почувствовала в ладони жгучую боль. «Укусила!» И, тоже плохо соображая, что делает, вlepила ей левой, укушенной рукой такую пощечину, что та свалилась на своего соседа-моряка.

Тот, наконец, проснулся, попытался вскочить, но ему мешали они обе — и девушка, и Людмила. И тогда он быстрым, почти боксерским ударом «от плеча», отшвырнул бортпроводницу от девушки, глаза которой чернели и ширились от страха.

Неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы не вмешался майор с третьего «в».

— Сядь! — приказал он моряку с такой яростью в голосе, что тот окаменел. — Что делать? — быстро спросил майор Людмилу, та кивнула на кухню — «Туда!», и майор приказал солдату, стоявшему в нерешительности тут же, в проходе: — Вытаскивай!

Поняв, что пришла помощь, Людмила пропустила на свое место солдата. Тот сгреб девушку под мышки, одним рывком, прямо через моряка вытащил ее из кресла...

В кухне девушка опустилась на пол, закрыв лицо руками. К ней бросилась Таня, но Людмила, выталкивая из кухни солдата, другой рукой успела удержаться и ее:

— Валерьянки, быстро!

Перебудили они, конечно, всех, но пока пассажиры, очевидно, не расслышавшие, что кричала девушка, смотрели не в иллюминаторы, а на моряка, солдата и майора; смотрели, не понимая, что произошло.

Девушка, лежавшая на полу, опять зашла в крике, и Людмила нагнулась, пытаясь оторвать ее руки от лица.

— Да помоги же! — крикнула она Тане, которая в полной растерянности стояла посреди кухни со стаканчиком и флаконом валерьянки в руках. На помощь Людмиле неожиданно пришел Веселый.

Девушка захлебнулась, дернула головой и закатила глаза: валерьянку Татьяна водой развести не успела.

00 час. 16 мин.

3 апреля.

Салон самолета № 75410

Что же произошло? Очевидно, от скуки или бессонницы Инна стала смотреть на облака, потом перевела взгляд назад, на крыло самолета, а там — винт крестом торчит. А тут еще самолет трянуло... Инна крикнула: «Падаем!»

Людмила в это время выполняла приказ коман-

— Готова, — сказал Петр Панфилович. — В обморок хлопнулась.

— Воды! — крикнула Людмила.

Теперь Татьяна, уже пришедшая в себя, не суетилась, а делала все быстро и точно. Нагнулась, достала из ящика бутылку.

— Где открывалка?

— О, господи... — простонала Людмила. — Ищи! И опять выручил Веселый.

— Дай-ка мне! — выхватил он бутылку из рук Татьяны и быстро, почти неуловимым движением, сдернул пробку, зацепив ее за край буфета...

— Стакан! — крикнула Людмила, но Веселый опмахнулся:

— Давай так — из бутылки верней!

Теперь Людмила могла подняться. Она приоткрыла голову девушки в угол между буфетом и контейнером, поднялась, одернула жакет и только тут заметила, что рука у нее в крови. «Укусила... Вот стерва! — с ненавистью глянула она на бледное, без кровинки и залитое нарзаном лицо. — Вымыть надо...»

Но мыть руку — это идти в туалет. А идти через весь салон... А там какой-то подозрительный шум...

Людмила обмотала руку салфеткой, вытащила из углубления в стене телефонную трубку, нажала кнопку...

— Командир! Включите посадочное табло!

— А что, мать, пассажиры?

— Да, немного. Включите, мы их заставим привязаться ремнями.

— Понял, мать. Включаю.

Теперь, когда в салонах горели табло «Не курить! Пристегнуть ремни!», можно было и командовать.

— Посмотри-ка за ней, — кивнула Людмила на девушку, все еще не открывавшую глаз. Потом передумала и попросила присмотреть за девушкой Веселого, а Татьяне приказала: — Во второй салон! Всем пристегнуться, идем на снижение — меняем эшелон. Живо!

— Так объявить... — потянулась Таня к микрофону.

— Не буди. Объясни тем, кто не спит...

Это показалось Тане странным, но задавать вопросы она не стала.

Людмила занялась первым салоном.

Майор с солдатом уже успели моряка усадить на место, и проход был свободен. Людмила здоровой рукой поправила сбившиеся волосы, провела ладонью по бровям и щекам — все вроде в порядке, и вошла в салон решительная и непреклонная.

В салоне не спал уже никто — все, с ее появлением, немедленно повернулись к ней.

— Идем на снижение, меняем эшелон. Прошу пристегнуться.

«Кажется, все в порядке, — окинула она взглядом салон. — Можно и помыться», — вспомнила она про укушенную руку, которая тотчас отозвалась ноющей болью. Прошла вперед, к пилотской кабине, и толкнула дверь в туалет.

Из туалета она вышла через полминуты и увидела, что над вторым рядом горит зеленый вызов.

— Что с вами? — наклонилась она к женщине, державшей на коленях ребенка. — Опять температура?

— Да, — сказала женщина. — Может, у вас найдется что-нибудь жаропонижающее — у нас кончилось, а в Иркутске мы не выходили...

00 час. 19 мин.

Москва. Центральная диспетчерская Аэрофлота

В ноль девятнадцать диспетчер аэропорта Домодедово доложил:

— ЦДС, первый! «79610» вошел в зону, приступает к испытаниям.

— Главный конструктор и шеф-пилот к каналу связи с самолетом подключены?

— Все сделано — прямая связь.

— Хорошо, о результатах испытаний доложите немедленно.

Теперь — ждать...

Павлов глянул на «московские»: 00-20. «Опять пропустил доклад министру. Но что ему можно доложить? Что самолет в воздухе? Теперь уже два в воздухе: один «висит» над Сибирью, а второй... Да, сейчас они двигатель уже выключили и залили. Сколько им главный конструктор прикажет выждать? Сразу, конечно, запуск не разрешит — жидкость хоть немного, но должна испариться. Да двигатель должен остыть... Значит, в воздухе уже два... Риск? Но кто может посчитать, где больший риск: тянуть еще полчаса самолет на двух моторах или все же запустить хотя бы один? Хотя бы второй, картина пожара на нем более чем странная... Нет, просто у главного не хватает духу взять на себя ответственность... И все же: если у них за эти полчаса, не дай бог, что-нибудь случится — кто будет отвечать? Главный? Нет, его даже упрекнуть будет не за что. А вот ты, руководитель полетов ЦДС, наделенный всеми правами и полномочиями, прежде всего правом решать, уйти от ответственности не сможешь в любом случае. Одинаковый с тебя спрос: и почему согласился на оттяжку запуска до завершения эксперимента, и почему дал команду на запуск двигателя, который... загорелся. Как они, черт бы их побрал, проморгали виброперегрузки? Насколько бы проще все было, если бы знать точно — был пожар или померещилось... Но, с другой стороны, когда такая обстановка, тут не только виброперегрузки можно проморгать...»

Однако ко всему прочему было еще одно обстоятельство, которое удерживало его от решительных действий: как бы ни сложилась обстановка, он на борт терпящего бедствие самолета мог выдать только рекомендации. Но не приказ. Он мог, имел право отдать приказ любому работнику Аэрофлота, находящемуся сейчас при исполнении служебных обязанностей, если того требуют обстоятельства. И — если этот работник на земле. А командиру аварийного самолета может приказывать только сам командир. Сам себе.

Владимира Павловича не беспокоили. ЦДС продолжала работу: диспетчеры размышляли над графиками, связывались с нужными портами и службами, что-то уточняли, кого-то подгоняли... Об аварии над Сибирью в ЦДС знали всего шесть человек: трое в «восточном» секторе, и трое — здесь, на командном пункте Аэрофлота. Остальные диспетчеры, наблюдая через звуконепроницаемые стекла за командным пунктом, могли лишь догадываться, что начальник смены, старший диспетчер и старший штурман заняты делом особой срочности. И не беспокоили.

А Павлов ждал: «московские» часы показыва-

ли — 00-31, 00-32, 00-33... «Чего они тянут? Что там у них происходит?» Как он жалел, что не успел отдать команду связистам подключить один из каналов связи с портом Домодедово к пульту диспетчера, в зоне которого проходят испытания.

00 час. 37 мин.

Пилотская самолета № 75410

Табло «Обледенение!» вспыхнуло почти сразу же, как только самолет вошел в облака.

— Механик, девяносто восемь!¹.

Двигатели почти не изменили тона — что для них каких-то пять-шесть градусов! Но все же скорость самолета чуть-чуть поднялась, и это «чуть-чуть» Селезнев, осторожно задирая нос машины штурвалом, использовал для подъема. Одновременно Никита включил антиобледенители на хвостовом оперении.

Никита все эти два с половиной часа, с того мгновения, когда у себя на щите второго пилота увидел красное табло «Пожар!», жил в постоянном напряженном ожидании. Он даже сам не мог понять, чего ждет — новых неприятностей или приказа на посадку, отказа еще одного двигателя или какого-нибудь чуда, которое придумают там в Москве, беспрерывно поддерживающей с ними двойную связь — напрямую, через коротковолновую радиостанцию, и в круговую — через очередного диспетчера. Но это ожидание, державшее его в страшном напряжении, до судорог в икрах и предплечьях, не было проявлением страха. Никита в своей жизни настоящий страх испытал лишь однажды, в детстве, когда сорвался с крыши и повис над желобом. Но именно потому, что в том, совершенно отчаянном положении, он все же сумел не переломать костей, а отделался лишь купанием в тухлой бочке, он раз и навсегда усвоил, впитал, что называется, в кровь истину: безвыходных ситуаций в жизни нет.

И еще одно открытие принесла ему бочка с тухлой водой: самое сильное, самое острое чувство человек испытывает в воздухе.

Не успели зажечь руки, порезанные о край желоба, как он снова был на крыше, на этот раз — сарая, откуда — без раздумий и колебаний — прыгнул в куст крыжовника. Оцарапался и ободрался жутко, да еще за крыжовник от отца попало, однако не проронил ни слезинки. С тех пор и пошло: на лыжах — с трамплина, в воду — с моста, и в авиацию он попал так же логично, как становится художником человек, обнаруживший в себе талант к рисованию уже в раннем детстве...

— Табло! — подсказал Дима, но Никита уже и сам увидел: вспыхнуло табло «Обледенение винтов».

— Пошло! Теперь только держись, — пробормотал он, включая нужный тумблер на щите противобледенителей.

— Не включай, — сказал Невьянцев. — Тока нет.

— Как нет? — услышал командир. — Ты чего, Невьяныч, с похмелья?

— Резервный генератор у нас на четвертом, — сказал радист. — Если я его переключу на обогрев коков², то не будет связи и радиолокатора.

¹ Максимальный угол поворота топливных рычагов (взлетный режим).

² Сферические колпаки-отсекатели на винтах двигателей.

Теперь командир сообразил, о чем предупреждал Невьянцев, дважды напомнив про шесть генераторов, вышедших из строя вместе с двигателями.

Мощность генераторов современного реактивного лайнера вполне достаточна для того, чтобы осветить хороший жилой поселок.

Конечно, все сто сорок киловатт на самолете не нужны никогда, и часть генераторов всегда находится в резерве, на крайний случай... Именно поэтому на щитке «Противообледенители» пилота предупреждает надпись: «Внимание! Перед включением обогрева включи все генераторы». В том числе и резервный...

Но беда была в том, что оставшийся резервный переменного тока на этой модели «Б» мог питать или радиооборудование самолета, или обогревать винты и коки и стекла кабины. Без связи и локатора, как без глаз и ушей, однако если винты покроются льдом...

— Димка! Двигатели на максимум! Надо выбраться из этой каши наверх!

— Давно уже на пределе, командир, — ответил Дима.

Селезнев скосил глаза вправо, на табло обледенения. «Горят, язви тебя в душу!» — выругался он мысленно, и крикнул Невьянцеву:

— Выключай связь — надо греть винты!

— Связь я перевожу на питание от умформеров — у нас на дежурном приеме Москва. А вот локатор и радиоконпас...

— Осипыч, обойдешься пока без компасов? — перебил его командир.

— Надолго?

— А пока не оттают винты!

— Раз другого выхода нет...

Теперь они летели почти вслепую — без локатора и компасов, и единственной «путеводной нитью» оставалась радиостанция, связывавшая их с диспетчером.

— Тобольск, — нажал на кнопку передатчика Геннадий Осипович. — «75410», идем без локатора и компасов. Давайте место через каждые пять минут.

Тобольский диспетчер замешкался — наверное, не поверил. Но переспрашивать не стал: когда самолет терпит бедствие — отказать может что угодно.

— «75410», вас понял. Веду только вас — больше у меня машин нет.

Невьянцев протянул листок из блокнота. Селезнев прочел и швырнул на пол:

— Осипыч! Тюмень закрылась.

— Но они же нас ждут!

— Приказали — вот и ждут. А что делать? Сажать-то все равно надо. Вопрос — где? Невьяныч! Как остальные «метео»?

— Прилично только в Челябинске и Перми.

— Понятно... Что у нас с керосином?

— До Челябинска не дотянем, — ответил Витковский.

— Так. А до Свердловска?

— Доберемся. Остаток — две тонны.

— Невырабатываемый запас... Веселая посадка! Сейчас нас, Осипыч, повернут на Тюмень — так? Садимся в Тюмени? Или тянем до дому? Дома, говорят, и стены помогают... Что молчишь, Осипыч?

— Тебе ведь сажать машину.

— А тебе — точно вывести. Как будем садиться, механик?

— Аварийный выпуск шасси и аварийные тормоза, — быстро ответил Дима.

— К тому же добавь — без поворота передней

ноги. Чуешь, Осипыч, чем пахнет? Ты должен вывести машину на полосу с точностью до градуса. Сядем под углом — повернуть машину нечем, скатимся в поле — пискнуть не успеешь. А уйти на второй заход, если промажем, — на двух не поднимемся. Улавливаешь?

— Я давно все уловил, — сказал штурман. — Дома местность знакомая.

— Не забывайте, — добавил Никита, — в Тюмени полоса на полкилометра короче!

— В Тюмени на полосе гололед, — напомнил Невьянцев.

— Ясно, — подвел итоги командир. — Все, я вижу, против Тюмени. А отдаете себе отчет, что до Свердловска плюхать на сорок минут дольше?

Летчики молчали. Каждый из них, включая и командира, отлично понимал, что значат эти сорок минут полета на обледеневшем самолете без двух двигателей...

00 час. 44 мин.

Москва. Центральная диспетчерская

Аэрофлота

Козырев стоял у окна и жадно курил.

— Александр Иванович! — прибежала запыхавшаяся оператор. — Павлов требует! Срочно!

Козырев задержался у двери КП: «Если я ему нужен срочно...» Он набрал шифр и дверь открылась. Павлов повернул голову и кивнул:

— Вызовите, пожалуйста, инженерно-технический сектор! У меня рук не хватает.

Козырев нашел на пульте нужный клавиш, нажал и повернул микрофон Павлову.

— Секунду! — бросил Павлов в трубку. И — в микрофон: — Инженерно-технический? Разберитесь, что вышло из строя: самолет «ИЛ-18», зафлюгированы второй и третий двигатели. Доложите немедленно! — и снова переключился на разговор с генеральным конструктором самолета...

Несмотря на десятилетиями воспитанную самодисциплину, Александра Ивановича здесь, на КП, не мог подавить ощущение, что что-то делается не так. Может, это ощущение вызывалось спокойной — по крайней мере, внешне спокойной — атмосферой, которая царила здесь, после накаленной атмосферы в «восточном» секторе, его не могла не удивить здешняя тишина, прерываемая лишь ответными репликами Павлова: «Да, да... Понимаю... Разумеется...»

«А может, так и должно быть? — подумал он. — В конце концов полет восемьдесят четвертого на двух продолжается уже два часа — срок вполне достаточный, чтобы убедиться и в жизнеспособности машины, и в пилотном мастерстве экипажа. Доклады командира корабля — «Полет протекает нормально» — тоже ведь кое о чем говорят: выдержки и хладнокровия этому командиру, видно, не занимать, а в такой обстановке для него это сейчас самое главное...»

Очевидно, и здесь, на командном пункте, пришли к выводу, что полет закончится благополучно. Но не рано ли пришли к этому выводу?

Требовательный писк зуммера. Александр Иванович нажал загоревшийся на пульте селектора клавиш:

— ЦДС!

На селекторе оказался главный конструктор по слововым установкам «ИЛ-18».

Главный: Я консультировался с генеральным... Да, вам доложили о результатах эксперимента? Как я и предполагал, запустить охлажденный двигатель на такой высоте невозможно.

Козырев: Не понял...

Главный: Винты в рабочее положение поворачиваются слишком медленно — масло густое. А это значит, что и двигатель раскручивается тоже очень медленно. Турбины не успевают набрать нужное число оборотов, поэтому горят лопатки. Это вам понятно?

Козырев: Это понятно. — Оглянулся на Павлова, видит, что тот слушает одновременно обоих — генерального и главного конструкторов.

Павлов: Где же выход?

Главный: Вести самолет на двух двигателях.

Павлов: Самолет уже вошел в зону обледенения...

Главный: Тогда сажайте немедленно.

Павлов: Где? В поле? На лес?

Главный: На аэродром.

Павлов: До Тюмени им еще идти не менее сорока минут.

Главный: Я должен проконсультироваться с генеральным.

Павлов: Сколько вам надо на это времени?

Главный: Пять минут.

Павлов: Отключаю. — Поворачивается к Козыреву: — Что там?

Козырев: Свердловск, КДП. Самолет запрашивает посадку в Кольцово.

Павлов (выхватывает трубку из рук Козырева): Что вы сказали?!

00 час. 49 мин.

Свердловск, командно-диспетчерский пункт Кольцово

Запрос «75410-го» на посадку в Кольцово был передан тюменским диспетчером в ноль сорок девять, за минуту до поворота самолета над Тобольском на Тюмень.

— Свердловск, «восточный»? «75410» просит посадку у вас, в Кольцово.

— Но у нас метеоусловия ниже минимума, на полосе гололед... — И только тут до его сознания дошло, что посадку просит самолет отца. — Тюмень, «восточный»? Почему не принимаете вы?

— Мы его готовы принять. Полосу все время чистим.

— Так в чем дело?

— Командир решил идти на Свердловск.

— Понятно. Я доложу руководителю полетов.

— Докладывай, я жду.

Виталий выбрался из-за пульта — все равно экранлокатора был пуст, самолеты переадресовывались в Челябинск или Пермь. За столом Крылова сидел Ивановский, начальник управления. Крылов был тут же, за соседним столом.

— Что у вас? — спросил Ивановский Виталия.

— «75410-й» просит посадку в Кольцово.

Ни один мускул не дрогнул на лице начальника управления, только левая бровь взметнулась вверх да так и застыла вопросительным знаком.

— С командиром можно связаться? — повернул Ивановский голову к Крылову.

Тот подумал.

— УКВ еще не возьмет, а на коротковолновой у них «висит» Москва...

— На самолете две коротковолновых.

— Понял. Дам команду, — Крылов тотчас встал, обогнул стол, подошел к Виталию.

— Передай через тюменского коллегу на борт просьбу: выйти на связь с Кольцово. А я отдам приказ радистам.

Виталий бросился к пультам.

— Тюмень? «Восточный»? У тебя прямая связь с самолетом?

— Нет пока. Его ведет Тобольск.

— Передай на борт приказ: выйти на связь с Кольцовским радиоцентром...

Начальник управления между тем с помощью Крылова соединился с начальником смены диспетчерской порта.

— Сможете принять «ИЛ-18»?

— Если с автоматом захода...

— Без. Модель «Б».

— Нет.

— А если подумать? Ивановский у аппарата.

— На полосе гололед...

— У вас что — техники нет?

— Понятно. Будет выполнено.

— Посадка аварийная — предупредите пожарников и медсанслужбу.

— Понятно. Сколько вызывать машин?

— Все что есть в наличии.

— Понятно. Будет выполнено.

— Об исполнении доложите. Я на КДП.

— Когда ожидается посадка?

Ивановский перевел вопросительный взгляд на Крылова.

— Когда ожидается посадка в Кольцово?

Ответил Виталий — он уже успел рассчитать:

— Два двадцать.

— Через полчаса, — бросил в телефон Ивановский. — Успеете?

— Надо успеть.

— Выполняйте!

На пульте вспыхнула лампа: «Радиоцентр». Крылов, уловив утвердительный кивок начальника управления, тотчас произвел переключение.

— Ивановский. Связались с самолетом?

— Да, связь устойчивая.

— А на меня вы канал связи переключить не сможете?

— Не предусмотрено.

— Тогда запросите: почему решили садиться в Кольцово, а не в Тюмени?

Незаметно и очень тихо стол, за которым сидел сейчас начальник управления, окружили все, не занятые на проводке самолетов: главный инженер управления, начальник авиаотряда, Крылов, Витковский...

— Командир «75410-го» отвечает, — услышал Ивановский голос радиста в трубке: — «Условия посадки в Кольцово более благоприятные».

Ивановский знал, что в Свердловске погода не лучше, чем в Тюмени, поднял взгляд, оглядел всех по очереди и остановился на Крылове:

— Вы тоже считаете, что в Кольцово условия посадки более благоприятные?

90 час. 55 мин.

Салон самолета № 75410

Девушка плакала. Плакала с закрытыми глазами, опираясь голову на стенку буфета, и, если бы не следы, капающие с ресниц на щеки и мелко вздрагивающие плечи, можно было бы подумать, что она спит сидя.

Петр Панфилович стоял перед ней в недоумении: «Что ты там такое сморозила? Приволокли, как есть с картошкой... И что, милая, мне с тобой делать? Утешать? По какому случаю?»

Петра Панфиловича занимала не столько сама девушка, сколько вопрос, что с ней стряслось такое? «Хм. Так что же тебя так напугало?.. Позволь, но ты ведь, милая, сидела у иллюминатора», — сообразил Петр Панфилович.

— Эй! — покачал он девушку за плечо. — Ниночка, прошло?

Девушка заплакала еще сильнее, Петр Панфилович смекнул: «Инна, боже мой!»

— Инночка, — нагнулся он к ней, продолжая осторожно тереть ее за плечо. — Чего ты кричишь? Может, я помогу, а? А может, что в иллюминаторе увидела? Ну, что ты там такое увидела?

Он был близок к разгадке, но ему помешала Людмила. Вошла, задернула за собой штору и спросила, живну на девушку:

— Ну и как? Жива?

— Жива! — откликнулся Петр Панфилович. — Говорить вот не хочет.

— Это и хорошо, что молчит. А вы что хотели узнать от нее?

— Да так, пустяки, — махнул рукой Петр Панфилович, уловив в голосе, и во взгляде бортпроводницы настороженность.

— Сейчас мы ей дадим успокаивающее, — сказала Людмила.

Открыла свою сумочку, порылась, нашла снотворное — в хабаровский рейс она всегда брала с собой снотворное, иначе из-за пятичасовой разницы во времени там не уснешь.

— Да, — вспомнила она. — У вас, товарищ Веселый, нет случайно с собой жаропонижающего? Мальчик в первом салоне температурит.

— Ну! — расплылся в широкой улыбке Петр Панфилович. — Я такого с собой не вожу. А вот жаропонижающее — это пожалуйста. Могу угостить.

— Спасибо, — отрезала Людмила. — Вот вернетесь в свою Читку, там и употребляйте жаропонижающее... А ну, товарищ «заяц», помогите!

Петр Панфилович с готовностью нагнулся, он уже знал, что надо делать — надавить большим пальцем на подбородок девушки. Людмила ловко забросила ей в рот таблетку, дала запить и... Петр Панфилович невольно отшатнулся: в упор на него глядели черные и пустые глаза. И такой в их черной глубине был ужас!..

— Садитесь, — указала Людмила Веселому на контейнер с грязной посудой. — Сейчас я вас накормлю вторым ужином. Вы заслужили. Садитесь.

Но Петр Панфилович продолжал стоять, оглядываясь по сторонам: «Тюрьма... Ни одного иллюминатора. Вот почему тебя, милая, затащили на кухню — здесь нет ни одного иллюминатора!»

Вернулась Таня.

— Ну? — спросила ее Людмила. — В порядке?

— Все привязались. Но кто спал — я не будила. Правильно?

— Правильно, — ответила Людмила. — Иди по-мой вилку и нож, покормим нашего помощника.

— А! — рассмеялась Таня. — Почему, думаю, вы его не отправите в кресло? На него приказ командира не распространяется?

— Распространяется! — сообразил Петр Панфилович. — Мое место — шесть «д»!

Людмила резко поднялась и загородила ему выход в салон.

— Куда же вы? Собирались вместе со мной в читинском ресторане...

— Ага, — расплылся в улыбке Петр Панфилович, однако и сам почувствовал, что улыбка вышла жалкой; всюду, куда он ни смотрел, перед ним были черные и стеклянные, как иллюминаторы, глаза девушки: «Что она такое увидела? Наверняка что-то увидела...»

Петр Панфилович, когда надо, мог проявить дьявольскую изобретательность.

— Ой! — вскрикнул Петр Панфилович, «на глазах» бледнея и даже зеленея. — Увидел курицу и... Ой! — зажал он рот рукой, и Людмила тотчас поняла:

— Потерпите, достану!

Она кинулась к буфету, выдвинула один ящик, второй... Когда она повернулась к Веселому с гигиеническим пакетом, того уже и след простыл.

Людмила раздвинула шторы: Веселый был «вне досягаемости» — открывал дверь в хвостовом туалете.

— Чтоб тебя! — швырнула Людмила пакет на столик буфета. — Лови теперь этого «зайца»!

В туалете Петр Панфилович не пробыл и минуты: А когда возвращался, осторожно, стараясь не разбудить пассажиров, выглянул в иллюминатор. Он увидел серебристое, освещенное лунной, левое крыло самолета, размытый, но тем не менее хорошо различимый круг от винта крайнего двигателя... «Что же там ее ошарашило?..» Петр Панфилович подался к иллюминатору еще немного, его беспокойный и нетерпеливый взгляд скользнул ко второму мотору, ближнему, и Петр Панфилович на мгновение оцепенел: на фоне белых, ярко подсвеченных облаков, чернели лопасти неподвижного пропеллера... «Вот оно что!»

Чувствуя слабость во всем теле и не помня, как добрался, он рухнул в свое кресло и закрыл глаза: перед его мысленным взором тотчас возникли лопасти, похожие на рога. Два черных рога...

«Вот что было у нее в глазах», — понял Петр Панфилович и тотчас услышал ее крик — теперь он знал, что она кричала: «Падаем!»

Но тут он встряхнулся: «Что ты лазаря запел, Веселый? У него же четыре мотора! Ну, подумай, отказал один... Позвольте, граждане: но ведь эта истеричка сидела не у левого, а у правого борта! У нее ведь тоже место «д»!

Он прикрыл глаза и боялся поверить в свою догадку, но еще больше боялся ее проверить. Поэтому осторожно повернулся к иллюминатору, уткнулся лбом в холодное стекло, так же осторожно, словно боясь спугнуть что-то, открыл глаза и... отшатнулся: над правым крылом торчали точно такие же черные рога.

— Что с вами? — услышал он над собой голос.

— Там, — шепотом сказал он Людмиле, указывая пальцем на иллюминатор. — И там, — на этот раз левой рукой, указал он на левый борт.

— Что? — не поняла Людмила.

— Не притворяйтесь, — быстрым шепотом сказал Петр Панфилович. — Вы все знаете. Не будите людей. Во сне... Так легче.

— Что вы там шепчете? — рассердилась Людмила, догадываясь. — Вам плохо?

— Ага... Ик! — против воли икнул Петр Панфилович. — Я знаете... Выпить бы.

— Сейчас принесу, — сказала Людмила. — Только не будите пассажиров.

— Нет, нет! — остановил ее Веселый. — У меня там чемоданчик... Сзади, в багажнике. Серенький такой, импортный. Там у меня все есть, ехал вот на крестины, а попал на...

— Но в самолете пить запрещено.

— Да? А летать... с рогами... как?

01 час. 22 мин.

Пилотская самолета № 75410

В час двадцать две Геннадий Осипович доложил тюменскому диспетчеру о прохождении траверса — это был последний момент, когда самолет еще можно было повернуть на Тюмень. До тюменского аэродрома отсюда было около шестидесяти километров, до Свердловска — больше трехсот.

Геннадий Осипович не знал, слышал ли командир его доклад тюменскому диспетчеру, поэтому переключился на переговорное устройство и повторил:

— Командир, проходим траверс Тюмени.

Он нарочно сказал — «проходим», а не «прошли», подчеркнув этим, что есть еще возможность развернуться на Тюмень.

— Понял, — ответил командир. — Веди на Свердловск.

— Есть, — лаконично ответил Геннадий Осипович. — Мне нужен локатор и радиокompас.

— Потерпи! — отрезал командир.

Таким тоном Селезнев с ним не разговаривал никогда.

Но Витковский не обиделся на Селезнева: обстановка была такой, что в самый раз волком выть. Самолет медленно и неуклонно терял высоту, и это было самым верным признаком, что машина обледеневает. Фюзеляж покрывался корочкой льда. Лишние полтонны полетного веса не на четыре, а на два двигателя.

Но самым страшным была даже не потеря высоты. Страшное было в другом: обледеневали рули высоты и элероны — самолет в управлении стал заметно тяжелее. А они с Сударевым не выпускали штурвалы: уже около трех часов. Три часа изматывающего, напряженного труда.

— Никита! — крикнул командир. — Штурману нужны компаса!

Никита чуть повернул голову, посмотрел на командира долгим взглядом... «Какие к черту компаса, когда на винтах лед? — казалась, говорил его взгляд. — Пусть ведут диспетчеры...»

— Выключи! — приказал командир. — Пусть ориентируется...

И еще одно обстоятельство осложняло и без того тяжелый полет: лед на стеклах пилотской кабины. Мощность у противообледенителей стекол была чепуховой, однако так уж была разведена электросхема на этой модели «Б», что работали они только «в паре» с противообледенителями винтов и коков...

И Селезнев поторавливал штурмана:

— Давай, давай, Осипыч, стекла мерзнут. Дави

на диспетчеров — пусть тебе дадут все данные по курсу!

И Геннадий Осипович в этих условиях делал почти невозможное: прогрев локатор и компасы, он с предельной быстротой и с фотографической точностью фиксировал в памяти их показания, отключал и затем, молниеносно приброев, корректировал курс: «Сносит! Еще добавь три градуса!»

Конечно, диспетчеры (а их самолет по трассе вели сейчас сразу трое — тобольский, тюменский и, возможно, уже свердловский) сбиться им с трассы не дадут, но отклонение от трассы диспетчер, даже очень опытный, может заметить только тогда, когда самолет уйдет в сторону на несколько километров, а что такое ошибка в два-три километра при «слепом» заходе на полосу? Пробьет самолет облака у самой земли, а у него по курсу вместо посадочной полосы — горы. Или — город. Вот почему Геннадий Осипович, отлично понимая, как опасно заморозить стекла кабины, все же вновь и вновь, хоть на пять минут, но просил дать питание на локатор и радиокompасы.

А Свердловск и Москва сразу по двум рациям требовали одно и то же: «Сообщите, как протекает полет». Командир, сопровождая ответ труднопередаваемыми «антиэфирными» комментариями, рычал: «Нормально!», Невьянцев деликатно корректировал ответы. Но кого на земле могли ввести в заблуждение быстрые доклады экипажа, когда «соседи», имевшие специальную аппаратуру для определения высоты полета, бесстрастно сообщали на КДП Тюменского порта, что самолет идет со снижением.

Да, самолет снижался. И теперь весь вопрос состоял в том, что случится раньше: доберутся ли они до аэродрома или у перегруженных сверх меры двигателей удержат машину в воздухе не хватит мощности? Третьего не дано.

— Командир, — опять переключился на внутреннюю связь Геннадий Осипович. — Я сделал расчеты: сядем в два двадцать пять. Скорость упала. Это значит, что снижаться мы можем не более полутора метров в секунду. Полтора метра, командир! Не больше!

— Понял, Осипыч, полтора метра. На каком приборе ты уловишь эти полтора метра?

— Я пускаю секундомер, буду следить по своим приборам.

На самолете самые точные навигационные приборы — у штурмана.

— Давай, действуй!

Разумеется, уловить снижение в полтора метра в секунду не под силу было даже ему, штурману. Поэтому Геннадий Осипович пустил самолетные часы и рассчитал время снижения за минуту: девяносто метров. А девяносто метров он по приборам засечь уже мог.

01 час. 25 мин.

Салон самолета № 75410

Приказ приготовить к выбросу аварийные трапы Людмила от командира получила за час до посадки. «Подготовь, мать, тихо, без паники. Ясно?»

Аварийных трапов на «ИЛ-18» два — у каждой двери, и представляют они собой огромные надувные мешки, наподобие туристских матрацев. Оба трапа в брезентовых зашнурованных чехлах и хра-

нятся на этом самолете, модели «Б», в гардеробах — возле кухни и в хвостовом отделении; напротив того самого дивана, где сейчас сидел паренек из Иркутска.

«Но зачем нужны аварийные трапы?» — Людмила, поколебавшись — отругает ведь! — все же вынула телефонную трубку из гнезда и нажала кнопку:

— Командир, может, без трапов обойдемся? Что и должна говорить пассажирам?

— А ты, мать, ничего не говори. В Кольцово на полосе лед. Уловила?

— Как будто мы не садились никогда в гололед.

Командир ничего не ответил, и Людмила покачала, что ему не до нее. «Придется вытаскивать», — решила она. — Ну, в заднем отделении — ладно, мальчик поморгает и промолчит. А если спросит, можно не ответить. А как быть с первым салоном? Эта психопатка там взвинтила обстановку... А трап вытаскивать к ногам пассажиров четвертого «а» и «б». Кто хоть там сидит?»

Вышла в салон, прошла по проходу, просматривая, все ли пристегнуты. В четвертых «а» и «б» сидела пожилая пара, судя по всему, — муж и жена. И оба не спали.

Не спала, к ее удивлению, и «эта психопатка». Моряк ей уступил свое, среднее место, а сам пересел к иллюминатору.

Людмила нагнулась к майору, продолжавшему сидеть все в той же напряженно-выжидательной позе уже второй час.

— Можно вас побеспокоить?

— Да, — ответил майор, окинув ее быстрым взглядом.

— У нас ожидается трудная посадка... — Людмила запнулась, поймала себя на мысли, что не имеет права говорить о посадке никому, даже этому

майору-летчику: ведь он в конце концов тоже пассажир.

Майор спросил просто:

— Вам нужна моя помощь?

— Да, — улыбнулась Людмила — она была благодарна ему в этот момент: избавил от объяснений! — Нам нужно перетащить два... ранца. — Очень уж ей не хотелось произносить — «аварийные трапы»...

02 час. 00 мин.

Свердловск, командно-диспетчерский пункт Кольцово

Аэропорт Кольцово окончательно прекратил прием самолетов в час десять, и тотчас в Москву по магистральному телефону была отправлена телеграмма, а еще через минуту — две на электронной карте в ЦДС под надписью «Свердловск» вспыхнул красный индикатор с цифрой «2»: порт закрыт из-за низкой облачности. Поэтому, когда в два ноль-ноль самолет № 75410 над Артемовским был передан из Тюменского РДП в Свердловский, а синоптики подтвердили, что нижняя кромка облачности — шестьдесят метров, то есть как раз на минимуме «А», перед руководителем полетов Крыловым встал невольный вопрос: как сажать машину «с завязанными глазами», образно выражаясь?

Крылов пересадил Виталия с «восточного» пульт на «западный», а сам сел на его место.

— Хотите посмотреть? — почему-то шепотом

спросил его Виталий, чуть отодвигаясь от тубуса экрана локатора. — Идет, но скорости маловато...

Крылов усмехнулся: определить на экране локатора, какая скорость даже у «ТУ-104», так же трудно, как заметить передвижение на циферблате часов минутной стрелки. Но все же он пригнул голову к тубусу и взгляделся в оранжевый экран: на его левом секторе одиноко мерцала зеленая точка.

Крылов повернул к себе микрофон и нажал кнопку:

— «75410», Кольцово.

Ответил, как Крылов угадал по голосу, штурман — Геннадий Осипович Витковский. И Крылов, неожиданно для самого себя, спросил не по инструкции:

— Геннадий, погоду у нас знаешь?.. Как намерен садиться?

— Командир считает, сядем нормально, — ответил Геннадий Осипович, тоже, очевидно, узнавший голос своего бывшего командира.

— Что у вас с топливом, Геннадий? Может, дотянете до Челябинска?

— Нет, Виктор, садиться будем в Кольцово. Керосина сейчас около трех тонн.

— Значит, только на посадку?

— Только на посадку и с первого захода.

— Локатор в порядке?

— На локатор надежды нет: командиру нужен обогрев стекол. Так что вся надежда на «землю».

— Ясно. Я переключу на тебя всю технику. Подвести-то мы тебя подведем, а как будете садиться?

— Сделай полосу посветлей.

— Это само собой. Включим освещение на максимум¹.

— Ты меня не понял. Вспомни: сорок пятый. Кенигсберг. Возвращались ночью. Подбили нас. Вспомнил?

— Понял. Включим прожекторы. На какой высоте прошли Артемовский?

— Две сто.

Крылов отодвинулся от микрофона, вытащил из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб.

— Что у вас было в сорок пятом? — услышал он над собой голос Иванковского.

Все начальство, пока он разговаривал со штурманом «75410-го», от стола руководителя полетов перешло к пульту «восточного» диспетчера: связь с самолетом шла по «громкой», значит, весь разговор слышали.

— Подбили нас зенитчики, — объяснил Крылов. — На честном слове дотянули до аэродрома, а там — низкая облачность, дождь.

— Как же вы сели?

— Осветили аэродром автомобилями. Завернули на поле какую-то автороту.

Ивановский внимательно посмотрел на Крылова, потом оглянулся на главного инженера управления.

— Сколько у нас прожекторов на полосе?

— Два.

— А заправщиков?

— Штук двадцать наберется... — не очень определенно ответил главный инженер.

Недоумение главного инженера в той или иной степени разделяли все: при любой аварийной посадке на поле оставляют только пожарные машины и «скорую помощь». Все, что может помешать посадке, — убирают. А тут — целая автоколонна!

Ивановский мельком глянул на главного инженера, встал, обогнул пульт и подошел к окну. Из окна был виден кусок аэродрома и цепочки огней вдоль взлетно-посадочной полосы. А еще дальше, за полосой, смутно угадывался силуэт радиолокатора. «Хоть бы луч какой пробил эту проклятую облачность!» А у них еще и дворники не работают — значит, на стеклах слой воды. Совсем вслепую придется сажать... Дождь как назло!

Начальник управления подошел к пульту.

— Где здесь ЦДА?

Виталий Витковский мгновенно нашел нужный тумблер, схватил телефонную трубку селектора и протянул Ивановскому.

— ЦДА? — спросил начальник управления. — Ивановский. Почему не доложили о подготовке к приему аварийного самолета?

Выслушал и отрезал:

— Через пять минут чтоб полоса была готова! Я без вас знаю, что они могут сесть и со льдом. Могут, но не должны! И вот еще что: сколько у вас сейчас заправщиков на ходу?.. Так. Все, до единого, немедленно на летное поле, вдоль начала полосы, и прикажите шоферам включить фары на полную мощность. Приказ ясен? Да, вот еще что: не исключено, что самолет при посадке выкатится за «борт», поэтому автомашины расставьте так, чтобы не мешали. Ясно? Выполняйте!

02 час. 01 мин.

Москва. Центральная диспетчерская
Аэрофлота

Генеральный конструктор разрешил повторить полет на высоте восемьсот метров. Двигатель летчики «79610-го» запустили в час сорок восемь. Запустили с третьей попытки, меняя по рекомендациям главного конструктора режимы, и едва двигатель набрал номинальные обороты, как диспетчер порта Домодедово начал передавать указания по запуску в ЦДС.

Указания принимал Козырев, записывал, а Павлов тут же, по другому телефону передавал их в радиоцентр. Передача рекомендаций была закончена в час пятьдесят девять, а еще через минуту позвонил министр.

Министр: Товарищ Павлов? Мне только что доложили «соседи»... — министр сделал ударение на слове «доложили», отчего оно в сочетании с «соседями» приобрело язвительно-иронический оттенок, — что самолет идет со снижением до пяти метров в секунду. Идет или падает, товарищ Павлов?

Павлов: Я только что получил от командира корабля радиограмму: «Полет протекает нормально». Думаю, что они начали снижение перед заходом на...

Министр: Самолет, согласно наблюдениям «соседей», начал обледеневать, то есть падать... Падать, понимаете?.. В ноль сорок, а не перед заходом, как вам кажется.

Павлов: Пять минут назад командиру выданы рекомендации о запуске двигателя. Испытания...

¹ Огни подхода к полосе и на самой полосе имеют три степени яркости.

¹ Центральная диспетчерская аэропорта.

Министр: И вы уверены, что командир воспользуется вашими рекомендациями?

Павлов: Я считаю, что мы сделали все воз...

Министр: Это мы узнаем через двадцать три минуты. И не вам давать оценку своим действиям. Я выражаюсь ясно?

Павлов: Ясно, товарищ министр.

Услышав отбойные гудки, Владимир Павлович положил трубку на аппарат и повернулся к Козыреву. Его мало волновало — слышал ли тот разнос министра. И все же настолько несправедлив был этот разнос, даже под горячую руку, даже в такую горячую минуту, что к Козыреву он повернулся если не за сочувствием, то во всяком случае — за поддержкой.

— Александр Иванович, ты ведь летчик? Что бы ты стал делать на месте командира корабля аварийного? Неужели бы не стал запускать третий двигатель?

— Да, — ответил Козырев без колебаний.

02 час. 10 мин.

Салон самолета № 75410

Обход второго салона не дал ничего — спрашивать аспирин было не у кого. Майор Камышин не верил своим глазам: все семьдесят пассажиров спали! Что это — полное неведение, что творится с самолетом и что их ждет при посадке, или такое невероятное пренебрежение к опасности? Впрочем, один пассажир не спал. В первом ряду салона майор заметил перебежчика — читинского «зайца». Устроился «заяц» не так уж плохо: откинув со стенки детскую кроватку, он превратил ее в столик — две бутылки коньяка, пакет с яблоками...

— Пойдемте, — сказала Людмила, трогая майора за рукав и только теперь сообразив, что она не столько ищет лекарство для больного ребенка, сколько повторяет обход самолета — точно так же, как три часа назад с Невьянцевым. С той лишь разницей, что теперь она шла с майором.

Разбудить пассажиров все равно придется, так как, судя по всему, самолет уже идет на посадку. Командир лишь оттягивает момент, когда придется всем объяснить, что они должны делать, если посадка окажется неудачной. А в том, что посадка будет тяжелой, она не сомневалась: стал бы тогда Селезнев заставлять ее готовить трапы? «А может, не нужно предупреждать пассажиров сб аварийной посадке? Но как тогда справиться одной с эвакуацией? А Татьяна...» А Татьяна по-прежнему ни о чем не подозревала, и чем дальше, тем все меньше хотелось Людмиле посвящать ее в дела самолетные. «Вот, может, майор?...» — подумала она.

— Где вас так угораздило? Горели в воздухе?

— Горел, — ответил Камышин.

«Да, кажется, не ошиблась: Татьяну он, во всяком случае, заменить сможет», — поняла Людмила и крепко сжала локоть майора.

— И орден дали за это? — спросила она.

— Почти за это. Десантники успели выпрыгнуть.

— Сколько?

— Добрый взвод.

— Могли бы дать орден и побольше.

— Спасибо и на этом.

Они дошли до конца салона и повернули назад — все спали.

— Поразительное дело, — сказал майор.

— Что поразительно? — насторожилась Людмила.

— Да так... Бравые ребята.

— Это не десантники, — неожиданно зло обрвала майора Людмила.

— Я понимаю, — стушевался майор. — И все же, подготовиться к посадке надо бы.

— Успеют. А коль у вас есть опыт, поможете неопытным. Вам, видимо, придется подежурить у передней двери...

— Гм...

— С аварийным трапом, надеюсь, вы обращаться умеете, и что делать при эвакуации — знаете...

— Гм...

— Это что — новое словечко в уставе ВВС?

— Извините. Слушаюсь.

Они вернулись в кухню.

Людмила позвонила Селезневу.

— Командир, когда ожидается посадка? Через пятнадцать?.. Надо будить?.. Ясно!

Вложила трубку в гнездо, взяла микрофон и произвела переключение на абонентском щитке.

— Товарищи пассажиры, через пятнадцать минут наш самолет произведет посадку в порту Кольцово. Прошу всех пристегнуться, не курить и с мест не вставать. Температура воздуха в Кольцово — минус три. Идет мелкий дождь. — Решила, что о гололеде говорить не надо, и сделала второе объявление: — Товарищи пассажиры! На борту самолета находится больной мальчик. Срочно нужен аспирин или норсульфазол. У кого есть — нажмите, пожалуйста, над собой кнопку вызова бортпроводника. Повторяю...

Кнопка вызова загорелась в первом салоне.

— Татьяна, — сказала Людмила. — Проверь, пожалуйста, в первом салоне у всех привязаны ремни, чтоб пассажиры в них не болтались, посадка будет тяжелой. И выясни, кто вызывал. Боюсь, что это не из-за лекарства...

Кнопка горела над первым рядом — Людмила не ошиблась. К первому ряду подошли Татьяна и майор.

— Опять она... — обернулась на ходу Таня к майору, и тот понимающе кивнул: «Все ясно. Меры приму».

Действительно, кнопку вызова нажал моряк по просьбе девушки.

— Там, — сказала девушка, растягивая слова. Там аспирин...

Моряк ткнул пальцем вверх, на багажную сетку. Там лежала коричневая сумочка. Таня достала и подала сумочку девушке. Та вяло, словно плохо заведенная кукла, отрицательно покачала головой, и Таня поняла, что в сумочке ей надо рыться самой.

В сумочке оказалась целая аптечка.

02 час. 21 мин.

Свердловск, командно-диспетчерский пункт Кольцово

В два восемь Виталий передал самолет отца диспетчеру подхода, и Крылов, все поняв, сказал:

— Принял!

— Сдал! — выкрикнул Виталий и, не обращая

внимания на начальство, продолжавшее тесниться вокруг пульта «восточного» диспетчера, кинулся из зала.

На «вышке» было темно, и Виталий не сразу разглядел молчаливую фигуру Баранова — диспетчера «круга»¹, стоявшего у стеклянной стены «вышки». Вообще-то место у Баранова за пультом, у экрана локатора, но, очевидно, на круге сейчас не было ни одного самолета, и Баранов наблюдал за приготовлениями на посадочной полосе.

— Виталий? Отпущен?

— Отпущен, — откликнулся Виталий, осторожно, чтобы не задеть в темноте за пульт или стул, продвигаясь к Баранову и уже подойдя почти вплотную, заметил, что тот не один: рядом с ним стоял второй хозяин «вышки» — диспетчер посадки.

— Отец летит? — тихо, как бы между прочим, спросил Баранов.

— Отец, — подтвердил Виталий и прижался лбом к прохладному стеклу.

Отсюда, с «вышки», хорошо просматривался аэродром со всеми стоянками, рулежными дорожками и ярко освещенной полосой. Никогда еще Виталий не видел столько света на полосе: десятки прожекторов — аэродромных и автомобильных — прорубили в темной мглостой апрельской ночи священный коридор, и не сразу Виталий заметил длинные и громоздкие заправщики, выстроившиеся на поле чуть в стороне от полосы.

— Это они хорошо придумали с заправщиками, — сказал Баранов.

— Не ослепли бы, — тихо отозвался диспетчер посадки.

— По курсу светят. Главное, чтобы заметили полосу сквозь облака...

Диспетчер посадки глянул на светящийся циферблат часов и сказал Баранову:

— Принимай, сейчас передаст тебе.

Баранов неторопливо повернулся, обогнул пульт, придвинул стул и сел.

А Виталий, прижимаясь лбом к прохладному стеклу, скользил взглядом по ярко светящейся полосе дальше, в конец, пока не увидел на третьей рулежной дорожке две длинные, похожие на заправщиков машины, и рядом — едва различимую сквозь морось — белую «скорую помощь».

— «Круг», — услышал он сзади себя голос диспетчера подхода, искаженный усилителем. — Прими «75410», высота тысяча сто. Посадка по-аварийному.

— «75410» принял, — ответил Баранов и сразу вызвал самолет:

— «75410», Кольцово, «круг», доложите курс.

Самолет ответил немедленно, но ответил не отец, а командир:

— Кольцово, «круг», «75410», иду курсом двести шестьдесят.

Командир, как и диспетчеры, говорил спокойным, будничным тоном, да и шли они почти посадочным курсом, а значит, должны выйти на полосу точно, и, если бы не предупреждение, что самолету предстоит посадка по-аварийному, да если бы не пожарные и «скорая», можно было бы подумать, что иллюминация, которую устроил на полосе начальник управления, — в честь прилета какого-то высокого зарубежного гостя...

Виталий увидел, как от здания командно-диспетчерского пункта отъехала желтая со щитом на русском и английском языках — «Следуйте за мной!» —

машина руководителя полетов порта, увидел, что машина направилась к третьей рулежной дорожке, туда, где темнели пожарные и «скорая», и бросился вон, не в силах больше выдерживать вида этой нарядной, так ярко и празднично расцвеченной посадочной полосы...

Он заскочил «под колпак». Тут же, на «вышке», часть объема зала была выгорожена тяжелым темным материалом — «колпак», под которым сидел диспетчер посадки. У него был особый, пишущий экран локатора, на котором белой линией была изображена глиссада — идеальная кривая посадки. Сзади и над головой диспетчера был укреплен специальный фотоаппарат, нацеленный на экран. Фотоаппарат снимал с большой выдержкой весь процесс посадки, и на пленке оставались две кривые: глиссада теоретическая и та, которую сумели выдержать пилоты. И еще на пленке отпечатывалось наборное плато: дата, время посадки и номер самолета. Набором этих цифр и занимался сейчас диспетчер: «75410» — 3 апреля — 02 ч. 25 мин.».

— Не вышел? — спросил Виталий диспетчера.

Диспетчер глянул на экран и указал на дрожащую у самого края точку. Потом прислушался и сказал:

— Идет.

И в то же мгновение Виталий и сам услышал: идет.

02 час. 24 мин.

Пилотская самолета № 75410

Получив от Невьянцева листок с рекомендациями по запуску двигателя в воздухе, Селезнев выругался: «Что они там — белены объелись? Холодный ведь движок!» Однако дойдя до последнего пункта — «Запуск отработан в испытательном полете 3.04, в 01—48 в зоне Домодедово», задумался: «Ишь ты, выходит, они там, в Москве, времени зря не теряли — даже испытателей на ноги подняли... Но что тогда делать нам?»

Ему не надо было объяснять, почему запуск рекомендован на высоте восемьсот метров: если вдруг двигатель не запустится, а винт будет в режиме авторотации... «Что такое сорок километров запаса? — размышлял Селезнев. — Пискнуть не успеешь, как посыплешься вниз и будешь сыпаться, согласно инструкции, шестьсот метров. Так что, почему восемьсот — ясно, хоть двести останется в случае чего. Но какая это высота — двести метров?»

И не надо было ему объяснять, почему нельзя запускать двигатель на большей высоте: холодно.

— Осипыч, — нажал он на штурвале кнопку переговорного устройства. — Сколько за бортом?

— Минус двадцать два.

— Ясно.

Они в это время подходили к Артемовскому, и высота у них была две триста. «Две триста и минус двадцать два...» Конечно, он знал, что инструкция разрешает запускать двигатель в воздухе при температуре масла не ниже минус пяти... «Но ведь и там, в Домодедово, надо полагать, испытывали запуск

¹ Самолет перед посадкой, как правило, делает над районом порта «круг».

¹ Приборная скорость для «ИЛ-18» при двух работающих двигателях равна 320 километрам в час, а критическая, то есть срыва в пике, — 280. Таким образом, разница между ними 40 километров в час.

не при минус пяти, а ниже, иначе какого черта было им испытывать?»

— Осипыч! Когда будем на высоте восемьсот метров? То есть меня интересует, сколько времени от этой высоты до посадки?

Геннадий Осипович подсчитал и сообщил:

— Шесть минут сорок секунд.

— Кхм... — прокашлялся Селезнев. — Семь минут... Сгоришь к чертовой матери за эти семь минут без огнетушителей...

Однако кто за него мог оценить, где больший риск: терять высоту из-за обледенения с угрозой «сесть» (сесть, разумеется, в кавычках) где-то между Артемовским и Свердловском или же запустить двигатель с угрозой в третий раз вызвать на самолете пожар? «Поздно, — решил он. — Спасибо вам, испытатели, но мы уже доберемся как-нибудь на двух».

— Прошли Артемовский, — доложил Геннадий Осипович. — Кольцово к посадке готово.

— Кольцово-то готово... — пробурчал командир. Переключил на абонентском щитке рычажок и сказал: — Что у тебя, мать? Пассажиры как? Не паникуют? «Заяц»? Чуть тепленький, говоришь? Ладно, лишь бы не орал... Трапы приготовила? Совсем хорошо, мать. Идем на посадку, марш с «третьим номером» на диван! Пристегнуться!

Переключил рычажок на внутреннюю связь, внутри кабины, и сказал тем же ворчливым тоном:

— Ну что, Осипыч? Куда выведешь? Не забыл, что второго захода нам не положено?

— Мне нужен локатор и радиоконпас, — сказал Витковский.

— А у меня стекла замерзают! — чуть повысил голос командир. — Или, ты думаешь, я кошка? Как я буду сажать самолет?

Витковский отмолчался. Да и что он мог ска-

зать? Вслепую самолет не посадишь... Но и на «привод»¹ вслепую самолет не выведешь!

Сразу после Артемовского полагается снижение. И хотя они уже давно снизились, командир отдал приказ: «Снижение!» Эта команда автоматически влекла за собой переключку готовности экипажа.

Переключка начинается с подтверждения, что пилоты и штурман ознакомлены со схемой захода на посадочную полосу. И хотя они подходили к родному аэродрому, ритуал был соблюден неукоснительно. А Селезнев, принимая доклады экипажа, вслушивался не столько в смысл слов, сколько в интонации.

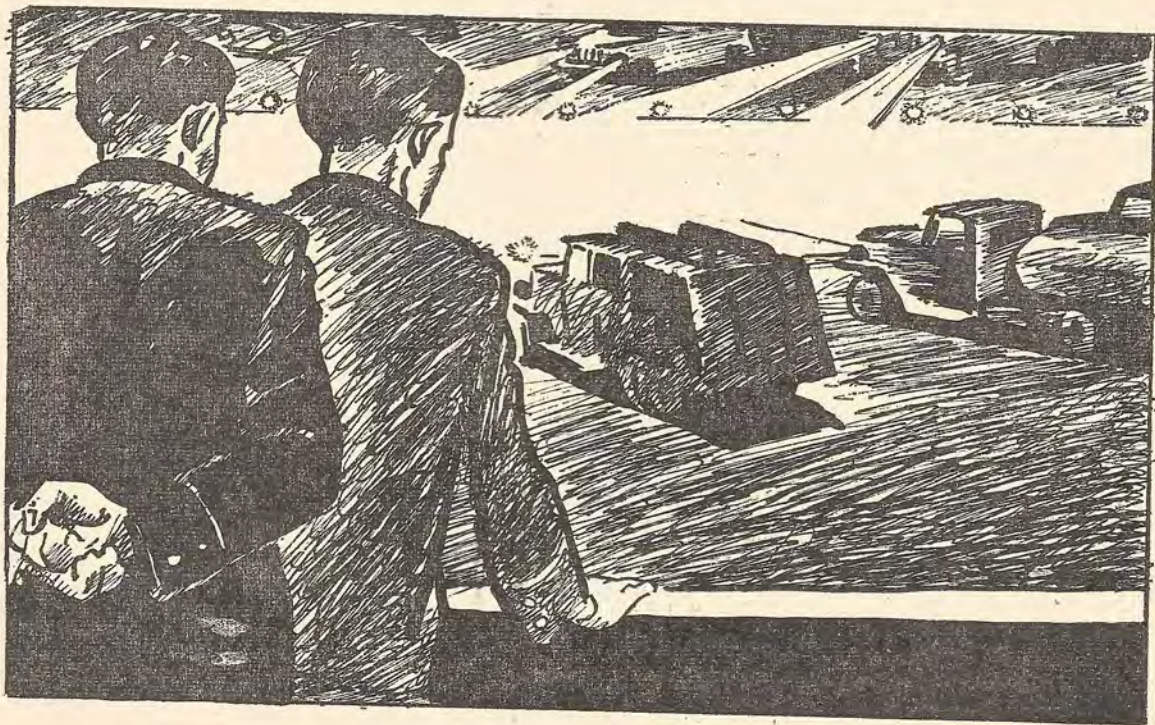
— Проверка закончена! — доложил бортрадист.

«Невьяныч... Ну, твоя роль, Невьяныч, при посадке, как говорится, балалаечная. Ты свое дело сделал, и молодцом, надо сказать, сделал: по всем четырем рациям связь держал. И в тебя, Невьяныч, я верю как ни в кого другого, разве только в Осипыча больше...»

— Никита! — крикнул командир. — Дай Осипычу питание на компаса! Две минуты хватит?

«Две минуты... Эти две минуты радиоаппаратура будет только прогреваться. А потом надо настроить радиоконпасы, засечь показания, внести поправку в курс... И самое главное — успеть локатором обшарить землю. За что зацепиться?» Геннадий Осипович закрыл глаза и мысленно представил пейзаж — таким, каким он видел в этой точке, возвращаясь с востока: крутой изгиб речки Реж, расходящееся горло Рефтинского водохранилища... Сотни раз пролетал над этим местом — только бы не ошиблись диспетчеры!

¹ Имеется в виду радиостанция, подводящая самолет к аэродрому.

Щелчок переключателем в положение «обзор — земля», и на экране локатора вспыхнула знакомая картинка... Не совсем знакомая, чуть северней Рефта...

— Есть! — крикнул Геннадий Осипович, одновременно взглядом засекая показания стрелок радиокмассов.

В ту же секунду Никита с Невьянцевым электроэнергию с локатора переключили на обогрев стекол.

Теперь предстояло самое трудное: высчитать. Нет, тут ничего не высчитаешь и не определишь. Тут можно только угадать. И угадать поправку нужно было с точностью до градуса. Никакая электронно-счетная машина не в состоянии справиться с задачей, которую в иные — критические — минуты способен выполнять мозг человека...

— Двести шестьдесят два! — крикнул Геннадий Осипович, и это была последняя команда в этом последнем для него полете.

— Проверка! — крикнул бортрадист. — Шасси!

— Давай, тяни! — приказал командир.

Никита, расстегнув ремни, перегнулся и, ухватив двумя руками длинную красную рукоятку, уложенную на полу, потянул на себя. Самолет вздрогнул, где-то внизу, в его металлическом чреве, лягнули фиксаторы, нос тотчас клюнул, и на щите второго пилота красные окошки «шасси» сменились на зеленые.

— Выпущено! — крикнул Никита. — По-аварийному!

— Выпущено! — подтвердил бортмеханик.

— Стояночный тормоз? — продолжал проверку, отщелкивая крышечки на таблице, Невьянцев.

— Какой тебе тормоз! — выругался командир. — Дальше!

— Гидросистема?

— Не работает! — крикнул Дима.

— Проверка закончена.

Теперь все. Теперь, когда выпущены шасси, отступления нет. Только посадка. Если не на полосу, то в поле... «Нет», — сообразил Селезнев, — теперь и в поле не сядешь: шасси убрать нечем, гидросистема не работает, а в поле посадка одна — на брюхо...»

— «75410», вы на глиссаде! — громко, на всю пилотскую разнесся голос диспетчера. — Возьмите чуть выше, если можете!

Одновременно или чуть позднее в кабине загремел длинный звонок — это сработал первый маркер¹.

— Прошли дальний привод! — крикнул Геннадий Осипович.

Еще одна проверка — на этот раз последняя: высотомеры? рули высоты? радиокмассы? На последний вопрос ответа не последовало — радиокмассы были отключены, и Невьянцев деликатно пробормотал: «Проверка закончена».

Впрочем, на эту, последнюю, проверку уже не было ни сил, ни времени, ни внимания: самолет шел на посадку. Самолет и по высотомеру, и по секундомеру уже должен был быть над ближним маркером...

— Полоса! — вдруг закричал Никита. — Вижу полосу!

Тусклую белую полосу заметили и командир и второй пилот. Но слишком уж невероятно... Не поверил Селезнев, что с этой высоты и с этого расстояния при нижней кромке облачности в шестьдесят метров можно увидеть полосу.

— Полоса! — еще раз крикнул Никита, и теперь командир поверил: так ярко сейчас на земле, ждавшей их приземления, могла светиться только посаженная полоса.

Он выровнял машину, и в то же мгновение коротко, словно захлебнувшись, звякнул ближний маркер, а внизу под машиной замелькали красные неоновые огни створа...

— Ближний привод! — крикнул Витковский.

«Значит, полоса...» — с облегчением подумал Селезнев, выравнивая самолет точно по светящейся полосе...

Он, пустив с помощью Димы аварийные тормоза и переведя в тормозной режим винты, остановил самолет чуть подалее третьей рулевой дорожки и тотчас крикнул: «Глуши!» Открыл форточку, вытащил из кармана пачку сигарет, зажигалку и жадно затынулся, вдыхая одновременно и ароматный дым, и свежий, колющий воздух из форточки. Потом увидел, как нос самолета огибает желтая машина руководителя полетов, расстегнул ремни и сказал бортмеханику:

— Выбрось лестницу — начальство прибыло.

Вышел из кабины на деревянных ногах, нашел в гардеробе свою шинель, шапку, застегнул пуговицы и шагнул к открытой двери: внизу, у желтого «газика», стояла группа людей.

— Пусти, Димка, начальство ждет.

Спустился на землю и по очереди, начиная с начальника управления, пожал протягиваемые руки.

— Все в порядке? — спросил кто-то.

— Как видите, — буркнул Селезнев в ответ не очень дружелюбно и отвернулся к аэровокзалу.

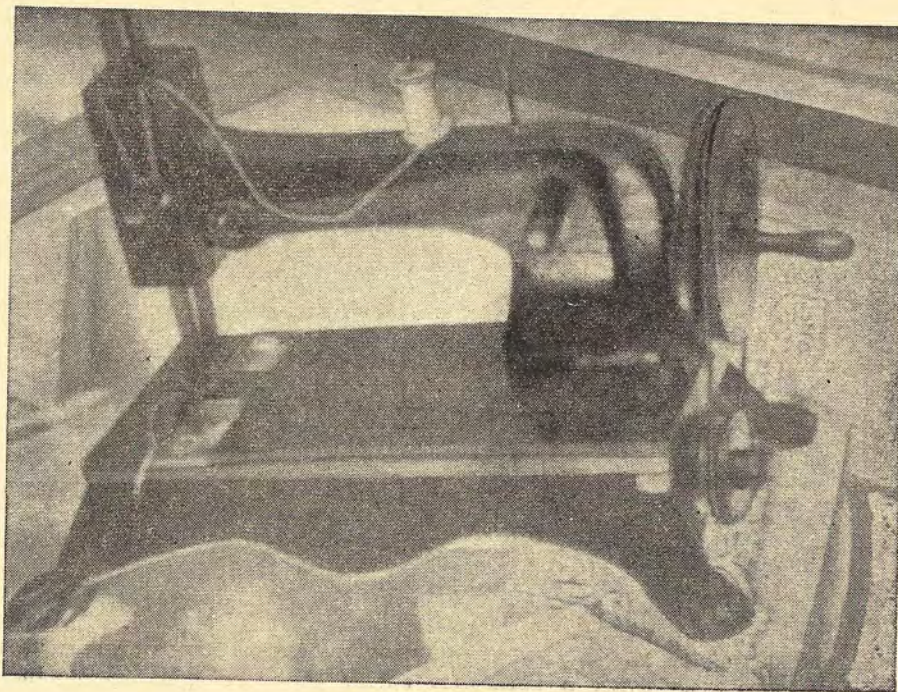
Но тут подбежала врач со «скорой».

— Есть пострадавшие?

— Есть, — ответил он, не отрываясь взглядом от аэровокзала. — Мальчик в первом салоне — заберите. Да, еще один, во втором салоне — без сознания. Веселый... Фамилия у него такая. Также заберите — отравление алкоголем.

И ушел к ярко и нарядно освещенному аэровокзалу — прямо по полю, по черной и вязкой, чуть прихваченной морозом земле.

¹ Радиомаяк (англ.). Радиостанция, регистрирующая точность захода самолета на полосу.

Деревянная швея

В музее истории Белохолуницкого машиностроительного завода (Кировская область) есть раздел «Изделия холуницких умельцев». В нем рассказывается о русском мастере-изобретателе В. С. Пятове, авторе новых методов прокатки стали, об известном металлурге, впоследствии академике Михаиле Александровиче Павлове, по проекту которого была построена домна, дававшая в свое время наивысшую производительность в горнозаводском Вятском округе, и о других мастерах.

Недавно в музее появился новый экспонат — деревянная швейная машина. История ее такова.

В 1895 году газета «Вятский край» писала:

«Давно уже приобрели всемирную известность карманные деревянные часы работы вятского мастера Бронникова. Теперь предстоит удивить мир только что доставленной на днях в кустарный музей швей-

ной деревянной машиной, сделанной самоучкой-кустарем, крестьянином деревни Городищенской, Федосеевской волости, Слободского уезда Иваном Афанасьевичем Баданиным.

Деревянная машина представляет копию с ручной швейной машины, где почти весь механизм сделан из дерева, но при этом машина, однако, прекрасно работает, делая ровный шов на толстом сукне, сложенном даже вдвое».

Узнав, что в нашем городе живет племянник этого мастера-самоучки — Иван Владимирович Баданин, я познакомился с ним и попросил его рассказать о своем дяде.

Иван Афанасьевич рано обучился столярному делу, считался умелым мастером. Както в деревню пришли бродячие портные со своей фабричной машиной. Когда они работали у Баданиных, Иван по ночам срисовывал машину, а потом сделал копию ее из дерева. Первая не получилась, а вторая оказалась удачной. После того, как о машине узнали в Вятке, Ивану Афанасьевичу предложили учиться. Была машина и на выставке в Перми, где за нее мастер получил премию 100 рублей. Позднее он работал на Обуховском заводе, преподавал в Казанской гимназии, был в Свердловске архитектором. Умер в конце 1930-х годов.

Иван Владимирович не только рассказал мне о своем дяде, но и... показал его машину. Ее реставрировал сын Ивана Владимировича, Николай, тоже мастер на все руки.

Николай МАРИХИН

сумасшедшие клетки

Рассказ о победах, поражениях
и надеждах в борьбе против рака

Виталий ТХОРЖЕВСКИЙ

Рисунки З. Баженовой

То, что люди иногда могут сходить с ума,— понятно. Но разве может сойти с ума клетка? Прежде, чем ответить на этот вопрос, давайте разберемся, что такое клетка и что составляет ее «ум».

Каждая клетка состоит из цитоплазмы, в которую заключено ядро, а в ядре находятся хромосомы, состоящие из нуклеиновой кислоты — ДНК. Вот эта удивительная кислота и составляет «ум» любой клетки. Кстати сказать, ученые считают теперь, что вся разумная деятельность человека, и прежде всего память, зависят от молекул ДНК. Эту гигантскую молекулу можно сравнить с магнитофонной лентой, на которой записан опыт прошедших поколений. Если наш алфавит состоит из 33 букв, то ДНК обходится всего четырьмя, по числу нуклеотидных оснований, входящих в ее состав. Их чередованием записана вся информация, которая необходима не только отдельной клетке, но всему организму и даже целому виду.

Помимо участков нуклеиновой кислоты, содержащих

упорядоченное чередование букв, в последнее время ученые обратили внимание на иуачтск дкн досрещжаеи ссымбеннелсйы сткет. Да, именно на такие участки. Исследователи считают, что резервная неопределенная ДНК при определенных условиях образует новую информацию. Подчеркнутый набор букв приобретает смысл и может быть прочитан как «участки ДНК, содержащие бессмысленный текст».

Но, пожалуй, чаще имеет место обратный процесс порчи уже готового сообщения. К чему могут привести подобные изменения, именуемые мутациями? Для этого стоит вспомнить, сколько курьезов случилось с неверно переданными телеграммами. Не так страшно, когда текст сообщения искажен до неузнаваемости. Такие бракованные сообщения никак не воспринимаются получателем. Хуже бывает, когда в результате путаницы возникает новый непредусмотренный текст. В этом случае телеграмма «Встречайте Громов» превращается «Встречайте гробом».

Какое отношение имеет телеграфная путаница к рассказу о раковых заболеваниях? Большинство современных онкологов — специалистов, изучающих злокачественные новообразования, — считает, что причина опухолевого перерождения клеток заключена в мутациях — путанице букв в наследственном веществе клетки. Причем, наибольшую опасность представляют не вконец перевернутые тексты, а слегка «подправленные». Ученым до сих пор не известны белки, которые бы собирались на сильно изуродованных матрицах ДНК. Если предположить, что такие белки образуются, то они настолько отличаются от обычных, что в организме на них формируются защитные частички-антитела, которые быстро расправляются с белковыми уродцами. Иное дело, когда обрасуется белок, очень похожий на обычный. В этом случае антитела, защищающие организм, вполне могут просмотреть его, подобно тому, как многие, по-видимому, не заметили, что в предыдущей фразе в слове «образу-

ется» буква «з» заменена на «с».

Подумаешь: в слове изменена всего одна буква? Но, оказывается, замена даже одной буквы в молекуле ДНК приводит к тому, что в белок включается уже не та аминокислота — кирпичик, из которых построен белок. Замена даже одной молекулы на другую в активном центре фермента снижает, например, его активность в тысячи раз. Вот результат маленькой ошибки! При их накоплении одни ферменты совсем не синтезируются в клетке, зато другие буквально наводняют организм. Третьи ферменты поступают в обычных количествах, но совсем лишены прежней активности. Одним словом, в организме мало-помалу начинаются разброд и анархия.

На первых порах регуляторные механизмы еще справляются с наступившим разбродом, но когда одичавшие клетки сжимают, наконец, нервы и появляются боли, человек обращается к врачу, и часто у него обнаруживают разросшуюся опухоль.

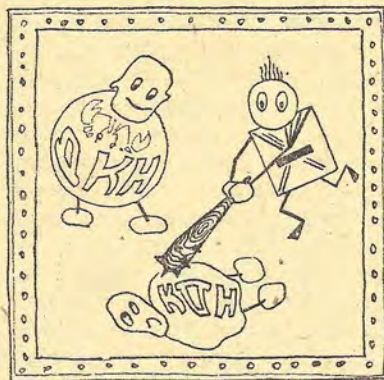
Сумасшедшие люди, как в свое время справедливо заметил Норберт Винер, отличаются от нормальных отсутствием обратной связи. Образуется система, замкнутая на себя. Все корректирующие замечания ближних, к которым мы обычно чутко прислушиваемся в жизни, игнорируются больными, и они существуют в своем обособленном мире, который все больше и больше отдаляется от действительности. Точно так же и раковые клетки выходят из-под контроля организма. Они отказываются выполнять порученные им обязанности, все их интересы сосредоточиваются на бесконтрольном размножении. И до сих пор еще не найдено способов образумить такие клетки.

Кто же сводит клетки с

ума? Да, именно кто, а не что? В последние годы среди множества теорий, объясняющих развитие раковых заболеваний, все большее значение приобретает гипотеза о вирусном происхождении злокачественных новообразований. Причем речь идет, конечно, не о хорошо известных нам вирусах гриппа или кори, а об особой группе так называемых онкогенных вирусов, т. е. опухолеродных. В отличие от других молекулярных паразитов онковирусы обладают завидной выдержкой и десятками лет могут сидеть в ядре клетки, ничем не выдавая своего присутствия.

Для того чтобы раздражить онкогенный вирус и заставить его действовать, в экспериментах на животных прибегают к провоцирующим методам — облучению рентгеновскими или ультрафиолетовыми лучами, механическим травмам, введению канцерогенных-ракогонных химических веществ и т. п. После такой провокации вирус срабатывает подобно адской машинке с часовым механизмом. В результате мутаций, вызванных вирусом, происходят по крайней мере два изменения в поведении клетки, характерных для всех без исключения злокачественных опухолей:

1) начинается неограниченный синтез наследственного вещества клетки — ДНК;

2) нарушается контактное торможение.

Что это такое? Для того чтобы из одной клетки получились две новые, необходимо, чтобы у их предшественницы было двойное содержание ДНК. Только в этом случае каждая из новорожденных получит полную информацию о своем дальнейшем житье-бытье. Обычно в нормальном организме процент удвоения ДНК строго контролируется потребностями в новых клетках. В молодом растущем организме ДНК удваивается быстрее, во взрослом — медленнее. Почему клетки знают, нужно делиться или нет? Этот вопрос решается путем контактов с соседними клетками. Если клеточка чувствует, что со всех сторон ее наружная оболочка касается соседей, то удвоения ДНК в ней не происходит, и клетка остается бездетной. Но если она ощущает с какой-либо стороны пустоту, то это «ничто» является условным сигналом для образования дополнительной ДНК и последующим митозом — делением.

Если, к примеру, вы поранили ножом палец и при этом погиб ряд клеток, то их неповрежденные соседки начнут быстро делиться до тех пор, пока не заполнят образовавшуюся брешь. На месте пореза вскоре образуется едва заметный рубчик. Точно так же любой внутренний орган нашего тела восстанавливает себя после болезней и просто так, в процессе естественного отмирания старых клеток.

Этот нормальный процесс размножения клеток совершенно искажается при возникновении ракового процесса. Пораженные вирусом клетки теряют чувство товарищеского локтя и становятся неуправляемыми. Они синтезируют ДНК практически в неограниченных количествах и делятся, делятся, делятся...

Сначала они расталкивают в стороны нормальные клетки, потом громоздятся в беспорядке друг на друга и, наконец, начинают отрываться от основной массы опухоли и расселяться в других местах организма. Образование таких отдаленных колоний раковых клеток называется метастазированием и возникает уже в очень запущенных случаях заболевания. Вирус к этому времени уже, как правило, успевает исчезнуть из опухоли. И долгое время его не удавалось поймать с полчиным. Только в 1972 г. впервые был выделен опухолеродный вирус человека.

Трудно представить, да и поверить в это не доставляет особого удовольствия, но все клетки нашего тела содержат опухолеродные вирусы, поскольку опухоль может возникнуть в любом органе нашего тела.

«Нет худа без добра, — скажет проникательный читатель. — Если все дело в вирусах, то против них нужно бороться соответствующими вакцинами, как против полиомиелита или оспы». Этот разумный на первый взгляд, простой и надежный способ борьбы против рака, увы, не применим. Во-первых, потому, что мы почти еще не знакомы с человеческими онковирусами, а во-вторых, потому, что они, в

отличие от обычных вирусов, прочно сидят внутри клетки и размножаются вместе с ней. Добраться до них можно не иначе, как разрушив до основания саму клетку. А так как вирус присутствует в каждой клетке, то мы приходим к «оптимистическому» выводу о том, что рак исчезнет вместе с исчезновением самого организма.

Но как же все-таки бороться против рака?

До сих пор, увы, самым эффективным способом остается оперативное лечение. Опухолевые клетки просто-напросто убирают из организма. Иногда с небольшим кусочком окружающей здоровой ткани, а иногда целиком с органом или даже с целым блоком внутренних органов. Все зависит от того, своевременно ли был поставлен диагноз. Хирург-онколог вынужден быть беспощадным.

Ну а если затронуты такие важные органы, что операция уже невозможна? Здесь вступает в бой вторая линия обороны против рака.

Вспомним о чем говорилось выше. Что наиболее характерно для ненормальных клеток? Способность образовывать (синтезировать) большие количества ДНК. Что может подавить этот процесс? Рентгеновские лучи. Пронизывая наше тело, они рассекают длинные молекулы ДНК, подобно тому, как ножницы режут серпантин. Но лучи слепы. Подобно ножницам, они кромсают подряд любую ДНК — как раковую, так и нормальную, необходимую больному организму. Такое лечение напоминает покос вместо прополки. Поэтому рентгенотерапия имеет свой предел. Стало быть, радио- и рентгенотерапия не эффективны? Напротив, оба метода остаются ведущими в лечении рака. Но отчего так редки случаи полного выздоровления

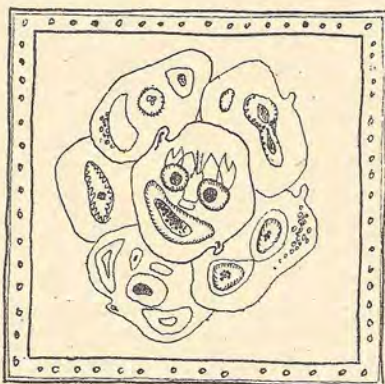
после лечения лучами? Дело в том, что борьба против рака не допускает компромиссов. Это в полном смысле слова борьба не на жизнь, а на смерть. Или мы должны уничтожить все 100 процентов раковых клеток, или даже одна из них, пережившая облучение, снова даст рецидив заболевания.

А потом на помощь больным пришли биохимики. Если облучение обладает вредными побочными реакциями на организм, то нельзя ли воздействовать на клетку химическим путем?

Сейчас хорошо известна структура ДНК. Всего четыре буквы нуклеотидных оснований входят в ее состав. А что если попытаться обмануть раковую клетку и подsunуть вместо одних букв другие? Например, добавить к основанию «урацил» бром или небольшую метильную группу. Попробовали. Опыты оказались удачными. Фальшивые буквы включались в ДНК, и подобная вымышленная нуклеиновая кислота была не способна к дальнейшему копированию. Все было бы хорошо, если бы подставные буквы включались только в раковую ДНК. Но, к сожалению, они в равной мере поглощались и нормальными клетками, выводя их из строя. Больше всего страдала кровеносная система, поскольку ее клетки быстро обновляются, поставляя в кровь белые и красные кровяные шарики. Скорость синтеза ДНК в этих клетках костного мозга сопоставима с раковыми клетками.

Такой же барьер чувствительности организма возник по отношению к другим противораковым препаратам, например, нарушающим синтез белков или витаминов.

Древняя легенда гласит, что аллах пообещал одному мусульманину выполнить любое его желание с одним лишь

условием, что сосед получит вдвое больше. После длительного раздумья правоверный попросил: «О, аллах, выколи мне один глаз». К сожалению, современная химиотерапия рака, как это ни парадоксально, весьма напоминает этот принцип.

Но как добиться максимального эффекта, чтобы лекарственный препарат избирательно поглощали только больные клетки? Для ответа на этот вопрос следует обратить внимание еще на одну особенность раковых клеток. Живя по принципу «после нас хоть потоп», они не слишком разборчивы в исходном материале, из которого строится их ДНК. Если нормальная клетка почти никогда не способна (за исключением клеток — пожирателей фагоцитов) заглотить хотя бы кусочек хромосомы, то раковая клетка заглатывает без труда целиком эти крупные конгломераты ДНК и белка.

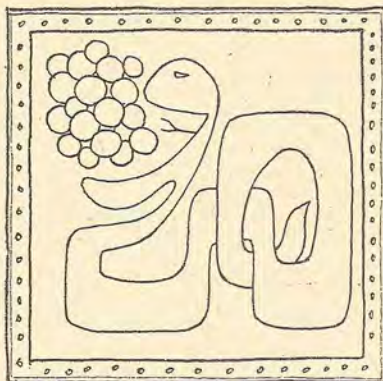
Что если воспользоваться этой неразборчивостью раковой клетки и подсунуть ей неудобоваримый кусок? В свое время ведь был предложен способ получения мутационно измененной ДНК... из самой же раковой клетки. Изобретатель этого способа руководствовался народной мудростью — клин вышибают клином.

Вернемся снова к испорченному телеграфу. Секретная инструкция, рассылаемая раковой клеткой-прародительницей, гласит: «Ты должна наращивать количество ДНК и неограниченно делиться». Но в результате переноса только одной частички «не» инструкция приобрела бы противоположный, благоприятный для нас смысл: «Ты не должна наращивать количество ДНК и ограничено делиться». Конечно, я далек от мысли, что в результате случайных мутаций мог возникнуть такой идеально переосмысленный текст.

Скорее всего он напоминает бессвязное чередование букв, но цель достигается тем, что привнесение этой новой информации вызывает в раковой клетке, по выражению кибернетиков, шум, в котором тонет основной сигнал. То есть выполняется принцип — лучше никакой информации, чем много дурной.

Опыты, поставленные на животных, показали хорошие результаты, но лишь при местном воздействии на опухолевые клетки. Введенный под кожу препарат плохо проникал в кровь и, по-видимому, уничтожался фагоцитами, которые, как заботливые дворники, выметают из организма все чужое. К сожалению, им и в голову не приходит, что раковые клетки — опаснейшие враги: ведь внешне они так похожи на обычные. И проходят мимо них наши защитники — фагоциты.

Существует ли какой-нибудь способ вернуть сумасшедшие раковые клетки на путь истинный? Такие опыты были поставлены впервые под руководством профессора Ю. М. Оленова. Исследователи задались целью: нельзя ли обучить раковые клетки, вернуть им разум и способность контролировать свои поступки? Для этого ученые начали выделять нуклеиновую кислоту из нормальных клеток и переносить ее в раковые. Сам по себе этот опыт сложен, и трудно ожидать скорого положительного ответа. Образно можно представить, что в типографской матрице содержатся опечатки. И для того, чтобы их исправить, наборщик наугад швыряет на матрицу горстями буквы в надежде, что хоть одна из них встанет на нужное место и исправит опечатку. Тем не менее, ленинградские исследователи добились некоторого успеха. Они показали, что в раковых клетках печени, об-

работанных РНК здоровых клеток, восстановился нормальный синтез одного белка — фермента. Казалось, безнадежно потерянные для организма клетки начали приносить кое-какую пользу. Конечно, от этих опытов еще далеко до восстановления всех функций клетки и, прежде всего, контролируемого деления. Тем не менее первые результаты обнадеживают.

И если попытаться прогнозировать, то мне кажется, что направленным переносчиком информации в раковые клетки мог бы стать... вирус. Да, да, ближайший родственник вионника опухолей. Известны опыты на бактериях, когда вирус, нагруженный кусочками нуклеиновой кислоты, в целости и сохранности переносит их от одной палочки к другой, и последняя приобретает новые, ранее не характерные для себя свойства.

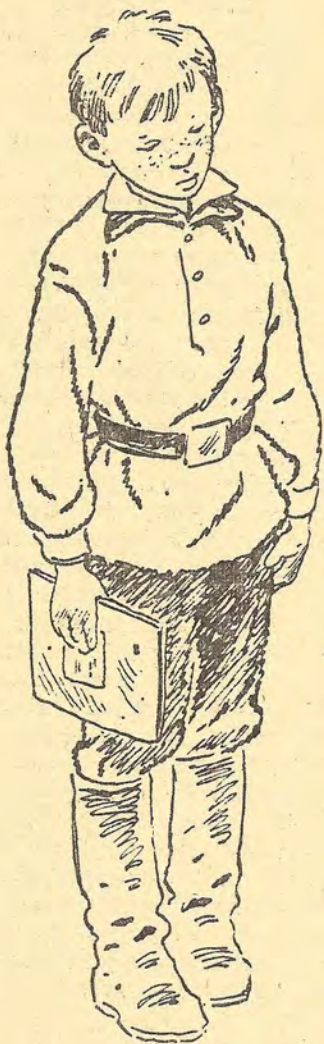
Пока еще трудно сказать, на каком участке растянутого противоракового фронта будет сделан прорыв. Онкологи в сотрудничестве с генетиками, биохимиками, вирусологами, рентгенологами все теснее сжимают кольцо блокады вокруг рака. И с уверенностью можно сказать, что уже в конце нашего столетия коварному раку будет нанесен решительный удар.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОВЕТ

Светлана ГАВРИЛОВА

Рассказ

Рисунки В. Бубенщикова

Сегодня педсовет! Сегодня решается судьба ученика шестого «А» класса Серафима Мелькина. Соберутся все учителя, директор школы. Говорят, даже из родительского комитета кто-то придет. Будут ругать Мелькина за двойки и решать — быть ему в седьмом классе или не быть.

За Серафимом должна зайти Нина Васильевна, классный руководитель, и он в ожидании присел на свою парту у окна.

Школа-восьмилетка, в которой учится Серафим, стоит на взгорье. Зимой мальчишки частенько катаются тут на своих портфелях, теряя ручки и карандаши. Из окна видна и часть «горушки», и большая поляна, на которой летом ребята дотемна гоняют мяч. Но сейчас в окно смотреть не хочется. Деревянные постройки возле школы отсырели, нахохлились, еще недавно заснеженная поляна, утоптанная и упругая, расплылась, посерела от мокрого снега. Неуютно, зябко... И кажется, что уже никогда не просохнет эта поляна, не верится, что когда-нибудь можно будет бегать по ней босиком.

Серафим поежился. Его голова в рыжих лохмах не могла уместить сразу нахлынувшие мысли, и он решил послушать, о чем кричат со всех сторон одноклассники. А им было жалко своего всегда молчаливого Серафима. Генка Пыряев, поведение которого не раз обсуждалось на педсоветах, уверял, что Сима там со страху помрет — он в классе-то сидит как пришибленный, и пусть бы уж его, Генку, еще раз обсудили, потому что он ходит на эти педсоветы, как к себе домой. Генка еще уверял всех столпившихся около него мальчишек, что теперь директор сама с ним здоровается «за ручку»...

В класс вошла Нина Васильевна. Она попыталась успокоить ребят:

— Тише... Тише... Я кому говорю?!

Ее никто не слушал. Нина Васильевна покачала головой, вздохнула: «Ну и детушки». И вспомнила своих двух сыновей, которые тоже «совсем отбились от рук». Еще раз вздохнула, велела Серафиму взять дневник и повела его на педсовет.

В учительской Серафим тихонько встал у печки и замер.

Директор школы, крупная, энергичная женщина, громко разговаривала по телефону:

— Нет, дорогой товарищ! Двух машин будет мало. И чтобы тес был сухой... Ну, добро!

Школа с ее приходом превратилась в строительный участок. Грузовые машины везли тес, кирпич, глину. Строилась новая кухня для уроков домоводства, ремонтировались мастерские, у здания школы появились два пристроя. Издали все эти постройки, вытянутые в одну линию, были похожи на туловище огромного чудовища с перебитым хребтом. Прорабом на этой стройке была сама директорша. Ее можно было видеть в сельсовете, на кирпичном заводе, в леспромхозе. Хозяйственные дела ничуть не утомляли ее, скорее наоборот — вдохновляли на новые строительные замыслы...

Закончив разговор по телефону, директор обратилась к Серафиму:

— Посмотри, сколько ты один собрал народу, хотя всем некогда. А ты, как говорится, сидишь и плюешь на всех.— Голос ее крепчал.— Ты еще не задумывался над тем, что весь наш народ, заметь — народ, строит материально-техническую

базу?.. А ты что делаешь? Ты еще не задумывался об этом?!

Серафим неуклюже переступал с ноги на ногу, тербил свой дневник. Он с трудом понимал, о чем его спрашивают, но на всякий случай сказал:

— Нет.

— Как же ты думаешь жить дальше-то? Ведь из седьмого класса с гармошкой в армию проводим!

— Мы бы его и из шестого проводили, если бы взяли,— вставила Нина Васильевна.

Тут кто-то припомнил, как плохо учился в школе один парнишка. Его отчислили. Он пошел чернорабочим на рудник и попал там в аварию.

— Рудой его придавило,— сказала Нина Васильевна.

— Нет, не рудой,— возразили ей.— Крепление упало, и прямо на ногу...

О Серафиме на время забыли, оживленно вспоминая этот давний случай. Директор помалкивала, она просто не знала паренька, о котором возник вдруг спор, а возможно, что упоминание о руднике навеяло мысли о не решенных еще хозяйственных проблемах. Немного спустя директор вновь подняла глаза на Серафима.

— Вот говорят тут... а ты-то понимаешь, зачем руду добывают?

Серафим вздрогнул.

— Как можно не понять?— укоризненно сказала директор.— Из недр земли добывают руду. Для чего это нужно?

Серафим молча сверлил свои обрамленные глиной сапоги. «Надо бы навести сегодня порядок в сарайке»,— подумал он.

Маленький дощатый сарай около до-

ма они с отцом сколотили еще в прошлом году. С тех пор Серафим все свое свободное время проводил там. Он даже иногда на уроках тосковал по остро пахнущим стружкам, по гладеньким, уже отшлифованным, брускам в мелких коричневых прожилках. И ему не терпелось поскорее бежать в свою «мастерскую», где с запахом стружки к нему приходила уверенность в себе. И двойки-то схватил тогда, когда делал шкаф для кухни...

— Мелькин, — заговорила учительница литературы Татьяна Сергеевна, — я давненько наблюдаю за тобой, все как-то тебе безразлично, не интересуешься ничем. Или я ошибаюсь? Есть же у тебя какое-то увлечение? Обидно будет, если останешься на второй год.

Серафим впервые поднял голову.

— Лодырь он, вот и все! — твердо произнесла директор. — Ты выброси из головы такой дурной план — остаться на второй год. У тебя воли хватит или ты безвольный? — Она наклонилась к завучу и что-то зашептала ей на ухо.

— Хватит, — выдавил Серафим.

— Чего хватит? Надо быть мужчиной... Как отец?.. Пьет?.. Молчишь?

Надо комсомолок послать, чтоб узнали... Помощь нужна?

— Нет.

— Как договоримся? Исправишься?

— Исправлюсь.

— Верить-то опять не знаю как. Что ты должен сделать?

— Исправиться.

В это время в открытую форточку донесся щебет первых птиц...

«Весна... — подумала Татьяна Сергеевна. — Человеку кажется, что он понимает, о чем поют птицы... А если это самообман?..».

— Вот и скворцы прилетели, а ты с двойками, — директор повела плечами и обратилась к присутствующим: — Поверим Мелькину?

Нина Васильевна, отрываясь от стопки тетрадей, заметила:

— Ну что ж... Можно.

— По рукам!

Директор подходит к Серафиму и протягивает ему руку. Тот шарахается в сторону. При небольшом усилии директору все же удается схватить грязную ладошку, и красный, распаренный Серафим идет к двери.

КТО ПОСАДИЛ РОЩУ?

В городе уральских угольщиков Карпинске на территории бывшей Богословской заводской больницы обращает на себя внимание лесной массив из темно-зеленых кедров и светло-кудрявой лиственницы.

Массив этот создан руками человека, о чем свидетельствуют стройные ряды деревьев почти столетней давности. Мне, как лесоводу, захотелось узнать: кто посадил эту замечательную рощу, украшающую теперь город?

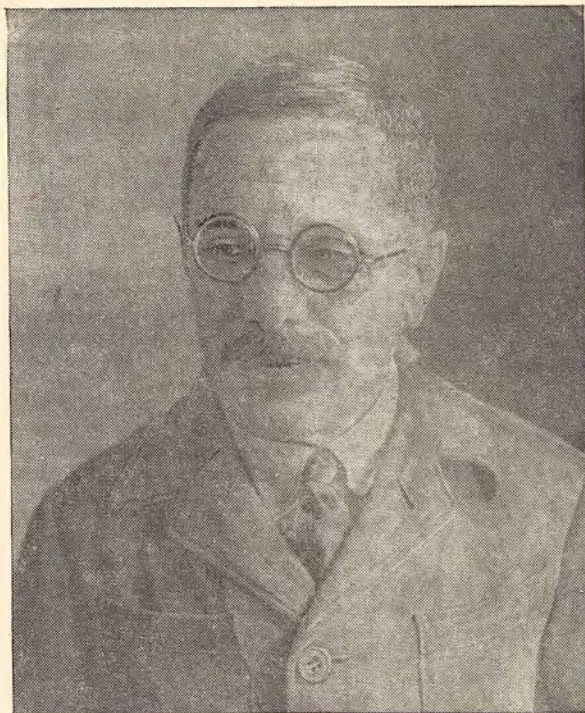
На старом кладбище мне встретился надгробный памятник с надписью: «Лесничий Богословской лесной дачи Александр Васильевич Демидов. Родился 12 октября 1855 года, скончался 11 октября 1914 года от роду 59 лет. За сорокалетнюю беспорочную службу благодарное горнозаводское общество».

Из этого каменного документа следует, что А. В. Демидов начал работать в бывшем Богословске с 1874 года. А посадки кедра и лиственницы, судя по возрасту деревьев, относятся к 80-м годам. Возможно, что это дело рук тогдашнего лесничего. Но это только предположение. А может, кто-то из старых жителей Богословска сохранил в памяти рассказы о пионерах озеленения города?

Михаил ПЕТРОВ, лесовод

Борис
РЯБИНИН

ТРОПА ЕГО ЖИЗНИ

В. А. Попов

Вероятно, далеко не всем нашим читателям известно, что у нынешнего «Уральского следопыта», журнала, первый номер которого увидел свет в апреле 1958 года, был предшественник, тоже «Уральский следопыт», вышедший в 1935 году. И уже совсем мало кто из нового поколения знает, что через эту веху пролегла тропа жизни одного из интереснейших людей литературного мира. Человек этот через всю жизнь пронес одну, но пламенную страсть, оставив ощутимый след в истории приключенческого, следопытского жанра. Для меня же он дорог еще тем, что у перекрестка дорог, перед которым в раздумье останавливается юность, помог выбрать ту, единственную, которую ищет каждый, но не каждый находит...

В тесном темноватом помещении по Банковскому переулку, где уютилось в тридцатых годах Свердловское издательство, среди каких-то клетушек, разделенных фанерными перегородками, не сразу можно было найти стол редактора «Уральского следопыта». Ни таблички, ни указателя. Но именно сюда чаще всего стремились посетители, в большинстве — люди явно не литературного круга. Навстречу поднимался уже немолодой, но, как принято говорить, хорошо сохранившийся мужчина. Был он ниже среднего роста, довольно коренастый и плотный, слегка сутулящийся, с неторопливыми движениями и негромкой речью, умеющий чем-то сразу расположить к себе, заинтересовать.

Это и был широко известный любителям занимательного чтения тех лет Владимир Алексеевич Попов, редактор, или, как было принято называть тогда, — «заведующий редакцией» журнала «Уральский следопыт», бывший редактор «Всемирного следопыта», незадолго до того прекратившего свое существование.

Попову шел шестой десяток, но в волосах ни сединки, коротко подстриженные усы, всегда аккуратно повязанный галстук, пробор на левую сторону. Работал он в очках с металлической оправой, низко склонившись над столом, с привычной тщательностью вписывая мелкими округленными буквами редакторские поправки. Разговаривал непременно стоя, сняв очки и время от времени взглядывая на собеседника.

Ни разу не видел, чтобы Владимир Алексеевич заволновался, засуетился, повысил голос, куда-то

заспешил. Но за кажущейся медлительностью скрывались феноменальная работоспособность и настоящее горячее сердце журналиста.

Жанру приключений, путешествий, научной фантастики он был предан фанатически, а хватке, оперативности Попова мог позавидовать любой газетчик. Возможно, именно это и подкупало в нем при первой же встрече, заставляя проникнуться горячим интересом к делу, которому посвятил себя этот человек.

До сих пор удивляюсь, как Союзу писателей вскоре после того, как был закрыт «Всемирный следопыт», прекратили существование «Вокруг света»¹, «Мир приключений», «Борьба миров», «Всемирный турист», когда началось движение против «развлекательных» жанров и все громче раздавались голоса ортодоксальных критиков, усматривавших ненужность и даже вредность подобной литературы (увы, было такое время), удалось исхлопотать разрешение на выпуск в Свердловске журнала для юношества приключенческо-краеведческого направления. Уральцы решили возродить «Следопыт», но уже под маркой «уральского». Вести журнал пригласили Попова.

Обложка, формат, манера верстки — все было выдержано под прежний «Следопыт». Это уже шло от Владимира Алексеевича, который хотел видеть свое любимое детище непременно таким же, каким оно было раньше.

Владимир Алексеевич был на Урале впервые. И тем не менее, ориентировался в местной жизни так, как будто век прожил тут. В короткий срок он успел изучить краеведческую литературу об Урале, выискивая оттуда всякие любопытные познавательные мелочи для журнала. У него был «нюх» на эти вещи. «Уральский бумеранг», сообщения о землетрясениях на Урале, каракут в южноуральских степях — все это моментально попадало в поле его зрения. Видное место в журнале заняли темы уральской истории, гражданской войны и, конечно, социалистического строительства, показ громадных преобразований, происходивших в крае.

Чутко ловил он все новое и важное, представлявшее интерес для читателя и помогавшее понять суть и значение преобразований.

«Комсомольская правда» опубликовала приветствие, посвященное выходу первого номера нового журнала.

«Остается пожелать, — писала газета, — чтобы этот журнал стал инициативным, энергичным центром большой и увлекательной работы по изучению природных богатств, истории и фольклора народов края, чтобы на его страницах уральская молодежь нашла действительно увлекательные рассказы и очерки, которые пробудили бы в ней жажду познания своего края и его величайших богатств».

Итак, за работу...

Требовались авторы, художники-иллюстраторы. Владимир Алексеевич развернул деятельные поиски, обратившись к местным литературным силам, к соседям-сибирякам.

Откликнулся Иван Панов. С очерками в журнале выступили молодые писатели Николай Куштурм (Санников) и Леонид Мартынов. Постоянным авто-

ром стал Анатолий Климов, вернувшийся с Крайнего Севера, создатель книги «Мы из Игарки».

Сейчас покажется странным, что найти человека, умеющего нарисовать обложку, тогда было целым событием. Владимир Алексеевич приобщил к журнальному делу свердловских художников Ю. А. Иванова и А. П. Давыдова.

Однако этого было недостаточно. Попов разослал письма друзьям и знакомым, и вслед за своим вожаком потянулись на уральскую ниву ленинградцев М. Е. Зуев-Ордынец, автор увлекательных повестей и рассказов на историко-революционные темы, художник-москвич В. И. Голицын, активные деятели старого, московского «Следопыта». Из номера в номер шли с продолжением исторические повести литератора-рудознатца А. Г. Бармина — ленинградца по жительству, уральца по рождению.

Владимир Алексеевич и сам писал для журнала, печатаясь под полупсевдонимом «Вл. А. Попов-Штарк».

В «Уральском следопыте» того времени был введен специальный отдел «Путешествия по книгам и газетам». Заполнялся он очень просто, без затей, и, по-моему, доходчиво. Давался интересный отрывок, способный увлечь читателя, а в заключение — короткая приписка: полностью об этом вы можете прочитать там-то.

Неутомимый литературный следопыт, Попов искал темы, фотографии, необычайные события и явления, героические факты, примеры стойкости и самопожертвования. Он ценил и уважал людей духовно чистых, цельных, неуклонно стремящихся к избранной цели, таких, каким был сам. Поразительно быстро вырос авторский актив. В редакцию все чаще заходили молодые и пожилые люди с фотоаппаратами и треногами, летчики и северяне в унтах и немислимо мохнатых шапках, представители самых разных профессий и занятий. Можно было подумать, что все эти охотоведы, рыбоводы, врачи санитарной авиации, мелиораторы и геодезисты, строки не написавшие в прошлом и теперь постоянно осаждавшие стол редактора «Уральского следопыта», только и ждали, когда появится Попов, тот самый Попов, который еще при царском режиме, у Сытина, пропагандировал литературу путешествий и приключений.

Так появились в журнале интересные очерки, рассказы, информации охотоведа В. Винницкого, гидробиолога Т. Раухвергера, мичуринца-садовода Д. Казанцева. Так опубликовал свои первые литературные работы геолог Ф. Тарханеев, впоследствии писатель.

Н. А. Куштурм вспоминал, как работал с ним Попов. Ознакомившись с очерком «Подставка луны» (о восхождении на Таганай — один из первых очерков, написанных Куштурмом), он сказал:

— Ты мне сюжетец дай, понимаешь? Чтобы читать было интереснее.

Очерк был описательный, фактографический. Пришлось кое-что домыслить, зато и результат сразу оказался другой. Интересность произведения не в ущерб качеству, содержанию составляла постоянную заботу редактора «Уральского следопыта».

Много позднее узнал я, что старший сын Владимира Алексеевича, талантливый юноша-геолог, трагически погиб в экспедиции на Алтае. Сам Владимир Алексеевич не говорил об этом никогда. Но именно это, думается, накладывало какой-то особый отпечаток душевности на все его отношения с молодежью, которую любил он самозабвенно.

Я тогда только-только ступил на журналистскую стезю, ступил как самоучка, как любитель, напеча-

¹ «Вокруг света» тогда было даже два: один — журнал в Ленинграде, другой в Москве (24 номера в год) — приложение к «Всемирному следопыту».

тав в газете «Уральский рабочий» и в некоторых сборниках несколько пейзажных фотографий Урала. Я увлекался фотографией, снимки удавались. Они то и привлекли внимание Попова. Он пригласил меня сотрудничать в журнале. Знакомство с «Уральским следопытом» в известном смысле оказалось решающим.

Не помню уже, кто первый привел меня туда, кажется, это был Александр Соломонович Асс, тогдашний заведующий производством редакции Уральской Советской Энциклопедии, а в послевоенные годы — художественный редактор возрожденного «Уральского следопыта».

Познакомившись со мной, Владимир Алексеевич побывал у меня дома, посмотрел мой, еще не очень богатый тогда, фотоархив. И появились на страницах журнала мои снимки «Камень-курица», «Сосна-лира» и прочие.

Попову я обязан и интереснейшей, первой в моей жизни, большой корреспондентской поездкой по Южному Уралу: в города Златоуст, Миасс, Челябинск, Оренбург и Орск, где только начинал создаваться громадный Орско-Халиловский промышленный район.

У Попова я учился журналистской хватке. В ту пору большое значение придавалось дирижаблестроению. Первые советские дирижабли уже побывали в небе Свердловска. Шли разговоры о создании великого трансконтинентального дирижабельного пути через всю страну от Москвы до Владивостока. В Нижне-Исетске началось сооружение металлической причальной мачты, и вскоре я уже ехал туда с фотоаппаратом. Владимир Алексеевич познакомил меня и со строителем мачты инженером Ассбергом.

Характерно, что на обложке первого номера «Уральского следопыта» был изображен дирижабль на фоне карты Урала.

Как рассказчик Владимир Алексеевич умел находить точные, выпуклые детали. Точности, четкости можно было поучиться у него и в обыденной жизни. На работу в редакцию явится из минуты в минуту, уйдет вместе со всеми, ни раньше ни позже. Не помню, чтобы он запоздал или выглядел небезукоризненно.

Попов едва ли не один «делал» весь журнал, в месяц по номеру. Характерно, что Владимир Алексеевич никогда не жаловался на перегруженность, занятость. Все делалось как-то само собой, и всегда находилось время, чтобы встретиться с людьми, поговорить, поразвлечься. Во время таких встреч нередко вербовались новые друзья и союзники журнала.

Журнал только начал набирать силы, накапливать «портфель», когда пришло распоряжение прекратить его выпуск. Это был большой удар для Владимира Алексеевича. Увы, уже не первый. Теперь трудно разобраться, как это случилось. Говорили, что это вызвано требованием жесточайшей экономии бумаги. Всего было закрыто 114 изданий, в основном ведомственного характера. Видимо, кто-то посчитал «Уральский следопыт» ведомственным журналом...

Однако не так легко было сломить Попова. Неугомонный, несдающийся, он с присущей ему энергией и настойчивостью берется за создание «Уральской библиотеки занимательного краеведения».

Изучение края — ключ к углубленному познанию Родины. Через это человек приходит к неис-

требимой любви к матери-отчизне. Эта истина ясна была Попову, сохранившему свежесть чувств и восприятие юности до преклонных лет.

«Библиотека занимательного краеведения» дала, несомненно, много знаний своим читателям.

В свое время «Всемирный следопыт» выпустил (в качестве приложения) первое большое собрание сочинений Джека Лондона, книжки Чарлза Робертса, многокрасочные таблицы «Народы мира». А сколько других специализированных выпусков, подобранных тематически, подобно «Труженикам моря», знакомящих с разными профессиями, далекими странами и народами, их жизнью и борьбой... Да что говорить! Познавательная, просветительная ценность многого, что было скреплено подписью Попова и родилось при его участии за десятилетия ревностного служения книжному делу, просто не поддается измерению.

Писатель Николай Ловцов вспоминал, что через редакцию «Всемирного следопыта» прошли многие, позднее весьма именитые авторы. Бывал исследователь Уссурийской тайги Владимир Клавдиевич Арсеньев, известный полярник Ушаков, Михаил Михайлович Пришвин. Именно там, во «Всемирном следопыте», была впервые опубликована повесть «Голова профессора Доуэля», подписанная тогда еще никому не известным именем: Александр Беляев...

Сам Владимир Алексеевич почти не говорил об этом — считал в порядке вещей. Противник сентиментов и оплакивания того, что уже не вернется, он редко ворошил прошлое. Только однажды он разошелся — проговорил целый вечер, коснувшись событий многолетней давности. Всем ценителям русской поэзии и культуры, думаю, будет небезынтересно узнать некоторые подробности, давно канувшие в Лету и связанные с восходом всем нам дорогого, бесконечно почитаемого человека.

Раз — еще до первой мировой войны, когда Попов редактировал у Сытина детский журнал «Мирок», — к нему пришла редакционная работница и, смущаясь, попросила:

— Владимир Алексеевич, тут парнишка один стишки сочиняет, знакомый мой... А показать стесняется... Можно я его приведу?

Владимир Алексеевич внимательно посмотрел на нее:

— Ну что ж, приводи.

Назавтра порог его кабинета нерешительно переступил, подталкиваемый шепотом своей покровительницы, светлокудрый, голубоглазый и розовощекий, как херувим, паренек, очень застенчивый и очень-очень русский. Робко постоял у дверей, затем подал стихи.

Стихи были о природе. В них чувствовался несомненный поэтический дар. Владимир Алексеевич напечатал их. Позднее юный поэт еще несколько раз приносил свои произведения, все так же конфузясь и краснея. Это был Сергей Есенин...

Сейчас, обращаясь мыслью в прошлое, остается лишь пожалеть, что я был нелюбопытен, мало выпрашивал Владимира Алексеевича и совсем ничего не записывал (привычка записывать пришла позднее). В молодости мы мало тревожимся, когда с нашего горизонта исчезают хорошо знакомые нам люди. Лишь спустя годы я предпринял некоторые поиски, увы, почти безрезультатные. Мне не удалось выяснить даже точной даты и места рождения Владимира Алексеевича. Вообще какие-либо

материалы и сведения биографического порядка о В. А. Попове оказались очень скудными. В ответ на мой запрос Центральный государственный архив литературы и искусства СССР сообщил, что в хранении имеется лишь переписка В. А. Попова с И. А. Белоусовым (1901—1917 гг.), а также письма В. А. Попова известному детскому писателю С. Т. Григорьеву (1924—1934 гг.), фонд № 2194, и — все.

Краеведы помогли мне отыскать в Калуге одного из знакомых В. А. Попова — В. С. Зотова. 7. X. 34, уже из Свердловска, Попов сообщил Зотову, что приступил к организации «Уральского следопыта», а буквально через две недели (22. X. 34) откровенно признался: «...воссоздать Следопыт — где? На Урале. Никогда мне это в голову не приходило. В Москве я бился над разрешением журнала долго и бесплодно, а здесь, в краевом разрезе, Следопыт встречает горячее сочувствие и всемерную поддержку со стороны партийных верхов области...»

В. С. Зотов переслал мне полный и точный текст письма Владимира Алексеевича К. Э. Циолковскому. Письмо, уточнял Зотов, напечатано на пишущей машинке, на листе, подклеенном к фирменному бланку редакции журналов «Всемирный следопыт», «Всемирный турист» и «Вокруг света». Подпись и дата написаны красными чернилами. Подлинник письма хранится в архиве Академии наук СССР (фонд 555, оп. 3, № 167). Письмо несомненно интересное, поскольку характеризует широту кругозора В. А. Попова как редактора и гражданина.

«Уважаемый Константин Эдуардович!

Редакция журнала «Всемирный следопыт» предполагает поместить в одном из ближайших номеров очерк, посвященный Вашей личности и творчеству, и статью с обзором Ваших научных идей и проектов. Помещение очерка и статьи имеет между прочим продвинуть вопрос об издании за счет государства всех Ваших произведений.

Не откажите послать следующие Ваши брошюры как материал для статьи...

Кроме этих брошюр, нам хотелось бы иметь и другие Ваши книги и брошюры, чтобы возможно полнее представить Ваше творчество. Особый интерес для нас имеет материал, который близок по характеру к направлению нашего журнала. Между прочим, в одной из своих брошюр, если не ошибаемся, Вы выдвигали проект о своеобразном освоении малодоступных тропических местностей путем разделения их на участки, заключенные в сетки, уничтожения вредных насекомых и гадов и пр. Этот проект интересует нас, и мы просим прислать материал. Книги и брошюры, которые Вы не можете продать, просим прислать на время, и мы вернем их в целости с благодарностью.

За перечисленные книги посылаем одновременно с этим письмом почтовым переводом их стоимость 7 (семь) р. За дополнительно высланные книги будет уплачено нами немедленно по их получении.

*Примите уверения в совершенном уважении
Зав. редакцией Вл. Попов. 8/IV. 30»*

И — ответ Циолковского (был опубликован во «Всемирном следопыте» в 1930 г.):

«Всемирному следопыту.

Желаю журналу всемерно возбуждать в широчайших массах стремление к познанию мира. Особенно хочется мне, чтобы журнал «Всемирный следопыт» толкал мысль нашей молодежи к перестройке Земли

на новых социалистических началах. Всегда вперед, не останавливаясь, вперед. Вселенная принадлежит человеку.

5 окт. 1930 г. Конст. Циолковский.

От Зотова мне стало известно, что сбором материалов о Попове занимается преподаватель Московского института культуры Валерий Алексеевич Николаев. Вскоре из города Химки я получил ответ Николаева: «Материалы о В. А. Попове у меня, действительно, кой-какие есть. Это главным образом воспоминания сотрудничавших с ним писателей и журналистов, художников... Но самое печальное, — писал Николаев, — я не знаю ни даты рождения В. А., ни кончины...»

Наконец удалось разыскать вдову В. А. Попова — С. Д. Лялицкую. Журналистка и автор ряда научно-популярных книг, Софья Дмитриевна, как и прежде, продолжала заниматься литературным трудом, выглядела бодрой, несмотря на свои 76 лет.

По словам Софьи Дмитриевны, Владимир Алексеевич происходил из рода известных московских купцов Поповых. Однако уже отец порвал с купечеством: он был корректором, писал стихи. От него, надо думать, набравшись ума-разума, ступил на эту стезю и сын...

Софья Дмитриевна хорошо помнила теток, сестер Луизу и Иду; третья из сестер, Минна, вышла замуж за Попова и стала матерью будущего следопыта. От матери Владимир Алексеевич заимствовал пунктуальность, а также свой литературный псевдоним «Штарк».

Попов в совершенстве владел английским языком. Дважды побывал в Лондоне, хорошо изучил тамошнее произношение и говорил как прирожденный лондонец.

От поездки в Лондон сохранилась памятка — портрет Генрика Сенкевича, самолично подаренный ему писателем, с автографом и теплой надписью.

Для меня было неожиданным узнать, что, кроме английского, Владимир Алексеевич владел и французским языком: в ранней молодости жил в Лозанне, в Швейцарии, учился там на французском. Трудовую деятельность начал по тогдашним воззрениям довольно рано — у Тихомирова (на Арбатской площади) мастерил какие-то учебные пособия; после перешел к Сытину, в журнал «Мирок» — самое дешевое тогда, общедоступное издание.

Как произошло его сближение с Сытиным, Софья Дмитриевна не знала. Помнила — Владимир Алексеевич говорил, — что Сытин любил новых людей, охотно брал к себе на работу тех, кем заинтересовывался. Журнал «Вокруг света» начал выходить еще в конце прошлого века. Вот там-то, в начале XX столетия, юный Попов и ухватил кончик той нити, которая повела его по нехоженым тропам следопытства. Уже там определилась его наклонность, переросшая со временем в подлинную страсть...

Еще до поездки на Урал что-то произошло в семье Попова, и Владимир Алексеевич остался один.

Я слушал Софью Дмитриевну, смотрел на старые книги, которые густо заселяли ее современную квартиру, а мыслями был далеко — в предвоенные годы...

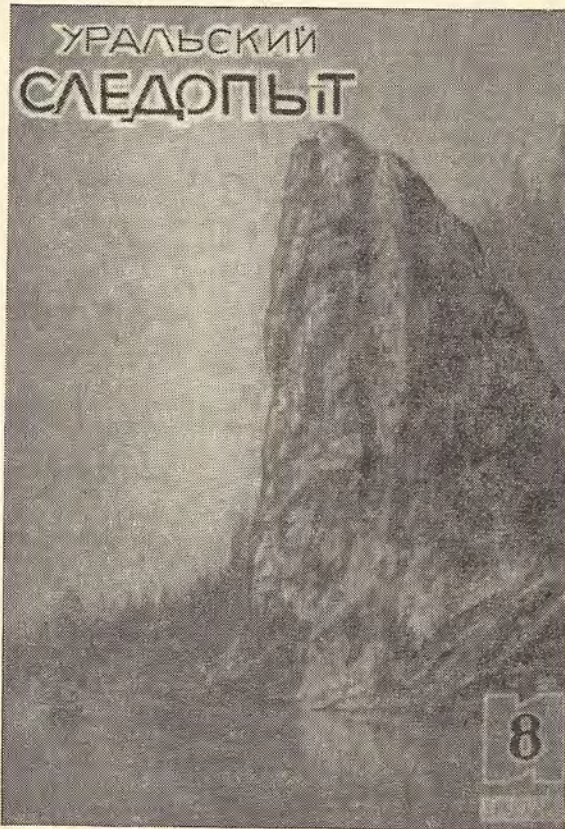
Встречаясь с Владимиром Алексеевичем в Москве в предвоенные годы, я с грустью каждый раз

отмечал, что он начинает сдавать. Он был удручен, подавлен грузом забот, но не сломен.

Какое-то время Владимир Алексеевич подвизался в ежемесячнике «На суше и на море» и в некоторых других журналах географического направления, главным образом ведомственных. Встретившись в редакции «СМ» («На суше и на море». — Сокращение Попова.), мы шли в подвальчик в Охотном ряду. Там, где сейчас белостенный, блистающий зеркалом витрин универсам «Детский мир», помещался на углу третьеразрядный ресторанчик «Иртыш», что-то вроде прежних «обжорок». В нем обычно обедал Владимир Алексеевич (редакция находилась тут же неподалеку, в Малом Черкасском). И там, под стук ножей и звон посуды, он посвящал меня в свои ближайшие намерения и свое житье-бытье.

Он собирался написать цикл занимательных биографий замечательных русских путешественников. Со временем они должны были составить книгу. Пока же, по мере готовности, он публиковал их в «На суше и на море», журнале советских туристов. У него была договоренность — давать по биографии в номер.

Постепенно встречаться мы стали реже и реже. Иногда я видел знакомую фамилию — «Вл. А. Попов-Штарк» — в печати. Общение поддерживалось в основном через почту. Потом, я слышал, он поехал куда-то в Среднюю Азию, кажется, в Ташкент, с прежней целью — не удастся ли под тем или иным названием возродить любезный его сердцу

«Уральский следопыт», 1958 г.

«Следопыт», попытать счастья там, где, кажется, сам ветер поет стихи Омара Хайяма, века и тысячелетия проносятся на горячих скакунах...

Передавали, что он сумел осуществить один или два выпуска альманаха.

О мыслях, настроениях этого периода и направлении его поисков дают представления письма. В них, мне кажется, Владимир Алексеевич предстает со всеми своими думами и надеждами, таковым, каким он был.

«Москва, 30 мая 37 г.

Дорогой мой Боринька!.. Заочно обнимаю тебя, целую и шлю тебе свою горячую благодарность за твое милое отношение ко мне...

...заверяют в Детиздате, где я беседовал с директором тов. Цыпиным, а именно: он заявил мне, что Детиздат решил взять в свои руки ленинградский «Вокруг света», расширить его и «приставить» меня к этому делу. ...Не верю, чтобы это могло случиться, хотя тов. Цыпин — человек, не привыкший «бросаться» словами; он, как говорят, самый деятельный, широкий и решительный издатель в Москве. Но и охотников пристроиться к этому делу здесь найдется немало, хотя и без заслуг, но со связями...

Наша Уральская краев(едческая) библ(иотека), несмотря на всю свою огромность, интересует здесь всех, кому ни покажешь — настолько ново это явление, за которое еще никто не решался взяться даже здесь, в Москве...»

«Москва, 1 июня 1939 г.

Здравствуй, Боря милый!

Цена нашу с тобой непрекращающуюся дружбу, сообщая тебе именно в дружеском порядке новость:

я приглашен Детиздатом в качестве редактора раздела географии всеобщей и отечественной Детской энциклопедии (10 томов, по 1 тому ежегодно) в результате моего личного обращения в ЦК ВЛКСМ с месяцем тому назад. Редакторство ни в какой мере не исключает личного авторства в этом фундаментальном издании, для чего остается достаточно времени, ибо собственная служба ограничивается 3-мя днями в пятидневку. На первых порах «положили» оклад в размере 700 руб. Само собой разумеется, что не оборву я и своего постоянного сотрудничества ни в одном из 4-х журналов, где являюсь постоянным автором...»

А вскоре — война. Все вокруг завертелось в каком-то другом, сумасшедшем ритме, окрасилось в другие тона. Старые заботы отпали, нахлынули новые. Оборвалась связь с Владимиром Алексеевичем...

Спустя много лет дошла скорбная весть: Владимир Алексеевич умер. Он погиб поздней военной осенью сорок первого года на одной из улиц столицы, погиб нелепо: под колесами грузовика. Несчастный случай. Наверное, ослаб, зазевался и — все. Конец.

Нет, не конец!

1957 год. Ближе к Сорокалетию Октября. Мы сидим в помещении Союза писателей, на Пушкинской, 10, в Свердловске, и решаем задачу: как назвать новый детский и юношеский журнал, открывающийся на Урале? «Мы» — это комиссия по подготовке материалов, которые необходимо послать в Москву, в соответствующие инстанции, чтоб получить разрешение.

— Давайте, назовем «Уральский следопыт», — говорю я.

И эта мысль была, как видно, не у одного меня — вскоре такой журнал был открыт, и существует он по сию пору.

...Бережно хранят старые сотрудники редакции первый номер воскресного «Уральского следопыта». А я, быть может, еще более бережно сохраняю комплект «Следопыта» за 1935 год, девять номеров, на каждом из которых стоит: «Зав. Редакцией Вл. А. Попов». Каждое слово с большой буквы!

НАВЕЧНО

В ПАМЯТИ ЖИВЫХ

Из года в год на вечерней поверке старшина роты, держа перед собой список личного состава, зачитывает:

— Герой Советского Союза гвардии сержант Ожмегов Григорий Федорович!

И в ответ вместо привычного «я» заместитель командира первого взвода торжественно произносит:

— Герой Советского Союза гвардии сержант Ожмегов пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины.

Меняются старшины рот, встают в строй и покидают его, увольняясь в запас, заместители командиров взводов, а священный ритуал живет и будет жить вечно...

...Сентябрь 1944 года.

Осень в Румынии совсем не похожа на нашу. Солнце печет, как летом. Но сегодня с утра потянуло свежим ветерком, видно даже, как трепещут листья на березах, что стоят на самой вершине сопки. Эта злосчастная высота 801! Вторые сутки безуспешно штурмует ее подразделение.

Фашисты прочно укрепились и сопротивляются с бешеным обреченным. Пулеметный огонь заставляет бойцов вжаться в землю. Снова атака, и снова пришлось залечь. Григорий Ожмегов вырвался вперед и оказался ближе всех к вражеской траншее. Приподняв голову, он быстро оценил обстановку. Справа — цепь редких кустов. Короткими перебежками можно незаметно подобраться вплотную к пулемету противника. Ожмегов понимал, что риск велик. Но иначе гитлеровцы, пользуясь преимуществом своего положения на высоте, перебьют все подразделение. И Григорий решился.

— Прикрой! — крикнул он лежавшему неподалеку бойцу с ручным пулеметом.

Как только заговорил наш пулемет, сержант вскочил и, пригнувшись, бросился к кустам.

Очевидно, враги не ожидали такого маневра и не успели открыть огонь по смельчаку. Ожмегов добежал до кустов.

А вот поддержать его бойцы не сумели. Поднялись для броска за сержантом, но попали под губительный огонь. Несколько человек сразу же упали, сраженные вражескими пулями.

Выждав, когда огонь поутих, сержант пополз вверх, к гребню высоты. Это был бесконечно долгий путь. Стелющиеся ветви кустарника цеплялись за гимнастерку, царапали лицо, руки. Пот заливал глаза.

Кусты кончились, а до первой вражеской траншеи еще добрых двадцать метров. Теперь уже ничто не могло скрыть смельчака от глаз противника. Пулемет находился совсем рядом. Всю силу ненависти к врагам вложил Григорий в бросок гранаты и сам устремился к пулеметной точке. Огонь по подразделению ослаб.

А Ожмегов продолжал бить из автомата. Понимая, что ему нельзя находиться на одном месте, иначе гитлеровцы его уничтожат, сержант побежал вдоль траншеи. Он заставил замолчать еще один пулемет, схватился врукопашную с рослым гитлеровцем. И тут подошли друзья.

Подбежавший к сержанту командир взвода крепко обнял Ожмегова:

— Спасибо, Григорий! Спас роту — от бойцов спасибо.

Но высота еще не была взята. Фашисты не считались с потерями и любой ценой стремились отстоять свои позиции. Они решили

ударить во фланг. Сержант Ожмегов первым заметил появившихся со стороны леса вражеских солдат.

— В атаку, вперед! — громко крикнул Григорий и бросился навстречу гитлеровцам. Неожиданная стремительная атака и меткий автоматный огонь вызвали в рядах противника смятение. Часть фашистов бросилась обратно в лес, другие подняли руки.

И тут Ожмегов увидел еще одну неприятельскую группу. Он вскинул автомат, но один из фашистов опередил его. Граната разорвалась совсем рядом. Гвардеец устоял на ногах. Гитлеровец, бросивший гранату, с изумлением смотрел на советского сержанта. Ожмегов поднял автомат и выпустил в гитлеровца очередь.

Рота уже ворвалась на высоту, когда рядом с Ожмеговым разорвалась мина. Все тело Григория было изрешечено осколками.

После боя товарищи по оружию похоронили Григория Ожмегова на той самой высоте 801.

Скупые строчки наградного листа: «...Товарищ Ожмегов в бою за высоту 801 уничтожил 27 фашистов, 2 пулемета и личным примером поднял бойцов на решающий штурм. Гвардии сержант Ожмегов достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза».

Сейчас на высоте 801 близ румынского села Агриш в Северной Трансильвании стоит обелиск с красной звездой. На обелиске золотом высечено имя Героя Советского Союза гвардии сержанта Григория Федоровича Ожмегова.

Аркадий СОЛАРЕВ

БУДЬ МУЖЧИНОЙ

Пунктуальная математичка опередила звонок ровно на две секунды — дверь закрылась, и звонок задребезжал дальше по коридору.

— Где Марченко? А Чукарев где? — взгляд из-под цепких очков устремился к дальней парте: — Конечно, класс не знает, где его знаменитость по фамилии Зацепин?..

Класс невинно смотрел в поблескивающие очки. Откуда классу знать, где во время первого урока носит Славку Зацепина и его приятелей. Можно только догадываться, что раз этих троих нет — значит Славка увел с уроков весь свой оркестр.

— Ну, что ж... Раз Зацепин на гастролях... Займемся геометрией.

Класс вздохнул и зашуршал страничками. Вряд ли на гастролях... В восемь-то утра? Впрочем, кто его знает, Славку, от него всего можно ожидать.

С виду его можно принять за спортсмена. Но Славка не спортсмен, он — артист. В городке, где он живет, есть клуб, туда многие из школы бегают на танцы, концерты, вечера. Без Славкиного джаза редко обходится. В школе его тоже все знают. На переменах он ходит непременно со свитой — идет, как мэтр какой-нибудь, только шиканье в коридоре стоит: «Вот он, вот этот...»

Может, он проспал сегодня? А Владька с Витькой?

Скрипит мел по доске. На третьей парте, где сидят две закадычные подружки, под параллелограммом с завитушками «а, в, с, д» на углах, идет переписка:

«Она из другой школы. Лера. Между прочим, отличница».

«Какой дурак назначает свидание в восемь утра?»

«Ты же знаешь, Славка — ненормальный».

«А она? Тоже?..»

Скрипит мел. До конца урока еще двенадцать минут. Морозные лучи перестали скользить по парте у окна — за окном седе и мутно, идет снег. В другой школе преспокойно сидит на уроке истории смешливая черноглазая Лера...

А сам Славка? Он в это время размахивает руками посреди двора, где сохнут промерзшие полотенца, — на маленькой улочке, кварталах в трех от школы. Перед ним в полном составе весь ансамбль. Черная гитара Владьки Марченко стала седой. Губы у долговязого саксофониста — совсем как мундштук, металлического цвета. У самого Славки покраснели руки, а на затылке образовался снежный воротник. Со второго этажа, в оттертое от инея окошко, смотрит девочка. Лицо у нее крупное и круглое. Горло повязано теплым шарфом, голова набок, губы улыбаются. Это Валя, аккордеонистка в Славкином оркестре. Она уже прослушала две серенады, несколько шейков и штук пять популярных песенок.

— Ва-аль!.. — кричит в «антрактах» Славка. — Ты выздоравливай. Без аккордеона трудно.

— Он без тебя врет, — тычет в соседа пальцем Чукарев. — Приходи скорей: сколько можно — неделю уже болеешь!

Валя кивает головой, в который раз машет руками: «Идите, замерзли же!». Она смеется.

— Мы пошли! — кричит Славка и под занавес дает еще один номер: оркестр захлебывается частушечной веселостью. Валя хохочет, прижав ладошку к обязанному горлу...

Вечером Славка снова в своей компании — на этот раз не во дворе, а на людной улице. Славка (или это не Славка? — словно подменили человека...) пристраивается позади незнакомой девушки, идет следом, повторяя все ее движения. За ним — его приятели, человек семь-восемь, повторяют в свою очередь телодвижения своего кумира. И весь этот «хвост» тянется за жертвой, пока не вмешается кто-то из возмущенных прохожих. Девушка со всех ног бежит к ближайшей трамвайной остановке, а Славкина компания пристраивается к другой жертве...

Забавное зрелище, не правда ли? Лицо у девушки, которую Славка выставил на осмеяние, — обиженное, расстроенное, и ужас в глазах. Совсем не такое, как у Вальки — у нее было счастливое...

Куда девалась Славкина чуткость? Будто два разных человека уместились в одном: один полон заботы и желания сделать приятное, другой — ничуть не считаясь с достоинством незнакомки, позорит ее на всю улицу...

Один древний мудрец сказал: «Мы делаемся тем, что делаем из себя сами». «Будь мужчиной» —

часто говорят юному человеку, подростку, наставляя его на путь истинный. Будь мужчиной, будь человеком... Каким? Сильным, великодушным, бесстрашным, благородным, не мелочным. Готовым вступить за себя и других. Способным на поступки высокие, чистые, красивые и искренние.

Наверно, ни одному мальчишке не польстит, если о нем скажут: «бесхарактерный». Характер — великое дело. Его вырабатывают, отказывая себе в удовольствиях, ради, может быть, не очень интересного, но необходимого дела, приучая себя к большему перегрузкам — умственным и физическим. Все эти усилия обращены на самого человека, на его волю, сознание, чувства.

Не всякому пришло бы в голову устроить на морозе концерт для больной девчонки. Слава устроил. И красивым казался он в эту минуту — красивым в своей преданности, заботе и внимании к больному товарищу, и серенады его были истинно рыцарскими. Но если бы это шло от характера, если бы у Славки на этот счет действительно были свои принципы — разве изменил бы он им? Его уличные «забавы» ставят под сомнение самое что ни на есть красивое проявление преданности и благородства: где же он был самим собой, «настоящим» — там или тут? С одной девушкой он галантен, с другими — просто неприличен. Одна — знакомая, другие — нет? А может, рыцарский жест по отношению к Вале был попросту показухой? Так сказать, «спектаклем», рассчитанным на друзей: «Смотрите, какой я благородный, я еще и не такое могу придумать...»

У Славки всегда было много друзей и поклонников. Они смотрели на него с восхищением, обожанием. А могли бы вспомнить не одну его проделку: как уборщицу напугал чуть не до обморока, как мимоходом в школьном коридоре оскорбительно отозвался о соученице, как высокомерно отвечал учителям... Но друзья смотрели на него с восторгом и не замечали проступков, которые назывались один к одному, постепенно откладывая нехороший отпечаток на его поведение, душу, характер. Проглядели, как и когда Славкины понятия о рыцарстве исковеркались и обернулись неуважением к людям, жестокосердием...

Отношение к женщине, девушке — самый тонкий измеритель чести, порядочности, мужского достоинства и благородства. Никто не назовет благородным мальчишку, привыкшего оскорблять представительниц «слабого пола», находящего в этом удовольствии. Так же, как никому не придет в голову говорить о чести парня, разболтавшего доверенную тайну, или назвать сильным оболтуса, обрусившего мощь своих мускулов на того, кто слабее.

Но как часто в мальчишеском мире эти понятия смещаются!..

Кто из подростков хотел бы, чтобы его считали

человеком подлым, недостойным? Нет такого. Каждый выбирает идеал, в котором непременно сочетаются лучшие качества. И все до единого хотят быть сильными. Только по-разному понимают силу. Настоящая сила не в том, чтобы заставить бояться себя, она тесно связана с понятиями об истинном добре, справедливости.

Нельзя не ведать того, что знакомство с человеком начинается не с зуботычины, а со слова «Здравствуй!», что за гостеприимство должно платить благодарностью.

В лесу, возле Волчихинского водохранилища, расположилась палатка. Трое шестнадцатилетних мальчишек из Свердловска, старые друзья, решили вместе отдохнуть. Они взяли с собой рюкзаки с провизией, гитары. Вечером сели ужинать. Из темноты к костру подошли незнакомые ребята. Гостей было семеро. Хозяева палатки предложили им поужинать вместе. Поужинали. А когда котелок опустел, один из пришедших в лоб спросил:

— Может, подарите гитары?

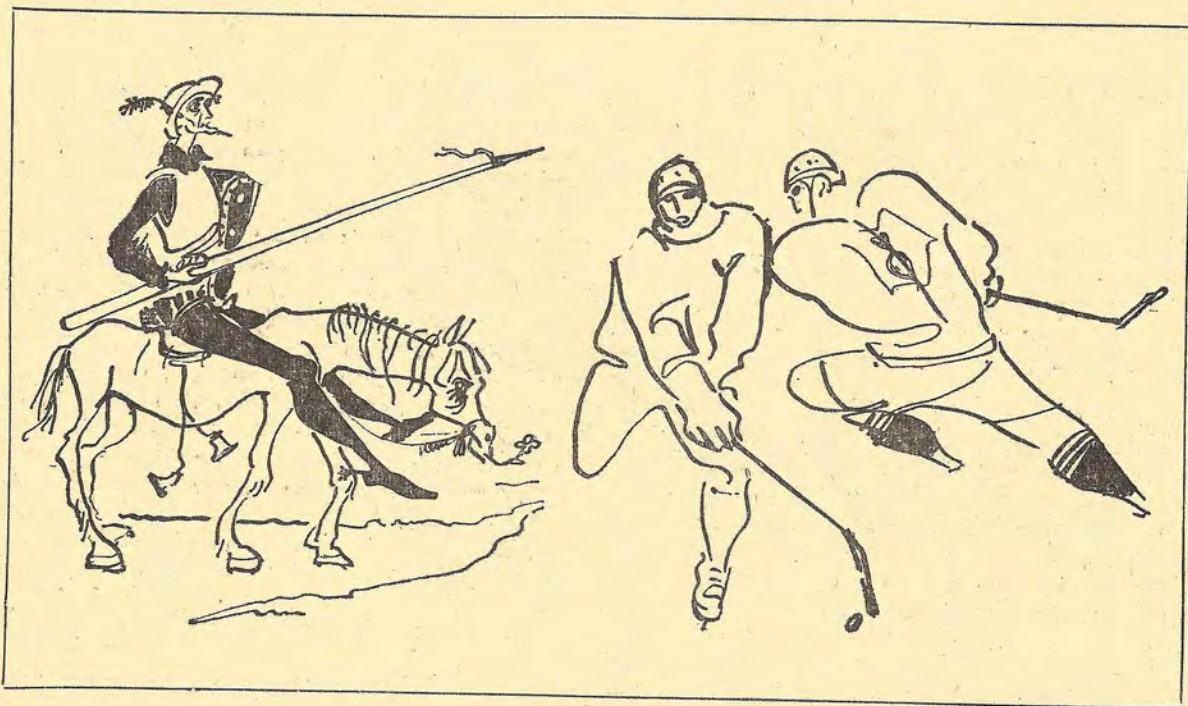
Ответа он не ждал. Вошел в палатку, вынес гитары, прихватил кое-что из вещей. Даже горсть конфет взял. Потом гости отвесили реверансы и покинули лагерь.

У троих ребят, оставшихся без продуктов и вещей, хватило благоразумия не ввязываться в драку, хотя они и не были маменькиными сынками. Трое против семерых?.. Они дождались утра и пошли в милицию. Вчерашних непрошенных гостей нашли, и гитары вернулись к хозяевам. Вчерашние «герои»

плакали, сидели, опустив головы, раскаивались. Они были одного возраста с потерпевшими. У каждого свои представления о силе, благородстве, чести, романтике. Так же, как и у тех, троих, что были в палатке. А как четко все проявилось: одни гостеприимно поделились ужином, вторые заплатили за гостеприимство подлостью и вероломством.

Уральский писатель П. П. Бажов рассказал в одном из своих произведений о старом обычае, когда праздничным делом стенка на стенку ходили. «Иные теперь это за старую дурость считают — от малого, дескать, понятия да со скуки колотили друг дружку. Может, оно и так, да ведь не осудишь, что он неграмотным родился и никто ему грамоты не показал. Забавлялись, как умели. И то сказать, это не драка была, а бой по всем правилам... Со счетом строго было: полсотня с одной стороны, так полсотня — и с другой. И перед боем непременно спросят: «А ну, молодцы, перекрестись, что в кулаке обману нету!»

Нынче ребята грамотные. Все до единого. Про рыцарей и мушкетеров, джентльменов и гусаров знают. Читали, как происходили поединки — один на один, были секунданты, было предоставляемое противнику право выбора оружия. Допустим, все это — старые дуэлянтские премудрости. Но разве менялись когда-нибудь понятия о благородстве? Разве позволяли они большинству нападать на меньшинство? Если уж признавать силу — так ту, которая ведет одного против семерых. А семеро против одного в героях не были и не будут.

Мне жаль тех мальчишек в палатке. Правы ли они были, что не приняли вызова? Целую ночь, до утра остро переживали они свое бессилие, свою униженность — это же пытка для мальчишеского самолюбия. Нет, никто не винит их за рассудочность, ситуация была действительно не в их пользу. Но... как часто в безотчетной храбрости правота служит подспорьем не хуже кулаков!..

Мы говорим сейчас о чести. О той самой чести, которая ни минуты не позволяет нести оскорбление или унижение, о той чести, которая — цени ее каждый — давно бы положила конец безнаказанности и выбила бы у тупой грубой силы почву из-под ног. О той чести, когда надо постоять за себя, даже если обстоятельства неблагоприятны, когда все — против тебя, и кажется, уже ничего нельзя сделать.

Рассказывали историю, которая произошла с курсантом школы милиции Борей Немыкиным. Он ждал автобуса. Автобус подъехал, да не тот, который нужен был, и Боря, дав дорогу очереди, остался на остановке. На подножку последним поднялся парень. Незнакомый. Когда автобус уже стронулся с места, парень этот плюнул сверху вниз прямо в лицо курсанту. Дверь захлопнулась, автобус поехал.

Боря несколько мгновений стоял неподвижно, ошарашенный наглой выходкой, явно рассчитанной на безнаказанность: как ты его возьмешь, если автобус уехал? Немыкин вытер лицо травой, а затем — вот где хулиган просчитался! — помчался словно лось за автобусом. Он был отличный спорт-

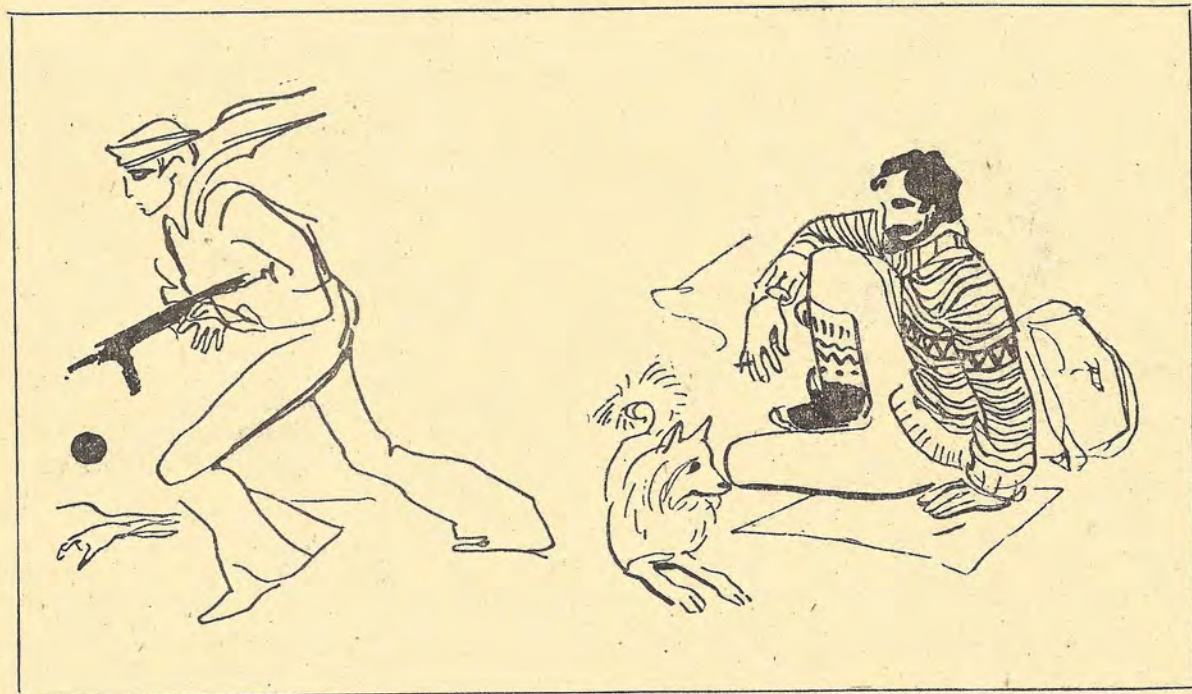
смен, а ярость и обида придали ему еще сил. Немыкин настиг хулигана на третьей остановке, вытащил из автобуса, и дальнейшие события развивались уже в отделении милиции.

Надо уметь за себя постоять, уметь выйти победителем в поединке со всякой хулиганской мразью. Если ни за что ни про что получено оскорбление — найти способ вернуть себе честь. Но человек понастоящему сильный никогда не станет сам обидчиком. Распорядиться своей силой умно, по-хорошему — это и есть мужское благородство.

Трусов среди мальчишек совсем мало. Нынче под уральским городом Ирбитом паренек-девятник-классник, сын железнодорожника, остановил неуправляемый, сорванный «с прикола» сильным порывом ветра, тепловоз. Вскочил на ходу на подножку и сумел остановить: предотвратил аварию, спас рабочих-путейцев, на которых мчался тепловоз.

Да, если надо, мальчишки и в горящий дом полезут, и глубину презреют, если кто-то тонет, и высоты не побоятся. Поступят, как настоящие мужчины. Но жизнь, как ни жаль, не состоит из одних подвигов — каждому по подвигу может просто не достаться...

Разве обязательно нужен рискованный момент, чтобы проявилось благородство? Не в одном поступке, не в одном порыве — оно должно проявляться изо дня в день, сделаться привычкой, натурой, неотъемлемым «я»; не в отчаянную минуту — а всегда, во всем, в помыслах, наяву, в большом и малом. Вступить за девчонку, которую ты вовсе и

Рисунки выпускницы школы № 95
г. Свердловска Гали Копыриной

не знаешь, защитить малыша, отобрать истерзанную кошку у хулиганов, помочь товарищу в самой что ни на есть малой беде, придержать язык за зубами, чтобы не сказать лишнего и ненужного, не побояться напороться на кулаки и суметь вынести насмешки неумных людей — с этого начинается настоящий мужчина.

А «дурная» сила — она и есть дурная. Кроме позора и бесчестья, ничего она принести не может. Плохо, когда человек сам не в состоянии обуздать ее.

Совершенно закономерным был финал приключений «лесных братьев-разбойников», ограбивших туристов, — они попали на скамью подсудимых, получили свое. И у Славкиной истории продолжение было столь же печальным. Когда одноклассники готовились к экзаменам, он сидел на скамье подсудимых. Судили группу подростков, и его в том числе, за подлый налет в темном переулке: несколько ребят напали на одного прохожего; судили в том клубе, где Славке много раз аплодировали сверстники. Его ждала колония для несовершеннолетних. К счастью, он не погиб для общества. Отбив срок, Славка взялся за ум, сумел закончить школу, поступил в институт. Сейчас все в его жизни хорошо. Но сколько лет потеряно, сколько времени понадобилось, чтобы вернуть доброе имя, восстановить его!.. Ведь было оно у него. Когда пропадал на репетициях, когда друзья тянулись к нему и считали за честь знакомство с ним, и даже когда удирал с уроков, чтобы играть на морозе для больной Вальки...

Мальчишкам нужно доброе имя. Потому что они — без пяти минут мужчины, потому что хотят стать настоящими мужчинами. А имя у человека одно, и мудрее пословицы: «Береги честь смолоду» — еще никто ничего не придумал. Но утверждается это имя, эта добрая слава за человеком в зависимости от того, как он понимает благородство, честь, храбрость, силу.

ПЕРЕКРЕСТОК, ИЛИ СКАЗКА О ТАВИ

«Два брата через дорогу живут,
а друг друга не видят...»

(Загадка)

Подберезовик был крепкий, плотный, на высокой, изогнутой у земли ножке, в светлых пятнах по темно-коричневой шляпке. Толику нравилось даже его название — обабок. Зацепившись свитером за куст, так что ветки пружинисто потянулись за ним, Толик нагнулся, встал на колени и аккуратно провел ножом по грибной ножке.

— Что вы нашли, дядя Толя? — заставил его выпрямиться завистливый Лоркин голосок.

— Поганку, — усмехнулся Толик.

— А ну покажите!..

Толик протянул племяннице корзинку.

— Ничего себе поганка! Мне бы такую! А я вон хожу-хожу, только доньшко закрыла, а у вас...

— Зато у тебя два белых. Хочешь, давай меняться.

— Ага, хитренький какой, дядечка Толечка! Чтоб мои белые тоже к вам перешли?

— Ну, и нечего канючить. Иди-ка вот сюда, на черничку.

— Нетушки-нетушки! Сами там у муравейника ползайте.

— Подумаешь, испугалась!

— А вот и не испугалась вовсе. Я, если хотите знать, даже комаров не боюсь. Уже тридцать три штуки прихлопнула. Нет, тридцать пять: вот сразу два попались. Сейчас я их запишу.

Лорка достала из-под куртки блокнотик, шариковый карандаш и поставила пару черточек в чистой клетке. Потом с лицемерным вздохом опять взялась за корзинку:

— Дядя Толя, понесите, а?

— Выйдем из леса, так и быть выручу. А пока сама таскай.

— Тогда хоть спойте что-нибудь... Ой, а вы сыроежку пропустили!

— Я их не беру. Осторожно, не зачерпни, здесь болото. Ступай по корням.

— Я застряла!

— Потому что нытик. Ну, смелее!

Толик прощупывал палкой качающуюся, залитую тяжелой черной жижей тропку. В его кедах давно уже хлюпало, но шерстяные носки не давали ногам застыть. Лорке в резиновых сапожках тем более было нипочем. Однако девочка почему-то примолкла. Волосы выбились у нее из-под капюшона, и она их не поправляла. Остренький носик брезгливо морщился: действительно, здесь пахло гнилью, листья ивняка покрывала ржавчина, кое-где торчал мохнатый от старости и мха сухостой. Липкая паутина неприятно оседала на лицо, а летучие паучки, падая сверху, копошились в волосах, впились в шею. От них долго зудело и чесалось тело.

— Дядя Толя, а лес нас не любит?

— С чего ты взяла?

— Ну, вот в парках белки не боятся брать у меня сахар из рук, а в лесу ни одна не покажется. И еще там деревья прирученные, а здесь какие-то дикие, хмурые. Вроде задумались о чем.

— Мало ли что может показаться! Раньше люди вообще считали, что в каждом дереве человечки живут. Если дерево срубить, они умирают. Насочиняли всяких сказок из-за таких вот дремучих мест...

— Значит, про лес ерунду говорят?

— Конечно. Лес как лес. Глухие деревья да комары. Пусто...

Толик размахнулся и гулко стукнул палкой по стволу березы.

— Ну, на тропинку мы с тобой выбрались. Теперь строго по солнышку, скоро дом!

Вдогонку им зашелестели листья. Хрустнула ветка. Чуткая предзакатная сырость уже подстергала лес.

Тью вздрогнула от удара по ее дереву и, взглянув, успела поймать краешек солнца. Она знала, что потом заболят глаза, и кожа на лице будет саднить и искриться, и колющим нитьем ответит на перегрев фоль — складка термомокатора у горла. Она знала это и все-таки на секунду раньше, чем следовало, оторвалась от шершавой березовой коры. Холодный багровый луч царапнул по глазам так, что виски заломило. Тью зажмурилась и не увидела, как солнце покатилося под горизонт.

Роса уже пала на траву, лес пробудился, синицы торопливо дотягивали обязательную вечернюю звень, и по своим извилистым путям поплыли тоненькие голоса запахов. Пахло мухомором, таволгой, мокрой паутиной, золой, а откуда-то издалека желтенький мотылек настойчиво звал свою подругу.

Тью отделилась от ствола, дунула вдоль ветки, чтоб послушать, как поворачиваются листья, и тихо скользнула вниз. Из-за толстого корневища выглядывал, улыбаясь, зайчишка, которого она неделю назад вызволила из капкана. Лапку ему пришлось заговаривать, потому что кость, кровь, нервы — все в организме перессорилось между собой. Увидев Тью, зайчиш изо всех сил забарабанил по дереву.

— Поиграй, малыш, один. Тави сегодня очень заняты.

Заяц горестно опустил одно ухо.

— Иди-иди, нечего притворяться! — Тью засмеялась, потеряла его пушистый загривок. Звереныш с поддельным ужасом заверещал и сиганул за куст.

День угасал. Юная тавья ветерком скользнула

меж деревьев. На холмике у кривой осинки она задержалась. Деревце монотонно покачивало листвой.

— Вставай, соня! — Тью звонко шлепнула ладошкой по стволу.

Над ветвью осинки показалась славная заспанная мордашка Миччи.

— Я уже давно не сплю!

Он так хорошо и тщательно прикрыл рот, что Тью тоже не удержалась от зевка.

— Расскажешь об этом веснятам! Может, они и поверят. А мне тебя колыбельная выдала.

Осина прислушалась и перестала нашептывать листьями баюкающие ритмы.

— Ну-ну, не ворчи! — Миччи съехал по стволу, подхватил по дороге росы на пальцы, протер глаза. — Грагги еще не были?

— Нет, но нам пора! — раздалось у самых ног, и из-под валуна вынырнул худенький стремительный Зиц.

— Не жестко было? — спросила Тью.

— Ничего, спасибо.

— Как спалось? — поддержал разговор Миччи.

— Отлично.

— Муравьи не донимали?

— Да рыжие сегодня воевать к соседям бежали, им не до меня было. А вот корень твоей осины целый день в мою сторону пробивался. Пришлось пугнуть его обратно. Она не жаловалась?

— Может быть, не помню, — неопределенно ответил Миччи.

— Нашел кого спрашивать! Ему и Грагги подухом бухнут — не добудятся, — пояснила Тью.

— Во, расщебетались, вечную тему нашли. С вами того и гляди опоздаешь. Идем?

— Без завтрака? Миччи, ты заболел! — Тью направила на него фоль и мгновенно заслонилась рукой, словно обожглась. — Так и есть. У тебя температура — минус!

— Да ладно вам! Просто я вчера высмотрел место, где кипрей только-только медом налился.

— Это ж совсем другое дело, — обрадовался сластена Зиц. — Веди!

И все трое заструились к поляне.

Темнело быстро. Прежде чем поблекнуть на ночь, краски еще разок вспыхивали, а потом впитывались внутрь травы и листьев, уплывали вверх. Зелень набухала и тяжелела, обретала синие глянецевые тона. Небо светлело, выравнивалось, теряло глубину. А для тави с их фольями занимался рассвет: все вокруг испускало тепло, и контуры предметов начали прорисовываться оттенками на общем белом фоне. Скоро и кожа самих тави стабилизирует свой цвет. А пока по ней — мгновенная смена пятен.

Тью закинула руки за голову, прострекотала что-то легкое и вдруг, не останавливая бега, обернулась всем туловищем:

— Знаете, мальчики, если все пройдет удачно, я буду страшно счастлива! А вы?

— Ни к чему это нам, по мне и так хорошо,— невнятно пробормотал Миччи, на ходу поднося ко рту горсть незрелой, едва начавшей кое-где белеть брусники. Ягода оказалась кислее, чем он предполагал, и лицо его перекосилось.

— Рядом с тобой и березовый сок забродит,— засмеялась Тью.— А я вот прямо-таки чувствую, как расширяется наш мир! Мы возьмемся за руки, выскочим под раскаленное небо и запоем: «Солнышко, солнышко, выгляни на небо!»

— О чем разговор?— вмешался Зиц.— Найти общий язык с людьми— значит, на собственной привычной планете вдруг обрести братьев по Разуму. Хвала и трижды хвала Совету, который решился на эксперимент!

— Да я не спорю. Только чем все кончится?

— Ну, это ты брось!— Зиц остановился.— Предсказатели по многу раз все варианты перечувствовали. Старые даже в строгую спячку несколько младенцев положили— на случай, если мы все-таки утратим себя.

— Видишь ли, самые необратимые изменения подкрадываются и накапливаются постепенно. И не заметишь ничего, и назад не повернешь... Вдруг мы, новые, кинемся уничтожать свое прошлое, в том числе и спящих младенцев?

— Ишь куда загнул! Не настолько же переломится наше сознание?

— Много ты знаешь об Излучении!

— Немного. Но одно наверняка: оно расширяет наши организмы, и мы, наконец, выйдем под солнце из своего ночного одиночества!

— Может быть... Если выживем.

— Опять ты преувеличиваешь, чудак!

— Если бы...

Миччи вздохнул и покатился под горку, такой кругленький, взъерошенный и несчастный, что Тью отвернулась. Разве бедняга, с его мучительной неспособностью не думать, виноват, что волнуется за свои привычки, за настроение тави и особенно за одну молоденькую тавинку— за нее? Еще, вероятно, он просто боится Излучения: говорят, в какой-то момент наступит боль.

Не очень веря в свое возвращение, он даже с осинкой простился. И Тью его ни капельки не осудила: она и сама едва не сказала напоследок березке грустное «Прощай!». Вот Зиц— тот совсем другое дело. Для него новое хорошо уже тем, что оно— новое. Зицу нравится быть чуть впереди остальных. К тому же, росой не пой— дай покомандовать. И хотя Тью на этот раз согласна с его мнением об эксперименте, но ведь и разделять мнения можно по-разному.

За мыслями Тью не заметила, как замедлила шаг, чем бессовестно воспользовался Миччи. Ворча и стаяя по поводу раннего вставания, он повалился под кустик и мгновенно задремал. Убежавший вперед Зиц вынырнул откуда-то из-за пня, при-

крикнул на соню и, не ожидая, когда Миччи кончит переминаться с ноги на ногу, прямо с середины продолжил спор:

— Представляете, как это здорово — тави и человечество лицом к лицу!

— А дальше? — осведомился Миччи.

— Что «дальше»? — не поняла Тьюу.

— Ну, предстанешь ты, вся такая шустренькая, юркая, с полупрозрачной кожей, с уродливыми — по их понятиям — глазами, со своими слабенькими четырехпальными ручками... Неужели ты думаешь, что они будут в восторге от этой встречи?

— Должны ведь они понять, как нам надоело одиночество! Вы слышите, люди? Примите нас в братья!

Последняя фраза прозвучала безнадежно-отчаянно, как крайний аргумент в споре, как неожиданная петушиная нотка в голосе подростка. Солнце манило Тьюу крепко и непонятно. И никому не расскажешь про дневные краски, которые она урывала для себя ценой обожженных глаз. Потом все тускнеет, сереет, но эти первые мгновения она ухитрялась растянуть в память, дополняя солнечными бликами однотонный инфракрасный спектр своего фолля. А внезапное сегодняшнее желание остановить ту девочку-грибницу, поболтать с ней немножко. Тьюу цеплялась за ее курточку, окликала, дергала выбившуюся из-под капюшона прядку, но человеческий детеныш ее не понял. И Миччи со своей тихой любовью к уюту тоже ничего не поймет...

— Ты говоришь «братья»? — сказал Миччи. — Послушай, вон там идут твои будущие родственники. Хочешь стать похожей на них?

— Где твоя объективность? — возмутился Зицц. — Мы должны смотреть с вершин цивилизации, быть достойными встречи...

— погоди, Зицц, — остановила его Тьюу и повернулась к Миччи. — Разве так уж необходимо отказываться от нашей внешности?

— Тьюу, да или нет?

Она отбежала немного в сторону, взлетела на валун, сильно наклонилась к земле. Сонная малиновка чиркнула коготком о намокший край гнезда. Маленький обабок хрустко расталкивал шляпкой мох. Жук-листорез в дурном настроении переползал на соседнюю ветку. Из-за деревьев вынесло шум проходящего вдали поезда, и тотчас, все сметая, налетел запах перегретых рельсов.

— Пожалуй, нет. Но...

— Достаточно. Меня не интересует, почему нет. — Миччи, уже прилеглий на траву, сладко зевнул и перевернулся на другой бок. — Странности преследуют нас уже сейчас. Взять хотя бы тебя, Зицц. Месяц спишь под валуном. Нравится?

— По правде говоря, не очень. Даже сухая сосна приятнее безразличного камня. — Зицц подпрыгнул и распластался вдоль соснового ствола,

ритмично царапая пятками чешуйчатую кору. Не удивительно, что из дерева тотчас высунулась недовольная физиономия дядюшки Дилля. Поскольку никто его не заметил, он положил голову на руки и прислушался.

— Видишь, — проговорил Миччи, — ты решил во что бы то ни стало догнать человека, сумеешь все, что умеют люди. И забыл об их нежелании слышать. К тебе может крот на пару слов забрести. И осиновый корень с приветом и благодарностью прибьется... Одно не под силу нормальному тавну: власть над машиной.

— Bravo, юноша! Немножко назойливо, но наглядно! — Дилль оперся о разлапистую ветку, кряхтя, извлек потихоньку все туловище. Он был очень стар, желт и свои ослабевшие глаза непомерно увеличивал настоём бересклета.

— Здравствуй, будь вечен, дядюшка Дилль! — виновато приветствовала его Тьюу. — Мы не знали, что ты отдыхаешь.

— Да. Я почувствовал.

— А Грагги? Тебе время быть на Поляне! — Зицц, не отлепляясь от ствола, быстро обернулся.

— Мальчик мой! — Дилль укоризненно понизил голос. — Ты же знаешь, что я против этой прометчивой возни с «Перекрестком», кому только пришло в голову такое дурацкое название! К сожалению, все тави разделились вроде вас: из любых трех двое почему-то «за»... Спрашивается, куда деваться нам, которые не верят в человека? Вот не верим и все. Так, Миччи?

Миччи молча кивнул.

— Да и что нам, собственно, даст человек? Он роет и режет там, где мы просочились бы. Его окружают мертвые камни, металл, стекло. Даже дерево он сначала убивает, чтобы сжечь или, в лучшем случае, построить дом. Мне, старику, смешно искать с этими существами контакта.

При последних словах Дилля Зицц съезжился, соскользнул с дерева, заторопился. Какой смысл тратить время, если все давно решено? Пока они тут спорят, серебряные паучки на Поляне довязывают последние ниточки антенн. Старые уже, наверно, подвели к поверхности толстые рудные жилы и теперь стягивают в узел пойманное солнце. Через несколько минут тонкое Излучение, никого больше в мире не замечая, ударит по организмам тави и превратит их в дневные существа. О чем тут спорить? О чем причитать? Все ясно...

— Я побегу, — сказал он. — Мне еще муравейник поручено из-под экрана переселить. И вы дайте не очень задерживайтесь...

Он скакнул на тропинку, догнал стайку шумливых детишек с пожилой невозмутимой тавьей-наставницей впереди, быстро перестроил их по трое, взял самого маленького на руки и вскоре со всеми вместе исчез. Дилль посмотрел им вслед, натужно сполз на землю, охнул, наступив на брошенную

человеком бутылку заскорузлой от старости ступней, и оттого еще больше распался:

— Когда-то на Земле царили рептилии. Среди многих суетились и маленькие юркие ящерицы — наши предки. Внезапное излучение из космоса убило гигантов, а мы скрылись в леса, отгородились деревьями от дневного света. Старые считают, что следовало тогда вытерпеть, приспособиться, и сейчас в мире было бы две братских цивилизации. Вопрос только, допустили бы мы развитие соперников из каких-то млекопитающих? — Дилль неодобрительно фыркнул.

Грагги на Поляне ударили первый раз.

Миччи приподнялся на локтях и, склонив голову, рассматривал одним глазом принесенный ветром клочок бумаги. Тью подвинулась ближе, свесившись с валуна почти параллельно земле, и с болью притронулась к этой раздробленной, вываренной и засохшей жизни. Ей стало жаль незнакомое дерево, ведь в лесу хватает всякой бросовой хвои и листьев. Она подкинула клочок на ладони, дунула, дунула, бумага взлетела, едва не зацепив Дилля. Тот с отвращением изогнулся, пропуская ее мимо, и следил за ней до тех пор, пока ее снова не принял и не умчал ветер. Потом тяжело вздохнул:

— Сорят люди. Однажды неразумно выпустят злую силу, и тью-тью наша планета. Вместе с нами... Мне-то в мои годы не страшно. За вас боюсь. Я тут на досуге задумываться начал. Вот человек подминает природу, поэтому сам и не собирается изменяться. Тави, наоборот, так стремились слиться с ней, что сделали все для этого. И тоже теперь перестали меняться. Оттого потихоньку угасают. А живем мы на одной Земле, и путь у нас, в общем, один... Тем более странно: сердцем чувствую, права молодежь, а разумом не могу принять человека с его солнцем и его скоростями. Нет, жили мы без него миллионы лет и еще проживем!

— Оно, конечно, в родных лесах тави еще ого-го! — появился невесть откуда Зиц. — А вот в космос голышом не выжишь. Так что устарели твои теории, дядюшка!

И, не слушая ответа, накинулся на Миччи — Тью задевать ему не хотелось:

— А ты когда-нибудь сдвинешься с места? На Поляне все готово. Ждут вот таких остороженьких...

— Ох и суетливое поколение! — Дилль сердито засопел. — Где гарантия, что Излучение сегодня не убьет наш изнеженный Разум?

— Человек — наша гарантия, дядюшка. Человек Думающий.

— Да-да-да! То самое теплокровное существо, которому в жару жарко, а в холод не согреться, которому ничего не стоит смахнуть с планеты целые семейства растений и животных... Для него остальной мир просто не имеет значения.

Дилль задумался, стоя на одной ноге и потирая ушибленную ступню. Тью укоризненно посмотрела на Зица и взяла старика под руку:

— Тебе по-прежнему не хочется на Поляну?

— Чего я там не видел, девочка? Высаженный вашими руками экран? Нам повезло: Излучение не успел открыть человек. Оцепленные свинцом и бетоном, здесь пролегли бы километры радиоактивной аппаратуры...

— Но ведь мы старше людей на пять миллионов лет!

— И вдруг возмечтали о молодости? Оставьте, милая. Сказки хороши, пока они не превращаются в боль... Чего нам сейчас не хватает?

— Общения, добрый ты наш злюка! — Тью обняла Дилля за плечи, но он вырвался и отступил:

— Без этого добра мы, старики, в общем, можем уже обойтись... Ладно, ребята, шагайте. Вон и матери с веснятами потянулись. Скоро начнется. А мои дурные мысли пусть останутся здесь, со мной...

Дилль безнадежно махнул рукой и попятился в свою покосившуюся, скрипучую, засыхающую сосну. Прежде чем скрыться окончательно, он сказал:

— Мы веселый, жизнерадостный народ. Для нас естественны мечты о дружбе. Но ведь человек никого не хочет, кроме себя! Он неконтактен и, едва мы откроем свое существование, объявит нам войну. Ради собственного счастья, в угоду беспечному эгоизму, из зависти — какая разница? Главное — он не успокоится, пока не изведет последнего из нас. За перекрестком улицы снова расходятся — имейте, пожалуйста, это в виду...

Деревья вокруг пушились легким белым мазевом отдаваемого тепла. Дорога, которую им предстояло пересечь, успела остыть и лежала впереди темной полосой с тлеющими кое-где на ней черточками корней. По соседству под яблочным дичком хозяйственно фыркнул еж.

— Жалко старика, — задумчиво проговорила Тью после некоторого молчания. — Один останется...

— Привыкнет, — неуверенно возразил Зиц.

— Скорее всего, завянет... — Миччи сильно растягивал слова, сдерживая зевоту. Видно, грусть снова навеяла на него сон.

— Идем, идем, лежебока! — присел возле него Зиц. — А то опять задремлешь.

— Я не сплю. Я думаю.

— Истинный тавн, ленивый и созерцательный! — Тью подхватила Миччи с другой стороны, и вдвоем с Зицем они поставили его на ноги. — Скажи прямо, что просыпаться, двигаться и даже с человеком дружить — для тебя лишнее беспокойство. Ну, работай, работай ножками, миленький...

— Уж если искать лентяев, то не среди нас, — уныло покоряясь друзьям, возразил Миччи. — Мы

рядом с людьми — что метеоры. Вон там, послушай, бежит твоя девчонка с приятелем. Их резвость просто смешна — за полчаса километр. Да еще петли по лесу крутят, еле-еле на дорогу набрели. По мне лучше до смерти на солнце вялиться, чем так ползать. Знаешь, как стремительны и беззвучны дельфины? Они не расталкивают и не рвут воду — они скользят в ней. Вот так и мы ходим по лесу. А у человека волны, брызги и шум...

— Но ведь он сухопутный, Ми!

— Хорошо. А в лесу?

Тью прислушалась. Далеко на Поляне Грагги ударили дважды! Зииц ахнул и, будто подстегнутый, кинулся на звук.

— А в лесу? — переспросила тавинка и снова замерла, наполовину высунувшись из кустов. Стало слышно, как за последними деревьями выбираются на дорогу Лорка и Толик, как нежится листва под лунными лучами. В канаву посыпалась земля, крикнул берег от грузного прыжка, зашуршали камешки. Легко скрипели и терлись одна о другую недогруженные корзинки.

— Дядя Толя, а почему вы бороду носите?

— Ой, ты не поверишь! Собирал в прошлом году грибы, упал, вот мох к подбородку и прицепился.

— Ну и выдумщик вы!

Они приближались, и Тью бесшумно попятилась, чтобы не быть замеченной.

— Быстро стемнело, правда, дядя Толя? — Лорка поежилась.

— Замерзла?

— Нет, я подумала, как леснякам ночью скучно в лесу. И мокро, если дождь...

— Может, у них кожа непромокаемая?

— Да, вы все шутите, а сами, небось, в дупле и часа не просидите?

— Зачем же в дупле, когда у меня палатка есть?

По дороге навстречу им с радостным визгом покатылся черный взъерошенный комок.

— Ой, смотрите, кто нас встречает! Чуня... Чунька!

— Надо же, отыскал... Откуда ты, лохматый?

Широкие, щеточками, собачьи лапы оттолкнулись от земли, послышались мягкие шлепки и счастливый Лоркин голосок:

— Ну, уж сразу и в нос лизаться! Не стыдно?

«Еще чего! — визгливо проскулил Чунька. — Я, знаешь, как по тебе соскучился? Говорил ведь, чтоб взяла с собой! Мало ли, какие звери в лесу попадутся?»

— Юрца-то сегодня не обижал? — потрепал его по шее Толик.

«Да ну его! Вцепится в шерсть, и катай его по траве. Только приляжешь в теньке, он тут как тут: встанет на четвереньки и давай бодаться...»

Люди пошли быстрее, и голоса начали затихать. Тью выпрямилась, позвала Чуньку:

— Иди сюда!

Пес будто споткнулся, повернул к лесу, зарычал.

— Кого ты там заметил? — поинтересовался Толик.

«Чужие. Чужие!» — отрывисто ответил пес.

— У нас же свобода, чудак, — настойчиво звала Тью.

Чунька презрительно опустил уши, боком, на всех четырех лапах отпрыгнул к ногам Лорки:

«А кто вот ее будет защищать? Иди-иди, пока цела!»

И, закрутив хвост в кольцо, победно затрусил впереди. Лорка его обогнала, он рванулся скачками, и они быстро побежали вперед, намного оторвавшись от Толика.

— А ведь есть, видно, в человеке что-то такое притягательное, а, братец мой? — затормошила Тью своего ленивого друга. — Мы сколько тысячелетий бились, чтоб научиться всех понимать. А человек и сам не осознает, что пошел своим путем: шутя подарил собакам язык.

— Тебе тоже служить ему захотелось? Вроде собачки?

— Доверять, миленький мой! И дружить тоже. С ними, например, и с другими.

— Боюсь, трудно тебе придется. Вот смотри, топает напролом наш задушевный родственник, — показал Миччи на Толика. — Он только что расшибся о корягу, потому что слеп ночью. Впрочем, и дневной свет бесполезен для его незрячих ног... Вот он обломил розетку у ромашки. Просто так, под руку попала. А теперь... Ой! Помнишь того жука-рогача, который повздорил с муравьями из-за крылышка капустницы? Он на него...

— Не надо, Миччи, я вижу.

— И все же будешь рассуждать о дружбе?

— Действительно, кое в чем наша цивилизация сильнее. Культура доброты — вот что мы можем и должны принести с собой человеку. Два брата, два добрых солнечных народа — разве не здорово? Разве не стоит ради одного этого пойти на эксперимент?

— Ах, Тью, милая, взгляни еще раз! Он обернут мертвой тканью, и мертвая твердь отделяет его от живой земли. Он согнут под тяжестью ноши, потому что и пищу, и знания ему приходится таскать отдельно. Глухой и бронированный, он навсегда закрыт от природы.

— Нет, Ми, ты не очень хорошо знаешь человека.

— Постой, куда ты?!!

Тью не отвечала. Залитая луной, легкая, стройная, с громадными мерцающими глазами, с бледным лицом и яркими губами, с искрящейся фолле-

вой полоской у горла, она забежала вперед и вдруг встала на пути у человека.

— О, господи!— пробормотал Толик, перекладывая корзинки в левую руку, словно желая такой ненадежной преградой заслониться от привидения.— Зря, видно, по асфальту не пошли.

— Здравствуй, брат мой!— громко и раздельно проговорила Тью.— Женщина свободного племени тави ищет дружбы. Вот моя рука!

Но человек уловил только шелест ветра в листьях придорожного куста. Он вытянул корзинки перед собой и с бьющимся сердцем двинулся на неясный отступающий силуэт, пока не уперся пальцами в гладкий березовый ствол. Он был по-своему храбр, этот бородатый Толик. Как и всякий нормальный современный человек, он не верил в чертовщину и леших. Но подсознательный ночной страх уравнивает всех, даже тех, кто на спор ночует на кладбище. Столкнись такой храбрец с чем-то непризнанным, бесплотным, как дуновение, с чем-то официально не открытым и все-таки существующим — он мог бы просто тут на месте и умереть. А если бы остался жив, искал бы вполне естественное, общепринятое объяснение...

— Примерещилось,— успокоился Толик, поскольку ничем реальным объяснить увиденное не смог.— Рассказать на работе — вот смеху будет!

С облегчением проведя ладонью по коре березы, Толик удивился и обрадовался почти человеческой ее теплоте:

— Вот где ночью солнышко задерживается! Надо же!

Он прижался к березе щекой. Потом, не отрывая взгляда от ствола в том месте, где в него скрылась Тью, шагнул назад, споткнулся о корневиче, и вдруг что-то холодное и серебристое блеснуло в лунном свете, вскинулось, ударило его в ногу. Острая боль обожгла щиколотку, а в сторону неторопливо потекла, словно жидкость, гибкая полоска змеи. Толик настолько растерялся, что дал ей спокойно уйти, лишь после этого боль и страх вырвали у него крик: «Лорка!» — и заставили опуститься на землю.

Лорка примчалась сразу. Она как-то мгновенно ухватила взглядом сидящего Толика, опрокинутые корзинки, закатанную штанину джинсов и даже две капельки крови на ноге, о которых она скорее могла догадаться, чем заметить. Она присела на корточки и с такой пронзительной участливостью смотрела на Толика, точно у нее самой сейчас звенели от боли жилы. Собственно, боль не была уж такой нестерпимой, все это было просто отчаяние, страх перед ядом змеи, еще даже и не начавшем действовать. Это было предчувствие боли, оказавшееся мучительнее самого мучения.

— Нож... И спички... Быстро!— прохрипел Толик.

И тут Тью на миг забыла о Поляне, готовой высеять Излучение, забыла и о Миччи, так и застывшем в попытке остановить ее. Тью видела

сейчас только огромную боль и страх, и человека, которому она могла помочь, не могла не помочь... Она раскрыла ствол березы перед носом Лорки, шагнула вперед и также присела возле Толика. Лорка, не удивившись, подвинулась, дала место рядом с собой, а рычащего Чуньку обняла за шею, заставила уткнуться мордой себе в колени и умолкнуть. Девчонка из дерева положила четырехпалую ручку на рану и застыла. По лицу ее ходили тени.

Боль в ноге билась толчками. Толик сопротивлялся ей, но она уже протянулась через голень и бедро, пронзила бок. Уже не было сил прокалывать нож и надрезать укус. Он боялся, что прокушена вена и яд через кровь попадет в сердце... Появление из дерева того самого силуэта показалось ему бредом. Боль как-то быстро сошла, лишь слегка покалывало щиколотку. Лорка что-то говорила, удерживая одной рукой пса, а другой обнимая леснянку. Толик не поверил, принял это за продолжение бреда и, если бы не березовый ствол за спиной, повалился бы на спину, чтобы ничего этого не видеть и тихо ожидать возвращения боли. Но раз уж он не мог ни отвернуться, ни упасть, он вынужден был смотреть, как его малолетняя племянница налаживает дипломатию:

— Тави — хорошо! Тью — хорошо! Человек — хорошо!

— Я пойду,— спохватилась тавинка.

— Приходи завтра,— попросила Лорка.— Я буду ждать!

— Завтра. Хорошо — завтра...

Тью поднялась, прошла через ствол, и Толик, который слышал только Лоркин голосок и не понимал ответов гостя, неотличимо похожих просто на шелест листвы, внезапно уловил в себе неясный, но заметный след в виде смутно рождающихся стихов. Он прижался теснее к березке плечом, зашептал:

Раскрой мне свои ладони, деревце:

Я хочу быть с тобой на «ты».

Со мною солнце, земля и дождик делятся,

Отливаясь в твои плоды.

Ты — памятник жизни,

Ты мое право надеяться,

Ты — формула высоты...

Раскрой мне ладони и сердце, деревце,

Я хочу быть с тобой,

Как с любимой, на «ты»...

Тью отделилась от ствола и на цыпочках отошла к замершему в отдалении Миччи.

Грагги на Поляне ударили третий раз.

Зинаида ЛИХАЧЕВА

Побег из бочки

За месяц до открытия сезона администратора Магаданского парка культуры и отдыха осенила мысль — устроить в парке зооуголок. В местные колхозы и совхозы полетели радиogramмы с просьбой: изловить и доставить живьем представителя колымской фауны.

Архитектор представил на утверждение проект строений для уголка живой природы: билетной кассы и страшных железных клеток. Проект утвердили и приступили к сооружению. Все необходимое, с точки зрения строителей, для удобства зверей было сделано.

Не хватало... самих зверей.

Вот почему, увидев на рынке живого нерпёнка, администратор, не торгуясь, заплатил за него собственными деньгами и, дотавив зверя до общежития рабочих парка, поместил его в железную бочку с пресной водой.

Первый экспонат прибыл.

Нерпёнок в бочке печально гугукал и, высовывая голову, тоскливо озирался. Собравшиеся вокруг рабочие наперебой предлагали ему свежую навагу.

— И-ха, как пылоха! Мамка нет, вместо морям — бочкам, си равна турьма, — сочувственно вздыхал старик-казах.

Нерпёнок, упершись лапами в края

бочки, вылез до половины и, потеряв равновесие, шлепнулся на землю. В этот момент подошла Нина — библиотечарша парковой читальни. Читальня помещалась в круглом остекленном павильоне, душном и неуютном, и Нина чувствовала себя там, как рыба в запущенном аквариуме.

Нина присела возле нерпёнка, а он, уткнувшись носом в ее руку, загугукал еще жалобней. Не выдержав звериного горя, она помчалась к администратору:

— Это же бесчеловечно, — закричала она. — Зачем мучить животное? Бассейна еще нет, а в бочке нерпёнок не выживет! Его надо выпустить, ведь это еще детеныш!

— Попрошу не вмешиваться не в свое дело! — вскипел администратор. — Мне надоели ваши претензии: то вы жалуетесь, что в читальне нет литературы, то требуете, чтобы там сделали открывающиеся окна... В конце концов, имейте в виду, что на ваше место достаточно желающих!

...Несколько раз нерпёнок пытался бежать. Ветер и туман подсказывали ему дорогу к морю, и нерпёнок, шлепая лапами, пробирался сквозь кучи старых стенов с торчащими из них ржавыми гвоздями, барахтался в обрезках жести, запутывался в кусках рыжей колючей проволоки, стремясь уйти из жестокой, причиняющей на каждом шагу боль, неволи. И каждый раз его находили и снова водворяли в бочку с затхлой водой.

Нина решила во что бы то ни стало выпустить нерпёнка. Рабочие отнеслись к ее затее сочувственно, но, зная крутой характер администратора, участвовать в ней не решались. Неожиданная помощь явилась в лице десятилетнего сына администратора. Было решено, что, как только Славкин отец куда-нибудь уйдет, они хватают нерпёнка и бегут через заранее приготовленный в заборе лаз. Отдрать доску должен был Славка.

...Старик-казах стоял на страже, чтобы в случае появления администратора дать сигнал опасности.

Волнуясь, Славка и Нина подбежали к бочке. Она была пуста. Обшарили двор, перевернули весь хлам, нерпёнок исчез. В отчаянии спасители вылезли в приготовленную лазейку. И по ту сторону забора в глубокой канаве увидели беглеца. На нерпёнка, лежащего брюхом вверх, было страшно смотреть. Белое пузико одрябло и сморщилось. Израненные лапы — в крови и грязи. Зачуяв людей, нерпёнок часто задышал и забился, стараясь уползти. Он

жадно вытягивал мордочку навстречу морскому ветру.

Торопливо закутав его в приготовленную тряпку и прижав к себе, Нина бросилась бежать. Славка бежал рядом, шмыгая носом и поминутно поправляя соскакивающие галоши.

— Даними ты их, — на бегу посоветовала Нина, — и давай мне, а ты немножко потащи нерпёнка, я капельку отдохну.

Похитители мчались вниз по Портовой улице — то Нина тащила нерпёнка, а Славка свои галоши, то наоборот. Нерпёнок, закутанный с головой, вел себя смиренно до тех пор, пока не открылось море. Зачуяв его, нерпёнок, как пружинка, вывернулся из Славкиных рук на тротуар. С трудом удалось его снова запеленать в тряпку. Он извивался, драл тряпку лапами, шипел и гугукал.

Пустить его в море возле набережной было рискованно. И берег и дно были завалены железным ломом, а кроме того, здесь его могли заметить. Очень многим людям по вкусу мясо морского зверя, и неплохой холодец получается из нерпичьих лап...

Решили дотащить до конца мола, который возвышался над водой метра на три. Положив нерпёнка, женщина и мальчик растерянно переглянулись. Как спустить его? Ведь нельзя же сбросить малыша с такой высоты?

И вдруг — плюх! Нерпёнок сам кинулся в море. Славка с Ниной в ужасе смотрели, как безжизненная тушка опускалась вглубь зеленоватой, пронизанной закатным солнцем, воды.

— Разбился! — охнул Славка.

Ничего подобного! Скользкое тельце напрыглось, уверенно заработали лапы и нерпёнок скрылся. Через минуту гладкая круглая головка показалась на поверхности далеко от мола. Повёрнулась, осмотрелась и взяла курс прямо в открытое море.

— Тетя Нина, а ведь вам здорово попадет, — встревоженно сказал Славка, беря ее за руку. — А вы скажите папе, что это я утащил нерпёнка. Я не боюсь, пускай ругается, мне все равно...

Но и Нине было тоже — все равно. Чувство своей маленькой справедливости уничтожило страх перед ожидавшим ее большим скандалом.

Не отрывая глаз от веселых морщинок моря, она приветственно помахала тряпкой: — Счастливого плавания!

Русалкина коса

В наших лесах много троп и тропинок, затесов и затесинок, всех не узнаешь, не проверишь, надо грамотеем быть и лесную книгу не по складам читать. Много я лесу исходил, поди, десятков пять сапог изорвал, не одни штаны на суковинах оставил, а всего не узнал, лесную тайну не распечатал, книгу до конца не прочитал.

Возвращаясь с Саражи-реки, что змеится меж крутых берегов, меж больших лесов да малых покосных поляночек, я сплутал, не на ту тропинку на выходе встал и пришел к речке Снежице, что протекает у Ильин-горы, Чертова грота, по смешанному лесу. Вода в реке светлая, холодная, пороги круглые сутки колокольчиками звенят. Привольно и приятно. Значит, в такой речке должна водиться форель.

На берегу у старого-старого пепелища, у белых карельских берез, которые взяты на учет,— их не срубишь, домой не увезешь, вором посчитают,— сидела старая-старая бабушка, в старом пуховом платке, и помалу вылавливала из воды голавлей. Остановился я, поздоровался. Бабушка полушалак с одного уха отдернула, спросила:

— Ась? Что вымолвил?

— Поздоровался с вами, бабуся.

— И на этом спасибо.

Размотал лески и я, решил выудить из омутка голавлей на уху, а то с устатку-то аппетит запошевеливался.

Насадил червяка навозного, кинул лесу в омут и стал ждать. Бабушка беспрестанно выуживала рыбицу из воды, а у меня поклева не было.

— Что, мила-ай? Видно, наживка-то у тебя для голавля неприманчивая, невкусная. На что ловишь-то?— спросила, поглядела на меня, потом на крючок мой, расхоталась:— Чудило ты, а не рыбак! Да разве голавль на червя сейчас возьмет? Не возьмет. Ему он невкусен.

— А ты, бабуся, на что ловишь?

— Я-то? На русалкину косу.

И я остался в недоумении. Что из себя представляет русалкина коса и где она водится, где ее искать, я не знал, осекся, ближе к бабушке подсел.

— А разве тут форели нет?

— Нет. Форель за плесом да на километр выше, здесь только голавль.

Я удрученно сел и стал думать, как же мне спросить у старой про русалкину косу. Попросить у нее я постеснялся, как-никак, а все ж стара бабушка, и не мне от нее брать, а ей подавать. Видя мое замешательство, она заговорила сама:

— Перейди, сынок, вон по тем камням ручеек, спустишься по нему к каменюгам перебора реки Снежицы, поковырайся около синих камней и русалкину косу добудешь. Она нынче, в июне-то, липнет к камням и извивается, что девичья коса, только цветом не похожа, вся голубенькая-голубенькая.

Послушав совета бабушки, я нашел русалкину косу, набрал ее в карман, вышел обратно и только успел закинуть лесу с новой наживкой, как сразу выловил крупного голавля. Бабушка улыбнулась, прошептала:

— Ты, видно, парень, не клюква, а лучше.

ПРИЗ ~ ЮНЫМ ОРНИТОЛОГАМ

Не раз на страницах «Уральского следопыта» рассказывалось о большой исследовательской работе юных орнитологов Свердловского Дворца пионеров. Много лет ребята наблюдают за жизнью птичьего населения Урала: в лесу и в тундре, на болотах и в степи. Они сделали немало открытий, заинтересовавших ученых.

В прошлом году в Ленинграде на Всесоюзной конференции юных исследователей-биологов три доклада свердловских следопытов — «Расширение ареалов некоторых видов птиц на Среднем Урале в результате хозяйственной деятельности человека», «Фауна птиц реки Белой в годы с различным уровнем весеннего паводка», «Птичье население заболоченных районов Тюменской области» — были признаны лучшими и все три включены в программу Всесоюзной орнитологической конференции.

В восьмом номере «Уральского следопыта» в 1973 году был напечатан материал о последней экспедиции юных орнитологов «В гости к птицам». Эта работа признана лучшей из всех, присланных на конкурс журнала.

Решением редколлегии и жюри конкурса юным орнитологам Свердловского Дворца пионеров присужден приз «Уральского следопыта».

ПОБЕДИТЕЛИ ФОТОКОНКУРСА

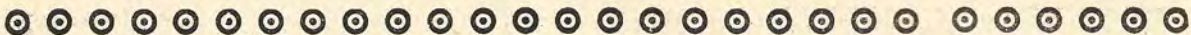
Сотни снимков поступили на наш фотоконкурс «Человек и природа». Авторы их — и опытные мастера фотографии, и начинающие фотолюбители. Объединяет их большая любовь к природе.

Однако далеко не все снимки были признаны достойными публикации. Многим из участников конкурса так и не удалось отобразить средствами фотографии все многообразие взаимоотношений человека и природы, и они ограничились съемкой красивых пейзажей. А это не отвечает условиям конкурса. Немало было и однотипных снимков.

Прошедший конкурс привлек к журналу много новых авторов, позволил читателям взглянуть на природу разных уголков страны. И мы признательны за это всем участникам конкурса.

Рассмотрев лучшие публикации, жюри и редколлегия журнала

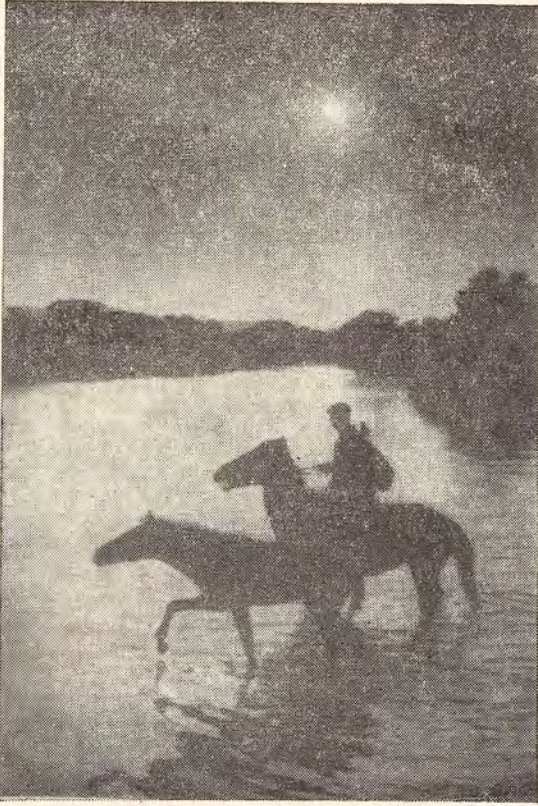
присудили ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ (туристская палатка) И. И. Сапожкову из Тюмени за фотоочерк «Юные лесоводы».

ДВЕ ВТОРЫХ ПРЕМИИ (красочные шеститомные издания «Жизнь животных») присуждены Г. В. Димову из Владивостока за фотографию «Брод» и А. А. Рыжкову из Кургана за снимок «Ужин».

ТРИ ТРЕТЬИХ ПРЕМИИ получают В. Б. Малахов из Тулы за снимок «Сельские ребята», В. К. Чупаченко из Томска за снимок «Лисички» и В. С. Юхин из Казани за снимок «Лосенок».

Поздравляем победителей фотоконкурса!

- ПРОСТАЯ ВЕЩЬ — ДАТА
- ПОСЕРЕДКЕ... МАЯКИ
- КОНЦЕРТ ДЛЯ ЦВЕТОВ

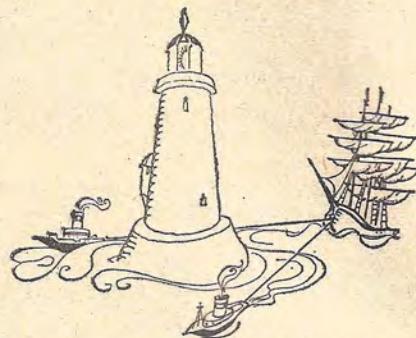

В деловой переписке сложились свои традиции в написании даты. В нашей стране, например, 9 мая 1973 года записывается обыкновенно так: 9.5.1973. В других странах вначале записывается месяц, а потом число: 5.9.1973 или 1973.5.9. Из-за этой путаницы при переписке с заграницей нет-нет да и возникают недоразумения. Существует мнение, что во всех странах следует писать даты одинаково, по «спортивному» принципу — от большего к меньшему. Так, 9 мая 1973 года должно в деловом письме выглядеть так: 1973—05—09. Такая система написания дат уже принята в 25 странах.

В 1907 году произошла одна из самых невероятных морских катастроф: корабль врезался в маяк.

...Сильный туман навис над водами Бристольской бухты. В непроницаемой мгле два буксира на малой скорости держали курс к пристани, ведя к причалу элегантный четырехмачтовый корабль «Жаклин». Посреди залива на гряде скал высился маяк Вульф Рок. Один из буксиров осторожно обогнул маяк с левой стороны, второй — с правой... Неожиданный удар потряс башню маяка. Испуганные зрители выскочили наружу и прямо перед собой увидели корабль, который в результате столкновения с маяком потерял носовую часть.

После этого происшествия маяки стали оснащаться сиренами и колоколами.

Четыре примулы ежедневно по три часа «слушали» музыку разных жанров: первая — классическую, вторая — джаз, третья — из вестернов, четвертая — рок-н-ролл. Хуже всего, как выяснили американские ботаники, на рост растений влияет рок-н-ролл, лучше — джаз и музыка из вестернов, но больше всего растениям «нравится» классика: примула, «слушавшая» концерты Бетховена и Шопена, выросла быстрее и лучше, чем пятое, контрольное растение, которое вообще не «слушало» музыки.

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора], МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, И. МАШКИН, И. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный секретарь], В. ШУСТОВ

ОБЛОЖКА Р. КАПТИКОВА

НА I, 2, 3-й СТРАНИЦАХ ВКЛАДКИ МОНОТИПИИ И ЗАРИСОВКИ М. ТКАЧЕВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова

Технический редактор Э. Максимова

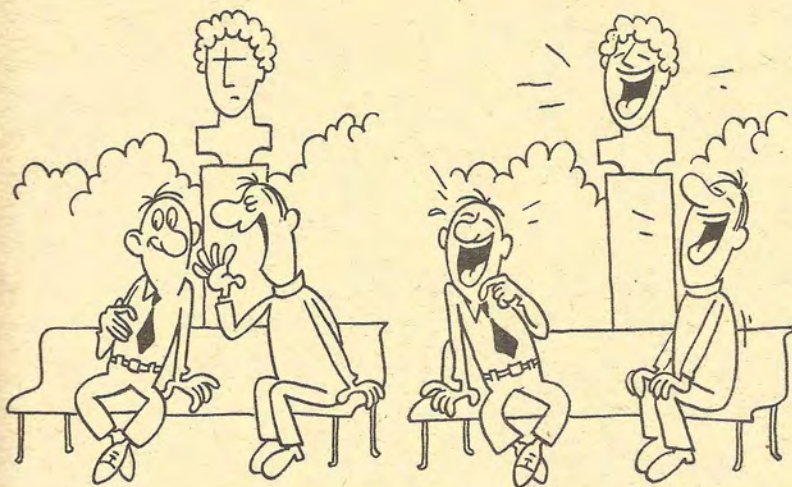
Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40

Средне-Уральское Книжное Издательство.

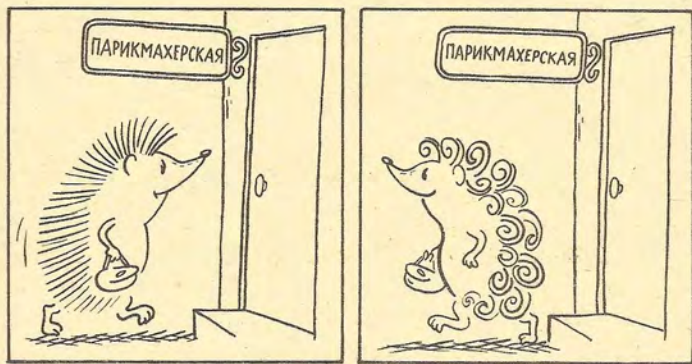
Сдано в набор 25/ХII 1973 г. НС 31024. Подписано к печати 8/II 1974 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.— 8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 270 000. Цена 30 коп. Заказ 561.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

АНЕКДОТ

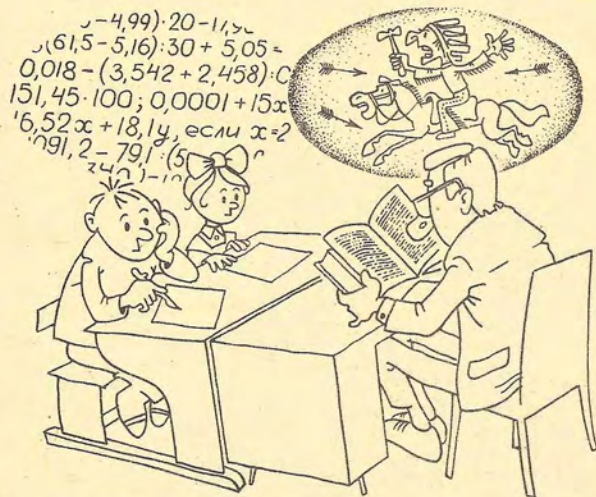
Рисунки
С. Ашмарина,
М. Ибрагимова,
В. Милейко.

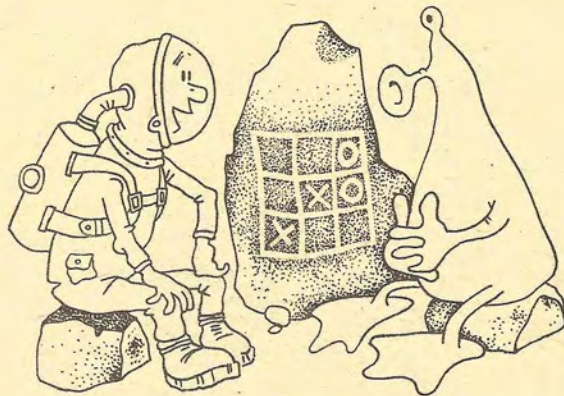
ВЕСНА

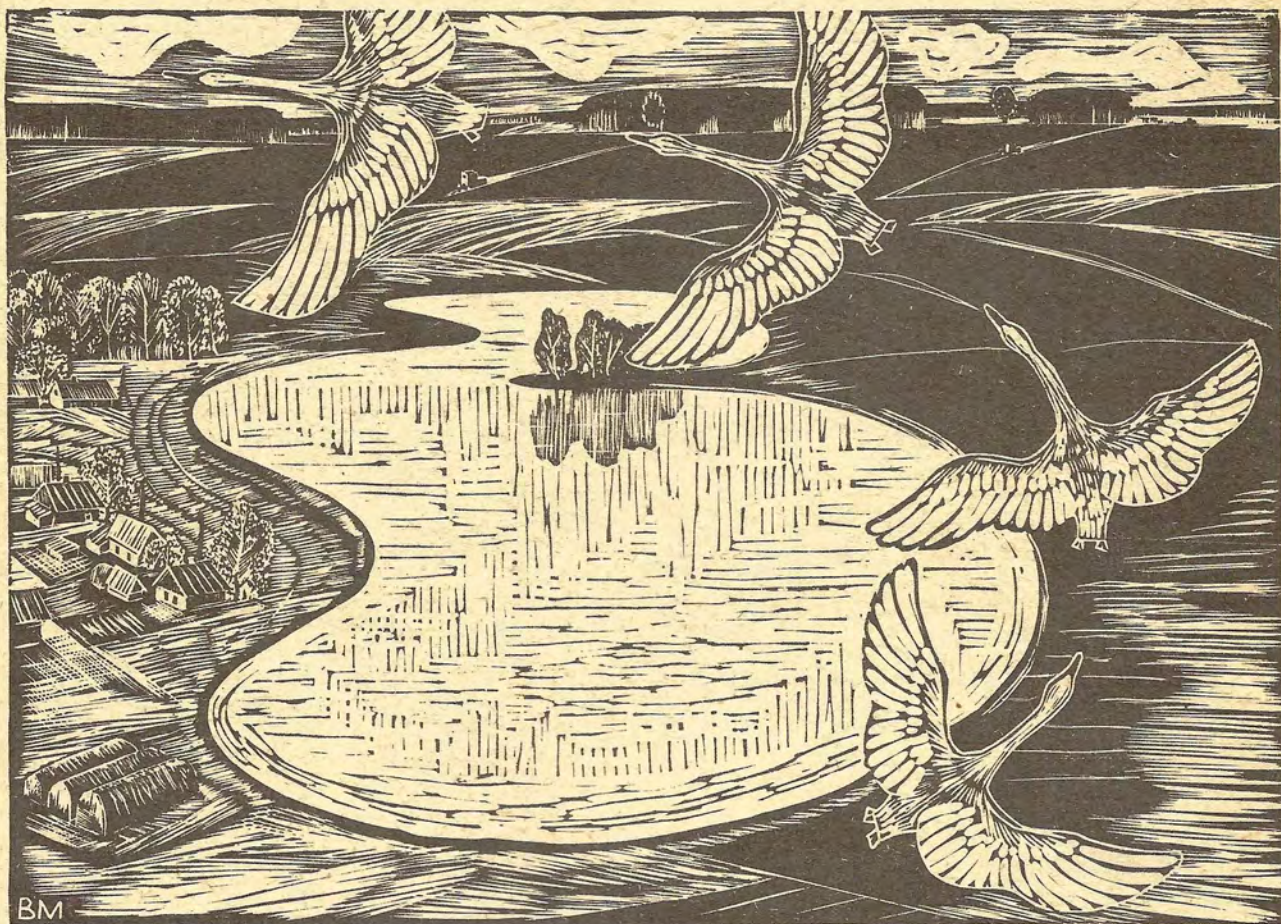
ОХОТА НА ЗАЙЦА

— ДУМАЙТЕ, ДЕТИ!

КОНТАКТЫ

ЦЕЛИНА — МОЙ КРАЙ. Линогравюра.

Василий МАНЗЯ (г. Петропавловск).